

Демографическое обозрение

электронный
научный журнал

Том 6, № 4, 2019

СОДЕРЖАНИЕ

Оригинальные статьи

ПРИЕМ В ГРАЖДАНСТВО ЛИЦ, ПРОЖИВАЮЩИХ ЗА РУБЕЖОМ:
ПОЛИТИКА РОССИИ И МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ
ОКСАНА ХАРАЕВА, ОЛЬГА ЧУДИНОВСКИХ

ТРУДОВЫЕ МИГРАНТЫ ИЗ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В СИБИРСКОМ ГОРОДЕ:
ИНФРАСТРУКТУРА, ЗАНЯТОСТЬ, ПОВСЕДНЕВНОСТЬ, ДОСУГ
**ДИАНА БРЯЗГИНА, СЕИЛЬ ДЖАНЫЗАКОВА, ИРАИДА (ИРИНА) НАМ,
АНТОН САДЫРИН, ФЕДОР СМЕТАНИН**

МОДЕЛИ ВЗРОСЛЕНИЯ РАЗНЫХ ПОКОЛЕНИЙ РОССИЯН
ЕКАТЕРИНА МИТРОФАНОВА

РЕПРОДУКТИВНЫЕ НАМЕРЕНИЯ РОССИЯН: МОТИВАЦИЯ
И СДЕРЖИВАЮЩИЕ ФАКТОРЫ
ТАТЬЯНА ГУДКОВА

РАСОВОЕ ПРОФИЛИРОВАНИЕ:
ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ИССЛЕДОВАНИЙ
КСЕНИЯ ГРИГОРЬЕВА

Переводные статьи

НОВЫЙ ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ПЕРЕХОД:
НАИБОЛЬШИЙ ПРИРОСТ ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТИ ЖИЗНИ
В НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ ПРОИСХОДИТ ЗА СЧЕТ СТАРШИХ ВОЗРАСТОВ
КАРЕН ЭГГЛСТОН, ВИКТОР ФУКС

Рецензии

МЕТАМОРФОЗЫ ИДЕНТИЧНОСТИ: ТРУДНОСТИ ПЕРЕВОДА
Рецензия на книгу «Свои и чужие. Метаморфозы идентичности
на востоке и западе Европы»
ГЛЕБ СМИДОВИЧ

ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ • DEMOGRAPHIC REVIEW

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Е.М. АНДРЕЕВ
А.Г. ВИШНЕВСКИЙ
В.В. ВЛАСОВ
М.Б. ДЕНИСЕНКО
В.В. ЕЛИЗАРОВ
С.В. ЗАХАРОВ
С.Ф. ИВАНОВ
А.Е. ИВАНОВА
И.Е. КАЛАБИХИНА

М.А. КЛУПТ
Н.В. МКРТЧЯН
А.Р. МИХЕЕВА
В.И. МУКОМЕЛЬ
Л.Н. ОВЧАРОВА
А.И. ПЬЯНКОВА
М.С. САВОСКУЛ
С.А. ТИМОНИН
А.И. ТРЕЙВИШ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Б. АНДЕРСОН (США)
О.Е. ГАГАУЗ (Молдавия)
И.И. ЕЛИСЕЕВА
Ж.А. ЗАЙОНЧКОВСКАЯ
Н.В. ЗУБАРЕВИЧ
В.А. ИОНЦЕВ
Э.М. ЛИБАНОВА (Украина)
М. ЛИВИ БАЧЧИ (Италия)
Т.М. МАКСИМОВА

Т.М. МАЛЕВА
Ф. МЕЛЕ (Франция)
Б.Н. МИРОНОВ
С.Ю. НИКИТИНА
З. ПАВЛИК (Чешская Республика)
В. СТАНКУНЕНЕ (Литва)
М. ТОЛЬЦ (Израиль)
В.М. ШКОЛЬНИКОВ (Германия)
С.Я. ЩЕРБОВ (Австрия)

РЕДАКЦИЯ:

Главный редактор – Анатолий Григорьевич ВИШНЕВСКИЙ
Заместитель главного редактора – Сергей Андреевич ТИМОНИН
Заместитель главного редактора – Никита Владимирович МКРТЧЯН
Ответственный секретарь редакции – Анастасия Ивановна ПЬЯНКОВА
Корректор - Наталия Станиславовна ЖУЛЕВА
Компьютерная вёрстка и графика – Кирилл Владимирович РЕШЕТНИКОВ

*Журнал зарегистрирован 13 октября 2016 года Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство о регистрации средства массовой информации Эл № ФС77-67362.*

ISSN 2409-2274

Адрес редакции:

109028 Россия, г. Москва, Большой Трехсвятительский пер., дом 3, офис 303
Телефон: 8-495-772-95-90*11864 / *11824
www.demreview.hse.ru
E-mail: demreview@hse.ru

Выпускается ежеквартально. Издается с 2014 года.

**Все рукописи проходят обязательное предварительное рецензирование.
Позиция Редакции не обязательно совпадает с мнением авторов.
Перепечатка материалов возможна только по согласованию с Редакцией.**

ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ • DEMOGRAPHIC REVIEW

EDITORIAL BOARD:

E. ANDREEV
A. VISHNEVSKY
V. VLASOV
M. DENISSENKO
V. ELIZAROV
S. ZAKHAROV
S. IVANOV
A. IVANOVA
I. KALABIKHINA

M. KLUPT
A. MIKHEYEVA
N. MKRTCHYAN
V. MUKOMEL
L. OVCHAROVA
A. PYANKOVA
M. SAVOSKUL
S. TIMONIN
A. TREIVISCH

INTERNATIONAL EDITORIAL COUNCIL:

B. ANDERSON (USA)
O. GAGAUZ (Moldova)
I. ELISEEVA
Z. ZAYONCHKOVSKAYA
N. ZUBAREVICH
V. IONTSEV
E. LIBANOVA (Ukraine)
M. LIVI BACCI (Italy)
T. MAKSIMOVA

T. MALEVA
F. MESLÉ (France)
B. MIRONOV
S. NIKITINA
Z. PAVLIK (Czech Republic)
V. STANKUNIENE (Lithuania)
M. TOLTS (Israel)
V. SHKOLNIKOV (Germany)
S. SCHERBOV (Austria)

EDITORIAL OFFICE:

Editor-in-Chief - Anatoly G. VISHNEVSKY
Deputy Editor-in-Chief - Sergey A. TIMONIN
Deputy Editor-in-Chief - Nikita V. MKRTCHYAN
Managing Editor – Anastasia I. PYANKOVA
Proofreader - Natalia S. ZHULEVA
Design and Making-up - Kirill V. RESHETNIKOV

*The journal is registered on October 13, 2016 in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media.
Certificate of Mass Media Registration ЭЛ № ФС77-67362.*

ISSN 2409-2274

Editorial address:

Bolshoy Trekhsvyatitelskiy lane 3, office 303, Moscow, 109028, Russia
Phone: 8-495-772-95-90 * 11864 / *11824
www.demreview.hse.ru
E-mail: demreview@hse.ru

Released quarterly. Published since 2014.

All manuscripts are obligatory peer-reviewed.

**Editorial office position does not necessarily coincide with the views of the authors.
Reproduction of any materials is possible only by agreement with the editorial office.**

СОДЕРЖАНИЕ
Декабрь 2019, Т.6, №4

Оригинальные статьи

ПРИЕМ В ГРАЖДАНСТВО ЛИЦ, ПРОЖИВАЮЩИХ ЗА РУБЕЖОМ: ПОЛИТИКА РОССИИ И МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ	6-30
--	-------------

Оксана Хараева, Ольга Чудиновских

ТРУДОВЫЕ МИГРАНТЫ ИЗ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В СИБИРСКОМ ГОРОДЕ: ИНФРАСТРУКТУРА, ЗАНЯТОСТЬ, ПОВСЕДНЕВНОСТЬ, ДОСУГ	31-52
---	--------------

*Диана Брызгина, Сеиль Джанызакова, Ираида (Ирина) Нам,
Антон Садырин, Федор Сметанин*

МОДЕЛИ ВЗРОСЛЕНИЯ РАЗНЫХ ПОКОЛЕНИЙ РОССИЯН	53-82
---	--------------

Екатерина Митрофанова

РЕПРОДУКТИВНЫЕ НАМЕРЕНИЯ РОССИЯН: МОТИВАЦИЯ И СДЕРЖИВАЮЩИЕ ФАКТОРЫ	83-103
---	---------------

Татьяна Гудкова

РАСОВОЕ ПРОФИЛИРОВАНИЕ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ИССЛЕДОВАНИЙ	104-127
---	----------------

Ксения Григорьева

Переводные статьи

НОВЫЙ ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ПЕРЕХОД: НАИБОЛЬШИЙ ПРИРОСТ ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТИ ЖИЗНИ В НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ ПРОИСХОДИТ ЗА СЧЕТ СТАРШИХ ВОЗРАСТОВ	128-182
---	----------------

Карен Эгглстон, Виктор Фукс

Рецензии

МЕТАМОРФОЗЫ ИДЕНТИЧНОСТИ: ТРУДНОСТИ ПЕРЕВОДА Рецензия на книгу «Свои и чужие. Метаморфозы идентичности на востоке и западе Европы»	183-193
---	----------------

Глеб Смидович

CONTENTS
December 2019, 6(4)

Original papers

GRANTING CITIZENSHIP TO PERSONS LIVING ABROAD: RUSSIAN POLICY AND INTERNATIONAL EXPERIENCE	6-30
<i>Oxana Kharaeva, Olga Chudinoivskikh</i>	
MIGRANT WORKERS FROM CENTRAL ASIA IN A SIBERIAN CITY: INFRASTRUCTURE, EMPLOYMENT, EVERYDAY LIFE AND LEISURE	31-52
<i>Diana Bryazgina, Seil Dzhanyzakova, Iraida (Irina) Nam, Anton Sadyrin, Fedor Smetanin</i>	
MODELS OF THE TRANSITION TO ADULTHOOD OF DIFFERENT RUSSIAN GENERATIONS	53-82
<i>Ekaterina Mitrofanova</i>	
FERTILITY INTENTIONS IN RUSSIA: MOTIVATION AND CONSTRAINTS	83-103
<i>Tatiana Gudkova</i>	
RACIAL PROFILING: THE HISTORY AND CURRENT STATE OF RESEARCH	104-127
<i>Ksenija Grigoryeva</i>	

Translated papers

THE NEW DEMOGRAPHIC TRANSITION: MOST GAINS IN LIFE EXPECTANCY NOW REALIZED LATE IN LIFE	128-182
<i>Karen Eggleston, Victor Fuchs</i>	

Reviews

IDENTITY METAMORPHOSIS: LOST IN TRANSLATION Review of the book «Us and them. Identity metamorphosis in Eastern and Western Europe»	183-193
<i>Gleb Smidovich</i>	

ПРИЕМ В ГРАЖДАНСТВО ЛИЦ, ПРОЖИВАЮЩИХ ЗА РУБЕЖОМ: ПОЛИТИКА РОССИИ И МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ

ОКСАНА ХАРАЕВА, ОЛЬГА ЧУДИНОВСКИХ

В статье обсуждаются вопросы приема в гражданство Российской Федерации лиц, проживающих за пределами страны. В контексте мирового опыта Российская практика является одной из наиболее масштабных и демонстрирует тенденции к расширению. Политические права, делегируемые лицам, не живущим в стране получаемого гражданства, несут в себе определенные риски влияния на политические процессы в самой стране. Экономические гарантии для новых граждан выполняются за счет работающего населения этой страны и других ее ресурсов, а сами новые граждане не участвуют в формировании социальных фондов. Авторы делают вывод о том, что последние решения об упрощении приема в российское гражданство жителей юго-восточных областей Украины (без условия переезда в Россию) потенциально могут иметь ощутимые для населения России экономические и политические последствия, которые пока в полной мере трудно прогнозировать. Мировой опыт проведения политики взаимодействия с «соотечественниками» и диаспорой неоднозначен. Он показывает, что страны, осуществляющие прием в гражданство или предоставляющие преференции соотечественникам, живущим за их пределами, не используют гражданство как единственный инструмент. Они вводят систему статусов, предоставляя одни права и ограничивающие другие, устанавливая временные рамки действия подобных программ. Авторы приходят к заключению, что в настоящее время подходы к предоставлению гражданства России лицам, проживающим за ее пределами, нуждаются в пересмотре, потому что сохраняющаяся практика и ее масштабы не вполне отвечают интересам населения России.

Ключевые слова: гражданство, натурализация, миграция, соотечественники, диаспора.

ВВЕДЕНИЕ

Традиционно порядок приобретения гражданства рассматривается как один из важнейших элементов или инструментов миграционной политики. Большинство мигрантов, меняя страну постоянного жительства, имеют планы в дальнейшем стать ее гражданами и полноправными членами принимающего сообщества. Для таких мигрантов расширяются экономические возможности в форме свободного допуска на рынок труда страны проживания, полноценного включения в систему социального страхования, права заниматься видами деятельности, недоступными иностранцам (такими как государственная служба, работа в правоохранительных структурах и др.).

ОКСАНА АЛЬФРЕДОВНА ХАРАЕВА (oxa-na1@yandex.ru), Московский ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ им. М.В. Ломоносова, Россия.

ОЛЬГА СЕРГЕЕВНА ЧУДИНОВСКИХ (migrstat@yandex.ru), Московский ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ им. М.В. Ломоносова, Россия.

Статья подготовлена в рамках исследования, выполненного при поддержке РФФИ, грант №19-010-00670 "Оценка результатов реализации миграционной политики Российской Федерации и предложения по её модернизации в новых экономических и геополитических условиях".

Статья поступила в редакцию в сентябре 2019 г.

Кроме того, эти люди приобретают все права на участие в политической жизни своей новой родины, в том числе право голосовать на выборах и быть избранными в органы управления на разных уровнях. Дети натурализованных мигрантов вливаются в население и часто ничем не отличаются от своих сверстников, не имеющих «миграционного происхождения». Работая и проживая в этой стране, мигранты и их потомки вносят вклад в ее экономическое и политическое развитие, формируют ее настоящее и будущее.

Литература по вопросам миграции и натурализации чрезвычайно обширна и затрагивает широкий спектр сюжетов, таких как изменение взглядов государства на политику натурализации, условия получения гражданства, влияние этого фактора на социальную и экономическую интеграцию мигрантов и так далее. Получение гражданства считается в большинстве случаев одним из этапов миграционного процесса, по сути – его завершающей фазой. Поэтому последствия натурализации рассматриваются лишь в контексте последствий миграции в целом. Значительно реже изучается вопрос приема в гражданство людей, которые не живут в стране получаемого гражданства и, возможно, даже не планируют переезд в обозримой перспективе. Имеющиеся работы (на которые мы будем ссылаться ниже) отражают практику отдельных, немногочисленных государств. Между тем этот вопрос имеет большое значение, поскольку показывает, как институт гражданства может использоваться странами для продвижения их интересов за рубежом и в то же время влиять на экономические и политические процессы внутри страны даже вне связи с иммиграцией.

В предлагаемой статье мы рассматриваем политику Российской Федерации в отношении приема в гражданство лиц, проживающих за ее границами, и сравниваем российскую ситуацию с практикой ряда зарубежных государств. Мы попытаемся ответить на вопросы о масштабах явления, его политических и экономических аспектах как с позиций новых граждан, так и стран, предоставивших свое гражданство¹.

ПРЕДОСТАВЛЕНИЕ РОССИЙСКОГО ГРАЖДАНСТВА ЗА ПРЕДЕЛАМИ РОССИИ ПОСЛЕ РАСПАДА СССР

Прием в российское гражданство лиц, живущих за пределами России, и без условия переезда не является новым явлением. Такая возможность была предусмотрена еще первым законом «О гражданстве РСФСР», ставшим после распада СССР и изменения названия нашей страны законом «О гражданстве Российской Федерации»². По закону жители бывших советских республик по желанию могли обратиться в российское консульство и получить гражданство просто «в порядке регистрации». В первые годы после распада СССР, в особых исторических условиях 1990-х годов, широкая практика рассмотрения заявлений о приеме в гражданство вне пределов России была оправданной. После распада СССР гражданство жителей республик определялось «механически» по месту постоянной прописки (Аксенов 2011: 62), что не устроило очень многих. Сотни тысяч жителей бывших

¹ В статье мы не рассматриваем вопросы оформления гражданства детям, родители которых живут за пределами своей родины, сохраняя ее гражданство.

² Закон РФ "О гражданстве Российской Федерации" от 28 ноября 1991 г. №1948-1.

союзных республик, волею судьбы оказавшихся за рубежами России и не захотевших получить гражданство республики своего проживания (а точнее – прописки³), смогли быстро оформить гражданство России в порядке регистрации в консульствах России⁴. Это помогло им при переезде в Россию избежать проблем с регистрацией и сделать процесс переезда не столь трудным, как для многих вынужденных мигрантов 90-х годов.

Однако уже в конце 1990-х годов политическая обстановка на пространстве бывшего СССР изменилась. Другими стал состав миграционных потоков, их причины. Пересмотр подходов к регулированию миграции к приобретению гражданства Российской Федерации обусловил принятие в 2002 г. двух важнейших законов: первого в истории постсоветской России закона «О правовом положении иностранных граждан»⁵, и нового закона «О гражданстве Российской Федерации»⁶.

В первой редакции Закона о гражданстве 2002 г. законодатели попытались сделать процесс приема в гражданство РФ не таким простым и формальным, как прежде. Однако особенности постсоветской миграционной обстановки в РФ потребовали внесения поправок, снова расширивших практику упрощенного приема в гражданство⁷. После этого селективность, заложенная в первой редакции закона 2002 г., по сути дела, была сведена на нет. В последующие годы законодательство в отношении натурализации лиц, уже переехавших в Россию, изменялось преимущественно в сторону упрощения процедур и сокращения сроков ожидания. По данным ФМС/ГУВМ МВД России, за десятилетний период с 2009 по 2018 г. в гражданство через органы ФМС/МВД были приняты более 2 млн иммигрантов, из них в общем порядке (предполагающим не менее шести лет проживания в России) всего 0,07%, в упрощенном и по международным соглашениям (оба варианта предполагают короткие сроки ожидания) – 82 и 14% соответственно. Около 3% приобрели гражданство по иным основаниям⁸.

Многочисленные поправки к закону о гражданстве 2002 г. практически не затронули приема в гражданство через загранучреждения России⁹. В настоящее время приобрести

³ Специальный доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации от 6 декабря 2007 г. «О практике изъятия российских паспортов у бывших граждан СССР, переселившихся в Российскую Федерацию из стран СНГ» (2008). *Российская Газета*, 26 января, Федеральный выпуск №4573. URL: <http://www.rg.ru/2008/01/26/pasporta-doklad.html>

⁴ Эта норма действовала до 31 декабря 2000 г.

⁵ Федеральный закон "О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации" от 25 июля 2002 г. №115-ФЗ.

⁶ Федеральный закон "О гражданстве Российской Федерации" от 31 мая 2002 г. №62-ФЗ.

⁷ В первую очередь, речь идет о значительных контингентах мигрантов, прибывших в Россию в предыдущие годы (в основном – 1990-е) с паспортами СССР образца 1974 г., военнослужащих, проходивших службу в вооруженных силах России и не имевших в этой связи паспортов, а также некоторых других категориях населения, оказавшихся без гражданства РФ после принятия нового закона. Внесение поправок было инициировано обращением Государственной Думы к Президенту России (См. Постановление от 11 апреля 2003 г. №3873-III ГД Об обращении Государственной думы Федерального Собрания Российской Федерации «К Президенту Российской Федерации В. Путину о ситуации, сложившейся после принятия Федерального закона «О гражданстве Российской Федерации»).

⁸ В частности, в рамках урегулирования правового статуса отдельных категорий лиц, находящихся на территории Российской Федерации (см. Главу VIII.1 Закона о гражданстве).

⁹ Единственным изменением, имевшим «усложняющий» характер, было введенное условие получения гражданства РФ выпускниками российских вузов. Начиная с 2014 г., заявление о приеме в гражданство

гражданство через консульства могут лица, имеющие хотя бы одного из родителей, состоящего в российском гражданстве и проживающего на территории России, а также лица без гражданства – бывшие граждане СССР, проживающие на территории государств, входивших в его состав. Особую категорию составляют несовершеннолетние дети, которым российское гражданство может быть оформлено по заявлению их родителей (усыновителей, опекунов), имеющих гражданство РФ¹⁰.

Таблица 1. Распределение лиц, получивших гражданство Российской Федерации через загранучреждения России по странам проживания и периодам, 2003-2017 гг.¹¹

Страна проживания соискателя	Получили гражданство в 2003-2017 гг. Всего, тыс.	В том числе, по периодам, тыс.		Доля жителей* отдельных стран (2003-2017), %
		2003-2009	2010-2017	
Всего	720,3	374,4	345,9	100
Армения	15,0	3,0	12,0	2,1
Германия	37,8	19,3	18,5	5,3
Казахстан	20,6	8,2	12,4	2,9
Киргизия	31,7	10,8	20,9	4,4
Латвия	37,1	16,2	20,9	5,2
Молдавия	186,5	110,7	75,8	25,9
США	23,8	11,8	12,0	3,3
Таджикистан	49,7	15,7	34,0	6,9
Узбекистан	31,6	20,2	11,4	4,4
Украина	19,9	8,9	11,0	2,8
Другие страны	266,6	149,6	117,0	37,0

Источник: Консульский департамент МИД России (КД МИД).

*Примечание: * – В статистике КД МИД указывается не гражданство соискателя, а страна (и город) нахождения загранучреждения, куда было подано заявление о приеме в гражданство.*

За весь постсоветский период через загранучреждения Российской Федерации гражданство было предоставлено почти 2,4 млн человек. Из них 1,7 млн получили гражданство в период с 1992 по 2002 г., 374,4 тыс. – с 2003 по 2009 г. и еще более 400 тыс. – с 2010 по 2018 г. В некоторые годы (1992-1994) число решений о приеме в гражданство, оформленных через консульства, значительно превышало показатели МВД России. В последние годы ежегодно российское гражданство через консульства приобретают около 50 тыс. человек. Распределение лиц, получивших гражданство через загранучреждения в период с 2003 по 2017 г., показало, что более четверти из них проживали на территории Молдавии, что объясняется достаточно просто. Речь идет о гражданах непризнанной Приднестровской Молдавской Республики, которым российское гражданство широко

подается ими только на территории России и при наличии трехлетнего стажа работы по востребованной в РФ специальности.

¹⁰ См. сайт Консульского департамента МИД России, раздел «Консульские функции за рубежом» / Вопросы гражданства. URL: <https://www.kdmid.ru/cons.aspx>

¹¹ Данные МИД за ряд лет (2007-2008 и 2010-2011) были предоставлены без выделения категории детей, которым гражданство было оформлено по факту рождения или усыновления гражданином России. В среднем, по имеющимся данным, их доля составляла около 25% в *общем числе* произведенных процедур по предоставлению или оформлению гражданства. В 2018 г. число лиц, принятых в гражданство, и детей, которым гражданство было оформлено по рождению или усыновлению, составило 49,7 и 16,2 тыс. человек соответственно. Данные за 2018 г. были предоставлены без распределения по странам.

предоставлялось и предоставляется. В 2007 г. их доля в общем потоке достигла 48% (таблица 1).

По нашему убеждению, сохранение канала масштабного приема в гражданство России лиц, проживающих за ее пределами, привело к консервации практики, пока не приносящей видимой пользы России и ее населению. Если человек остается жить за рубежом, наша страна не получает ни нового человеческого капитала, ни рабочих рук, но при этом выполняет свои обязательства по обеспечению материальной, социальной (и не только) поддержки своих новых граждан.

Надо отметить, что практически невозможно проследить миграционные траектории этих людей. В 1990-е и начале 2000-х годов в большинстве случаев за получением гражданства следовал переезд в Россию. Но в настоящее время имеет место иная тенденция: получив гражданство (и сопутствующие этому политические и экономические права), новые граждане России остаются в своих странах.

НОВЕЛЛЫ В СФЕРЕ ПРИОБРЕТЕНИЯ РОССИЙСКОГО ГРАЖДАНСТВА ЗА ПРЕДЕЛАМИ РОССИИ

Основные проблемы, которые мы связываем с практикой приема в гражданство лиц, живущих за рубежом, были освещены одним из авторов этой статьи в двух работах прошлых лет. В числе выводов была отмечена необходимость сужения такой практики как несоответствующей интересам населения России (Чудиновских 2014; 2018). Необходимость снова обратиться к этой теме и рассмотреть ее уже в международном контексте, обусловлена недавними решениями по приему в российское гражданство населения юго-восточных областей Украины.

В конце 2018 г. был принят Закон (от 27 декабря 2018 г. №544-ФЗ), дающий право Президенту РФ «в гуманитарных целях определять категории иностранных граждан и лиц без гражданства, имеющих право обратиться с заявлениями о приеме в гражданство Российской Федерации в упрощенном порядке»¹². Пояснительная записка к закону, оставшаяся вне зоны общественного внимания, открывает истинный замысел декабрьского закона, который может существенно изменить смысл института российского гражданства и механизмы его действия. В ней сказано, что новая норма позволит принять в гражданство РФ в упрощенном порядке соотечественников, «проживающих в странах со сложной общественно-политической и экономической обстановкой, где происходят вооруженные конфликты и (или) смена политического режима». Нетрудно заметить, что понимание «сложности» обстановки зависит от субъективных взглядов интерпретаторов закона и правоприменителей, а признаки такой обстановки можно отыскать во многих государствах постсоветского (и не только) пространства. В сочетании с крайне широким определением «соотечественников» потенциальные масштабы применения этой нормы становятся непредсказуемыми.

¹² Федеральный закон "О внесении изменений в Федеральный закон "О гражданстве Российской Федерации" от 27 декабря 2018 г. №544-ФЗ.

На основании этого закона уже в конце апреля 2019 г. Президентом были подписаны указы, в которых шла речь об упрощенном порядке приема в российское гражданство населения юго-восточных областей Украины и отдельных категорий иностранных граждан и лиц без гражданства. Первый указ, упростивший прием в российское гражданство жителей самопровозглашенных Донецкой и Луганской Народных Республик, был подписан 29 апреля 2019 г.¹³ Через несколько дней еще один указ распространил упрощенный порядок обращения за российским гражданством на некоторые категории граждан стран дальнего зарубежья (Афганистана, Сирии, Ирака), а также уроженцев Крыма, впоследствии выехавших на жительство в другие регионы или страны¹⁴. Уже после подписания первого указа можно было предугадать, что Донецкая и Луганская Республики не останутся единственными в списке территорий юго-восточных регионов Украины, где будет упрощено получение российского гражданства. В июле 2019 г. такой порядок был распространен на все население Донецкой и Луганской областей¹⁵. Эти решения вызывали определенный резонанс в России и за рубежом не только особым местом украинской тематики в современной повестке России, но и потенциально большими масштабами применения новых норм. По существующим оценкам Комитета по статистике Украины, численность населения Донецкой и Луганской областей превышает 6 млн человек¹⁶, и в теории все они могут претендовать на российское гражданство. Впервые за многие годы СМИ обратили внимание на возможные политические¹⁷ и экономические¹⁸ стороны вопроса предоставления российского гражданства людям, живущим за пределами страны.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ПРИЕМА В ГРАЖДАНСТВО ЖИТЕЛЕЙ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Политические аспекты приема в гражданство жителей зарубежных стран очевидны. Они выражаются, во-первых, в формировании электората, который не участвует лично в социальной или экономической жизни страны своего гражданства. Человеческий капитал этих избирателей не прибавляется к капиталу населения страны, а дети «зарубежных»

¹³ Указ Президента РФ от 24 апреля 2019 г. №183 "Об определении в гуманитарных целях категорий лиц, имеющих право обратиться с заявлениями о приеме в гражданство Российской Федерации в упрощенном порядке".

¹⁴ Указ Президента РФ от 29 апреля 2019 г. №187 (ред. от 17.07.2019) "Об отдельных категориях иностранных граждан и лиц без гражданства, имеющих право обратиться с заявлениями о приеме в гражданство Российской Федерации в упрощенном порядке".

¹⁵ Указ Президента Российской Федерации от 17 июля 2019 г. № 343 "О внесении изменений в Указ Президента Российской Федерации от 29 апреля 2019 г. № 187 "Об отдельных категориях иностранных граждан и лиц без гражданства, имеющих право обратиться с заявлениями о приеме в гражданство Российской Федерации в упрощенном порядке".

¹⁶ По оценке на 1 июня 2019 г. население Донецкой области составляло 4 151 526 человек, Луганской – 2 145 310 человек. URL: http://database.ukrcensus.gov.ua/PXWEB2007/eng/news/op_popul_e.asp

¹⁷ Аптекарь П. (2019). Чем опасна российская паспортная экспансия. Ведомости, 25 апреля. URL: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2019/04/25/800119-opasna-pasportnaya-ekspansiya>; Putin Simplifies Russian Citizenship Process for Eastern Ukrainians (2019). The Moscow Times, April 24. URL: <https://www.themoscowtimes.com/2019/04/24/putin-simplifies-russian-citizenship-process-for-eastern-ukrainians-a65372>; McKridy E. (2019). Putin offers Russian citizenship to Ukrainians in separatist-held areas. CNN, April 25. URL: <https://edition.cnn.com/2019/04/25/europe/putin-ukraine-russian-citizenship-offer-intl/index.html>

¹⁸ Паспортизация Донбасса обойдется России в \$2 млрд в год? (2019). Новые Известия, 25 апреля. URL: <https://newizv.ru/article/general/25-04-2019/pasportizatsiya-donbassa-oboedetsya-rossii-v-2-mlrd-v-god>

граждан России не помогают решению задач демографического развития. При этом, реализуя право голоса, такие избиратели могут определять судьбу населения страны своего гражданства (часто – не единственного). Причем этот «внешний» электорат, как показывает мировая практика, может быть как консервативным (что более вероятно в случае паспортизации жителей зарубежных стран и предоставления им определенных выгод), так и в большей степени настроенным на перемены (это более характерно для эмигрантов, покинувших страну из-за неудовлетворенности политическим и экономическим положением).

Второй аспект связан с тем, что, по мнению ряда авторов, «систематическое распространение гражданства на постсоветском пространстве» – это проявление экспансионистской политики России в этом регионе. Отдельное внимание уделяется политике паспортизации населения непризнанных республик. Отмечается, что в каждой стране практика паспортизации имела свои особенности, но главным мотивом была возможность вмешательства под предлогом защиты граждан России, в особенности, если их контингент значителен (Nagashima 2017: 2; Lohr 2012: 181-182).

Отметим, что в странах, предоставляющих политические права лицам, живущим за рубежом, влияние внешнего гражданства на избирательные процессы вызывает особую озабоченность. Основным аргументом в пользу предоставления прав голоса таким гражданам являлась необходимость обеспечения равенства гарантируемых конституцией прав всех граждан вне зависимости от места их проживания (Low 2018). Однако внешние избирательные права могут стать инструментом внутривнутриполитической борьбы, а голосование электората за рубежом способно оказать решающее влияние на результаты национальных выборов, как это произошло в Италии в 2006 г. (Faist, Gerdes 2008: 6)¹⁹. При этом избиратели-нерезиденты фактически не испытывают последствий своих политических решений. То же самое показал опыт Венгрии (см. ниже). В этой связи политика массового предоставления гражданства соотечественникам и их потомкам за рубежом вызывает неудовольствие в странах, предоставивших этим людям гражданство без условия переезда. Раздача паспортов, в особенности в государствах с компактным проживанием этнических меньшинств, рассматривается в качестве формирования условий для выдвижения территориальных претензий. Двойное гражданство и специальные документы иностранных государств, формализующие иную идентичность, во многих случаях оцениваются как угроза национальной безопасности, даже если речь не идет о пересмотре государственных границ. Считается, что граждане с расщепленной лояльностью могут лоббировать интересы других стран. В связи с этим, к примеру, в Белоруссии депутатам Национального собрания запрещено пользоваться картой поляка²⁰.

Политические риски или возможность расширения влияния России привлекают внимание чаще, чем негативные экономические последствия этой ситуации для самой

¹⁹ В 2006 г., впервые в истории страны, граждане Италии, проживающие за рубежом, могли проголосовать, находясь в своих странах (по почте, без приезда в Италию). Участие в голосовании «зарубежных» граждан повлияло на итоги выборов, в итоге партия Берлускони потерпела поражение (Chiarmonte 2008: 208).

²⁰ Мельничук Т. (2017). Половина «карт поляка» в мире выдана в Беларуси. *BBC News-Русская служба*, 19 августа. URL: <https://www.bbc.com/russian/features-40971103>

России, и в этом дисбалансе внимания прослеживается определенный парадокс. На наш взгляд, политические риски являются таковыми в потенциале (даже процесс участия в российских выборах трудно предсказать, учитывая низкую электоральную активность населения). В то же время реальными являются растущие финансовые расходы России на выполнение обязательств перед своими гражданами вне зависимости от способа и времени получения гражданства или места проживания (и к этим вопросам новые граждане отнюдь не безразличны).

Так, например, статистика Пенсионного фонда России при всей ее неполноте²¹ красноречиво иллюстрирует последствия массового приема в гражданство России лиц, не проживающих и, скорее всего, никогда не работавших в нашей стране. В таблице 2 приведены данные о числе лиц, получающих Российские пенсии за границей.

Таблица 2. Численность получателей российской пенсии, проживающих за границей, 2015-2018 гг., тыс.

	2015	2016	2017	2018	на 26 августа 2019 г.
ИТОГО	288,7	296,6	307,0	329,7	335,0
Германия	99,9	100,6	101,4	99,0	98,1
Израиль	41,1	40,8	41,4	55,7	56,3
Абхазия	32,0	32,6	32,9	32,7	32,7
Латвия	24,1	25,4	24,6	23,1	23,2
Белоруссия	20,9	23,2	24,3	24,7	25,0
США	22,0	21,9	21,8	21,7	21,4
Молдавия	16,5	17,3	н / д	н / д	39,7
Прочие	32,1	34,9	60,6	72,8	38,5

Источник: (Пенсионный фонд РФ 2017; 2018), 2015-2016 и 2019 гг. – «Открытые данные». URL: <http://www.pfrf.ru/opendata~7706016118-abroad>

Первые позиции Германии и Израиля в таблице объяснимы: это страны самой массовой эмиграции из России в дальнее зарубежье в 1990-е годы. Люди, проработавшие значительную часть жизни в России, имеют право получать российскую пенсию. Но Абхазия²² и Молдавия никогда не входили в число основных направлений выезда

²¹ Мы предполагаем, что данные о числе лиц, проживающих за рубежом и получающих российские пенсии, отражает только видимую часть айсберга. Распространены практики получения пенсий в России родственниками пенсионеров, которые проживают за границей, не декларирование выбытия за рубеж и др. Более точную картину влияния приема в гражданство на распределение российских пенсий за рубежом могла бы дать статистика оснований для назначения пенсий, в том числе с выделением лиц, оформляющих пенсию после приобретения гражданства. Но в ответе Пенсионного фонда на наш запрос сказано, что по закону право на страховую пенсию граждан РФ не зависит от их места жительства, а выплата уже назначенных пенсий не зависит от гражданской принадлежности, за исключением положений международных договоров, и поэтому данные, которые мы запрашивали, в ПФР отсутствуют «как не имеющие практического применения».

²² В отношении Абхазии Россия несет дополнительные расходы в рамках двух соглашений: см., например, «Соглашение между Российской Федерацией и Республикой Абхазия о пенсионном обеспечении граждан Российской Федерации, постоянно проживающих в Республике Абхазия» от 14 апреля 2014 г., а также «Соглашение между Российской Федерацией и Республикой Абхазия о порядке и условиях финансирования за счет средств Российской Федерации повышения заработной платы основных категорий работников государственных учреждений Республики Абхазия в сфере здравоохранения, образования, науки, культуры, спорта и социального обслуживания» (Распоряжение Правительства от 3 апреля 2015 г. №591-р). Аналогичные соглашения заключены с Южной Осетией. Доплаты производятся до уровня Южного Федерального округа.

российского населения на постоянное место жительства (ПМЖ) за рубеж. В данном случае мы наблюдаем последствия приема в гражданство жителей этих регионов и стран через загранучреждения Российской Федерации с последующим оформлением пенсий, которые в этих государствах имеют неплохую покупательную способность или служат весомым дополнением к другим доходам. В конце 2018 г. выплаты Пенсионного фонда России получали пенсионеры, проживающие в 128 странах мира, их численность достигла 329,7 тыс. человек, увеличившись по сравнению с 2017 г. на 22,7 тыс. или 7,5%. Расходы ПФР на выплату пенсий за границу в 2018 г. составили 44,7 млрд рублей, что было почти на 8% выше уровня 2017 г. (Пенсионный фонд РФ 2017; 2018). К сожалению, статистика за 2017-2018 гг. в открытых данных по странам отсутствует, а в годовом отчете ПФР она представлена лишь по нескольким государствам и в форме гистограммы.

После принятия в гражданство целевых категорий граждан Украины число получателей российских пенсий может вырасти приблизительно на миллион человек, соответственно увеличатся и общие выплаты. На пенсии жителям Украины может потребоваться еще минимум 100 млрд рублей в год. Кроме того, новые гражданки России получают право на материнский капитал, который, заметим, был придуман как средство для стимулирования рождаемости и поддержки семей с детьми в России, а не в других странах. Условие переезда в Россию (а точнее – регистрации) для получения материнского капитала не может служить большим препятствием к тому, чтобы потом вернуться на Украину. За годы действия программы отработаны разные схемы «обналичивания» и использования этих средств. Также следует обратить внимание на высказывание сенатора С. Цекова о том, что он допускает вариант, при котором жители Донбасса с российским гражданством смогут получать социальные выплаты, не покидая территории своих непризнанных республик²³.

Апрельский указ о приеме в гражданство жителей ЛНР и ДНР вызвал вопросы к представителям органов власти, но ответы показывают отсутствие четкого видения того, как будет развиваться ситуация на практике. Министр труда и социальной защиты Российской Федерации М. Топилин, отвечая на вопрос журналистов о назначении пенсий жителям ЛНР и ДНР, сказал, что это потребует (по его мнению) регистрации на территории России²⁴. Такое предположение представляется нелогичным: непонятно, почему в отношении этой части новых граждан будут применяться требования, которые не применяются в отношении жителей других стран, которым Россия предоставляет свое гражданство. Мы полагаем, что, даже если новым соискателям российского гражданства для получения пенсии гипотетически будет предписано зарегистрироваться на территории РФ (а этого не требует современное законодательство о пенсиях), вероятнее всего, они останутся жить там, где у них есть жилье, земельные участки, хозяйство, налаженные социальные связи. Оформление регистрации на территории России, как показывает

²³ В Совфеде рассказали о возможностях, которые дадут жителям Донбасса паспорта РФ. URL: <https://riafan.ru/1176879-v-sovfede-rasskazali-o-vozmozhnostyakh-kotorye-dadut-zhitelyam-donbassa-pasporta-rf>

²⁴ Минтруд назвал условие получения жителями Донбасса российской пенсии (2019). РИА Новости, 13 мая. URL: <https://ria.ru/20190513/1553437632.html>

многолетний опыт, не является препятствием к тому, чтобы постоянно проживать в другой стране.

Также М. Топилин отметил, что «выплата пенсий для новых граждан не станет проблемой для российского бюджета, бюджетов Пенсионного фонда и Фонда социального страхования». Но это утверждение находится в противоречии с аргументами прошлогодней информационной кампании, сопровождавшей решение о повышении пенсионного возраста. В условиях, когда прогнозируется дефицит средств на выплаты «своим» пенсионерам, которые принимали участие в формировании перечисленных М. Топилиным бюджетов, министр фактически говорит, что мы «без проблем» сможем обеспечить пенсиями еще как минимум миллион новых пенсионеров, к формированию российских фондов не причастных. По-видимому, именно из-за слишком очевидных противоречий между аргументацией пенсионной реформы 2018 г. и перспективами новых расходов тема паспортизации населения ЛНР/ДНР очень слабо освещалась в СМИ и быстро исчезла из медийного пространства.

Заметим, что у принятых весной и летом 2019 г. решений есть много сторонников, но при ближайшем рассмотрении видно, что они тоже не вполне понимают перспективы развития ситуации. Часто встречается заявление о необходимости «пустить всех русских в Россию», предоставив им гражданство еще до переезда. Авторы такой точки зрения не чувствуют разницы между миграцией и получением российского паспорта. Например, М. Симоньян (главный редактор известного *государственного* медиаресурса Russia Today) в своем блоге горячо приветствовала подписание Указа от 29 апреля 2019 г. и выразила желание добиться для всех русских права на наше гражданство²⁵. Однако, судя по дальнейшим рассуждениям о том, что Россия нуждается в мигрантах – не мусульманах (видимо, православных христианах), автор блога не понимает, что прием в гражданство и миграция не тождественны²⁶. М. Симоньян полагает, что все, получившие российские паспорта, непременно приедут в Россию, чтобы стать частью ее населения и трудовых ресурсов. Но практика показывает, что этого, вероятнее всего, не произойдет. Нет никаких гарантий, что новые граждане России в массовом порядке захотят переселиться из Донецкой и Луганской областей Украины в Россию. Часть из них, вероятно, будут рассматривать и этот миграционный маршрут, но он не будет единственным, учитывая возможности, которые дает гражданство Украины в других странах мира и налаженные каналы миграции (пусть даже и временной) в страны ЕС. Не будем забывать, что Россия уже несет на себе бремя финансовых обязательств перед десятками тысяч своих новых граждан, получивших российские паспорта за рубежом и там же остающихся без видимого стремления приехать в Россию и содействовать ее развитию.

²⁵ URL: <https://m-simonyan.livejournal.com/360100.html>

²⁶ Вызывает неприятие и призыв М. Симоньян «выбить из всех несогласных (с приемом в российское гражданство жителей Донбасса, О.Ч.) все их аргументы, почему этого делать не надо» (там же).

ЗАРУБЕЖНАЯ ПРАКТИКА ПРИЕМА В ГРАЖДАНСТВО ЛИЦ, ПРОЖИВАЮЩИХ ЗА ГРАНИЦЕЙ

После подписания Указа от 29 апреля 2019 г. Президент Российской Федерации В.В. Путин, комментируя сообщение о негативной реакции за рубежом на решение по паспортизации Донбасса, сказал следующее: «...Это вызвало какую-то негативную реакцию? Это странно, что решения подобного рода у кого-то вызывают негативную реакцию. Польша уже в течение многих лет выдает карту поляка, Венгрия и Румыния выдают паспорта. Когда другие страны – соседи Украины в течение многих лет это делают, почему Россия не может этого делать? В этой связи у меня возникает вопрос: а чем же русские, проживающие на Украине, хуже румын, поляков или венгров? Или украинцы, проживающие там же, но чувствующие свою неразрывную связь с Россией в силу разных обстоятельств – родственных связей, смешанных браков и каких-то других. Я здесь не вижу ничего необычного»²⁷. На самом деле зарубежная практика дает весьма неоднозначные ответы на вопрос о том, положительным или нет (для страны и ее населения) является опыт приема в гражданство людей, живущих за рубежом. С этой точки зрения сравнение Российской ситуации с зарубежными примерами представляет большой интерес.

Многие страны (преимущественно отдающие мигрантов), в последнее время применяют целый комплекс мер, которые можно назвать «стратегией взаимодействия с диаспорой». Это подразумевает лояльность к двойному гражданству эмигрантов, предоставление им прав на участие в выборах, поощрение денежных переводов и инвестиций (Kalm 2013: 18-19). Возможность обращения иностранных граждан с ходатайством о приеме в гражданство через загранучреждения предусмотрена законодательством некоторых стран, реализующих, в первую очередь, меры по укреплению связей с эмигрантским сообществом, к которому относятся не только эмигранты первого поколения, но и их потомки, представители диаспоры в широком смысле слова. Обеспечивая этим людям защиту, права и признание, страны происхождения надеются на их поддержку и взаимодействие в экономической, культурной и политической областях. В ряде случаев страны исхода вводят ограничения на осуществление некоторых гражданских и экономических прав, а также предлагают представителям диаспоры некоторый вариант «облегченного гражданства» (Faist, Gerdes 2008: 7).

В законодательстве многих европейских стран – «старых» членов Евросоюза также содержатся положения, в той или иной мере способствующие приему в гражданство жителей (и граждан) определенных стран или лиц этнически близкого происхождения (Vauböck 2006b). Однако лишь немногие государства (например, Ирландия, Греция, Испания, Португалия) предоставляют гражданство на основании культурного родства иностранным гражданам, проживающим за рубежом. Здесь важно проводить различие между политикой, которая преследует понятные интересы посылающих стран в поддержании связей с эмигрантами, и массовым предоставлением внешнего гражданства

²⁷ В. Путин (2019). Чем русские, проживающие на Украине, хуже румын, поляков или венгров? BFM.RU, 25 апреля. URL: <https://www.bfm.ru/news/412831>

бывшим гражданам и их потомкам, негативно влияющим на интересы других групп населения и государств (Vauböck et al. 2006a).

В этой связи критическую оценку (González Enríquez 2014) вызвали законодательные инициативы правительства Испании, введенные с целью исправления исторической несправедливости (законы «Об исторической памяти» (2007 г.) и «Гражданство для сефардских евреев» (2015)).

Согласно Закону «Об исторической памяти», гражданство Испании смогли получить дети и внуки испанцев, покинувших страну в годы Гражданской войны (1936-1939 гг.) и последующего диктаторского режима (1939-1975 гг.), в знак признания несправедливости изгнания²⁸. Заявления принимались в течение трех лет с 27 декабря 2008 г. по 26 декабря 2011 г. Было подано 503 тыс. прошений, главным образом, от граждан стран Латинской Америки. Около 300 тыс. было удовлетворено (González Enríquez 2014). Количество поданных заявлений превзошло ожидания испанских властей (Sánchez, Cuesta 2017). Интерес, проявленный эмигрантами и их потомками к регистрации в консульствах, не в последнюю очередь был мотивирован ожиданиями финансовой помощи от правительства Испании. Например, в 2013 г. социальные выплаты испанским гражданам старше 80 лет на Кубе составили в среднем 227 евро – достаточно значительная сумма в стране, где среднемесячная заработная плата в этот период колебалась от 20 до 40 евро (Sánchez, Cuesta 2017).

Закон в отношении потомков сефардов, изгнанных из Испании в XV веке, также давал возможность получить испанское гражданство без условия обязательного проживания в Испании и без отказа от уже имеющегося гражданства²⁹. Закон действовал в течение четырех лет, за первые три года гражданство получили более 6 тыс. человек³⁰. Следует отметить, что введение упрощенного порядка натурализации для сефардских евреев породили ожидания и протесты в среде другого крупного сообщества, изгнанного из Испании и Португалии, – мавров³¹.

В публикациях, посвященных вопросам политики в области гражданства, отмечается, что предложение гражданства без условия переезда и проживания, превращая представителей коренных меньшинств в иностранных граждан, может иметь серьезные последствия для стабильности отношений между странами и положения этнических групп в принимающих обществах (Vauböck et al. 2006a). Реализация данного подхода в таких странах, как Испания, Португалия, Греция, также подвергается критике, поскольку это формирует значительный контингент лиц за пределами ЕС, имеющих право въезда,

²⁸ Ministry of Justice of Spain. Descendants of Spanish nationals. URL:

<https://ley memoria.mjusticia.gob.es/cs/Satellite/LeyMemoria/en/concesion-nacionalidad/descendientes-espanoles>

²⁹ Ministry of Justice of Spain. Ley de concesión de nacionalidad a sefardíes originarios de España.

URL: <https://www.mjusticia.gob.es/cs/Satellite/Portal/en/areas-tematicas/nacionalidad/concesion-nacionalidad>

³⁰ Spain extends citizenship law for Sephardic Jews (2018). The Times of Israel, 9 March.

URL: <https://www.timesofisrael.com/spain-extends-citizenship-law-for-sephardic-jews/>

³¹ If Spain welcomes back its Jews, will its Muslims be next? (2014). *The Guardian*, February 24.

URL: <https://www.theguardian.com/world/2014/feb/24/spain-sephardic-jews-islam-muslim;>

Kern S. (2012). Muslims Angry Over Spanish Citizenship for Jews. *Gatestone Institute*, December 21.

URL: <https://www.gatestoneinstitute.org/3509/spanish-citizenship-jews>

пребывания и трудоустройства на территории любой из стран Европейского Союза (González Enríquez 2014).

Стремлением к исправлению исторической несправедливости были продиктованы и изменения в законодательстве о гражданстве ряда восточноевропейских стран. Особенности формирования государственности в странах Восточной Европы определили появление значительных по численности этнических групп, оказавшихся за пределами своих стран. Большинство государств региона признает свои обязательства по защите родственных меньшинств, проживающих за рубежом, а также поддерживает идеи трансграничного объединения народов, вводя специальные привилегии для представителей родственных этнических меньшинств в соседних странах. Ряд государств, среди которых Венгрия, Румыния, Хорватия, Сербия и Болгария, постепенно пришли к установлению института внешнего гражданства, отменив требования к месту проживания, что, в сочетании с предоставлением прав на получение гражданства потомкам бывших граждан, значительно увеличило численность потенциальных и действительных граждан этих стран за рубежом (Pogonyi, Kovács, Körtvélyesi 2010). В некоторых случаях вступление в гражданство на основе этнокультурной принадлежности стало основным каналом его приобретения (например, в Румынии и Венгрии) (Dumbrava 2014).

В Венгрии упрощенная процедура предоставления гражданства (без требований обязательного проживания на территории страны и при сохранении существующего гражданства) была введена после принятия поправок к закону о гражданстве в мае 2010 г. (Pogonyi 2013). Вновь установленные правила касались лиц, способных документально подтвердить наличие венгерского гражданства у родственников по прямой восходящей линии или имеющих основания утверждать свое вероятное венгерское происхождение (данная формулировка появилась в тексте закона, чтобы не лишать возможности обращения с ходатайством проживающих в Румынии и Молдавии представителей венгерского субэтноса чангош, редко обладающих документальными свидетельствами своего происхождения)³². Необходимыми условиями участия в программе являются знание венгерского языка, отсутствие судимости, а также каких-либо обстоятельств, представляющих угрозу общественной и национальной безопасности³³. Срок рассмотрения заявления составляет 4-5 месяцев с момента его представления³⁴. С января 2011 г. по сентябрь 2013 г. более 500 тыс. человек обратились за получением венгерского гражданства в рамках данной программы (из них 66% составляли румынские граждане, 18% – сербские и 13% – граждане Украины) и более 430 тыс. человек принесли присягу на верность Венгрии (Monostori, Óri, Spéder 2015: 194). Это число достигло 500 тыс. человек к декабрю 2013 г. и 670 тыс. к февралю 2015 г. (Monostori, Óri, Spéder 2015: 195). Наибольший интерес к венгерскому гражданству среди соседних стран проявили в не входящих в ЕС Украине и

³² Материалы официального сайта программы упрощенной натурализации правительства Венгрии. URL: http://allampolgarsag.gov.hu/index.php?option=com_content&view=category&id=27&Itemid=65

³³ Office of the President of the Republic. Hungarian citizenship. URL: https://www.keh.hu/hungarian_citizenship/1583-Citizenship_cases&pnr=2; Материалы официального сайта программы упрощенной натурализации. URL: <http://allampolgarsag.gov.hu/images/angol.pdf>

³⁴ Материалы официального сайта программы упрощенной натурализации правительства Венгрии. URL: http://allampolgarsag.gov.hu/index.php?option=com_content&view=article&id=96:mennyi-ideig-tart-az-eljaras&catid=27:kerelmezok&Itemid=65

Сербии, 96 и 60% соответственно венгерского населения которых к июлю 2016 г. представили заявления о вступлении в гражданство. В Румынии доля венгров, ходатайствующих о гражданстве, составила 40%, в Словакии – лишь 0,6%, что объяснялось введенным в 2010 г. в ответ на действия Венгрии запретом на двойное гражданство (лица, добровольно вступившие в гражданство другого государств, автоматически лишались гражданства Словакии) (Pogonyi 2019).

Вслед за либерализацией правил предоставления гражданства венгерское правительство внесло изменения в электоральное законодательство. Новый закон о выборах, вступивший в силу 1 января 2012 г., установил право на участие в парламентских выборах граждан, проживающих за рубежом³⁵. Считается, что именно поддержка диаспоры обеспечила правящей партии дополнительный мандат, необходимый для получения абсолютного большинства в парламенте, на выборах 2014 г. (Pogonyi 2015). Законодательство Венгрии признает за гражданами, проживающим за рубежом, также пассивные избирательные права, возможность участвовать в референдумах, а также (с 2019 г.) в выборах в Европейский парламент³⁶.

По мнению венгерского исследователя С. Погоньи (Pogonyi 2015), введение в Венгрии института *внешнего гражданства* и предоставление избирательных прав гражданам, проживающим за рубежом, не было мотивировано геополитическими или экономическими целями, но служило идее символического национального воссоединения. При этом активный подход к утверждению прав венгерских меньшинств привел к обострению межгосударственных отношений Венгрии с Румынией, Словакией и Украиной. Как отмечает С. Погонья: «Новая политика правительства Венгрии в отношении диаспоры не отвечает интересам страны. Поток ресурсов в этой системе является однонаправленным» (Pogonyi 2015: 91).

В Румынии поправки в закон о гражданстве, упрощающие процедуру приобретения гражданства и расширяющие основания его получения, были введены в 2009 г. (Iordachi 2010: 18). Согласно новым правилам, гражданство Румынии может быть предоставлено лицам, родившимся с 1918 по 1940 г. на территории Молдавии, Северной Буковины (современной Черновицкой области Украины), Бессарабии (юго-западной части Одесской области Украины), а также их детям и внукам³⁷. Условия программы не предусматривают обязательного собеседования на румынском языке (Iordachi 2009). От претендентов на получение гражданства требуется лишь документальное подтверждение факта рождения хотя бы одного из предков на территориях, входивших в состав Румынии до 1940 г. Этническая принадлежность заявителя не принимается во внимание³⁸. Также не требуется отказ от имеющегося гражданства и проживание в Румынии. Срок рассмотрения заявлений

³⁵ Joint Opinion on the Act on the Elections of Members of Parliament of Hungary, 662/2012, adopted by Council for Democratic Elections at its 41st meetings (Venice, 14 June 2012) and the Venice Commission at its Plenary Session (Venice, 15-16 June 2012). URL:

[https://www.venice.coe.int/webforms/documents/default.aspx?pdffile=CDL-AD\(2012\)012-e](https://www.venice.coe.int/webforms/documents/default.aspx?pdffile=CDL-AD(2012)012-e)

³⁶ National Election Office of Hungary. URL: <https://www.valasztas.hu/web/national-election-office/voters-registration>.

³⁷ Посольство Румынии в РФ. Румынское гражданство. URL: <https://moscova.mae.ro/ru/node/1149>

³⁸ Dobran C. (2011). Romanian citizenship. A Simplified Regime for Moral Reparation. *POLITICO*, August 31. URL: <https://www.politico.eu/article/romanian-citizenship/>

по упрощенной процедуре приобретения гражданства ограничивается пятью месяцами. За период с 2010 по 2017 г. на уровне Национального органа по вопросам гражданства было утверждено 499,9 тыс. заявлений о восстановлении румынского гражданства³⁹. Румынские граждане-нерезиденты пользуются правом голоса на парламентских выборах и национальных референдумах (Varga 2019). Право на социальные выплаты (пенсии и пособия) в Румынии предоставляется на основании не только гражданства, но также постоянного проживания в стране. Получила распространение практика оформления молдавскими гражданами с румынскими паспортами формальной регистрации на территории Румынии, открывающей доступ к системе социального обеспечения, в частности к получению пенсий (в 2018 г. средний размер пенсий в Румынии составлял 232 евро, в Молдавии – 83,4 евро⁴⁰). Обязательства Румынии по выплате пенсий гражданам, не участвовавшим в свое время в формировании румынского пенсионного фонда, вытекают из сохранившего силу Соглашения между СССР и Румынской Народной Республикой о сотрудничестве в области социального обеспечения от 24 декабря 1960 г., согласно которому при изменении места жительства права на получение пенсии переводятся из одной страны в другую.

Политика внешнего гражданства Румынии была негативно воспринята в соседних странах. Украина и Молдавия обвинили Румынию в ревизионизме (Iordachi 2010: 13). Правительство Молдавии ввело визы для румынских граждан, несмотря на соглашение с ЕС о безвизовом режиме для граждан стран Евросоюза⁴¹. В 2007 г. после вступления Румынии в ЕС Молдавия ввела запрет на замещение государственных должностей лицам с двойным гражданством (отмененный в 2010 г. по решению Европейского суда по правам человека). Украина, не допускающая двойного гражданства, оценила действия Румынии в отношении этнических меньшинств на своей территории как угрозу национальной безопасности (Iwanski 2011). Подавляющее большинство лиц, получивших гражданство Румынии по упрощенной процедуре, рассматривает его как инструмент, позволяющий им обойти визовые ограничения ЕС, и переезжает в другую страну Евросоюза сразу при получении румынского паспорта (Dumbrava 2019).

Польша. В своем комментарии, процитированном выше, В.В. Путин упомянул карту поляка. Однако карта поляка – документ, подтверждающий принадлежность к польскому народу⁴², не предполагает одновременного приема в гражданство, а лишь упрощает его получение по прошествии нескольких лет, и этот пример заметно отличается от российской практики. Условиями получения карты поляка является наличие этнических поляков (или лиц с польским гражданством) среди родственников по прямой восходящей линии, знание польского языка, традиций и обычаев страны, а также подписание декларации о

³⁹ Чрезвычайное постановление Правительства Румынии «О внесении изменений и дополнений в Закон о румынском гражданстве» №21/1991. Официальный монитор Румынии. Часть 1, №760/25.IX.2017. URL: <https://advokat-romania.ru/blog/izmeneniya-v-zakone-o-grazhdanstve-rumynii.html>

⁴⁰ Зарплаты и пенсии в Румынии и в Молдове: сравнительная статистика (2018). *Молдавские ведомости*, 19 мая. URL: <http://www.vedomosti.md/news/zarplaty-i-pensii-v-rumynii-i-v-moldove-sravnitel'naya-statis>

⁴¹ Лунгеску О. (2009). Евросоюз обеспокоен выдачей молдаванам румынских паспортов. *BBC News. Русская служба*, 5 мая. URL: https://www.bbc.com/russian/international/2009/05/090504_romania_passport_moldova

⁴² Ministry of Foreign Affairs, Republic of Poland. Polish Card. URL: https://www.msz.gov.pl/en/foreign_policy/polish_diaspora/card_of_the_pole/

принадлежности к польскому народу⁴³. С вступлением в силу поправок в Закон «О карте поляка», принятых Сеймом Польши в апреле 2019 г., этот документ будет выдаваться гражданам всех стран, имеющим польское происхождение (до этого только гражданам стран бывшего СССР)⁴⁴.

Обладателям карты поляка предоставляются привилегии в форме бесплатного получения долгосрочной многократной визы в Польшу, права на бесплатное обучение, на трудоустройство в стране без разрешения на работу, права на предпринимательскую деятельность на тех же основаниях, что и у граждан Польши, право на получение в неотложных случаях бесплатных медицинских услуг, а также возможность обращения за получением постоянного вида на жительство. Для получения гражданства Польши требуется не менее года прожить в стране по виду на жительство. Кроме того, для держателей карты, переехавших на постоянное место жительства в Польшу, предусмотрена выплата пособия в течение первых 9 месяцев пребывания в стране. По данным демографического ежегодника Польши, за период с 2008 по 2017 г. карту поляка получили всего 234,5 тыс. человек, из них почти 112 тыс. (48%) были гражданами Белоруссии и 102 тыс. (43%) – Украины (Statistics Poland 2018: 494). В 2011 г. Конституционный суд Республики Беларусь охарактеризовал Закон «О карте поляка» как затрагивающий интересы Республики Беларусь и нарушающий нормы международного права⁴⁵. С 2012 г. в Белоруссии был введен запрет на пользование картой поляка государственными служащими и депутатами парламента, а в 2015 г. – и депутатами местных советов⁴⁶. В Литве также рассматривали возможность ограничения прав держателей карты поляка, однако Сейм Литвы отклонил поправку о запрете держателям карты поляка избираться в Сейм⁴⁷.

Практика, подобная польской, применяется и в *Турции*. С 1995 г. для бывших турецких граждан, натурализовавшиеся в Германии, были введены так называемые «розовые карты», предоставлявшие держателям те же права, которыми обладали граждане Турции, за исключением права голоса (Faist 2007: 133). В 2009 г. они были переименованы в «синие карты», но перечень ограничений для их обладателей стал шире, включив также запрет на трудоустройство в государственном секторе⁴⁸.

Израиль. Программа этнической репатриации является основополагающим элементом политики Израиля в области иммиграции и предоставления гражданства. В 2017 г. новым репатриантам была предоставлена возможность получения паспорта гражданина Израиля для международных поездок непосредственно после вступления в

⁴³ Ministry of Foreign Affairs, Republic of Poland. Polish Card.

URL: https://www.msz.gov.pl/en/foreign_policy/polish_diaspora/card_of_the_pole/

⁴⁴ Сейм Польши принял поправки к закону о карте поляка. 15 апреля 2019 г.

URL: <https://in-poland.com/sejm-polshi-prinjal-popravki-v-zakon-o-karte-poljaka/>

⁴⁵ Конституционный суд Республики Беларусь. Решение Конституционного суда Республики Беларусь от 7 апреля 2011 г. № П-258/2011. URL: <http://www.kc.gov.by/main.aspx?guid=23203>

⁴⁶ Усидеть на двух стульях. Нужна ли белорусским чиновникам карта поляка? (2015). NAVINY.BY. Белорусские новости, 10 марта. URL: https://naviny.by/rubrics/politic/2015/03/10/ic_articles_112_188411

⁴⁷ Сейм отклонил предложение обратиться в Конституционный суд по поводу карты поляка (2013).

RU.15MIN.LT, 23 мая. URL: <https://www.15min.lt/ru/article/vesti/sejm-otklonil-predlozhenie-obratitsja-v-konstitutsionnyj-sud-po-povodu-karty-poljaka-504-338334>

⁴⁸ Office for Turks Abroad and Related Communities (YTB). URL: <https://www.ytb.gov.tr/en/foreign-citizens-guide>

гражданство⁴⁹. Срок действия паспорта для новых граждан ограничивается 5 годами⁵⁰. Условием продления документа является постоянное проживание в Израиле.

Статус постоянного жителя является также решающим фактором в вопросе определения прав на получение медицинской помощи и социальной защиты. Пребывание за рубежом не освобождает граждан Израиля от необходимости уплаты взносов. При этом отсутствие в стране более пяти лет лишает израильтян права на медицинское обслуживание и социальную помощь в рамках государственного страхования даже при регулярной оплате взносов⁵¹.

При получении гражданства по каналам репатриации Израиль не требует отказа от гражданства страны исхода. Однако лица, обладающие гражданством иностранного государства, не могут избираться в парламент Израиля или занимать должности, связанные с обеспечением безопасности. Въезд на территорию страны для лиц с двойным гражданством разрешен только по израильскому паспорту. На всех граждан Израиля, даже в случае, если они имеют другое гражданство и постоянно проживают за рубежом, распространяется Закон о воинской службе. Призыву в Армию Оборона Израиля подлежат также дети граждан Израиля, выехавшие за границу на постоянное место жительства в возрасте до 16 лет⁵².

Один из вопросов, периодически обсуждаемых в израильском обществе, касается предоставления права голоса гражданам-нерезидентам. В настоящее время граждане Израиля, проживающие за рубежом, могут принять участие в голосовании только, если окажутся на территории страны в день выборов⁵³. Многочисленные дискуссии и разнообразные предложения, например, дать право определять будущее Израиля только тем, кто несет национальное бремя (среди возможных критериев уплата израильских налогов или владение недвижимостью в Израиле)⁵⁴, пока не привели к принятию какого-либо решения. Противники введения заочного голосования опасаются чрезмерного влияния на израильскую политику граждан-нерезидентов, учитывая сравнительно легкий доступ к гражданству и потенциал еврейской диаспоры, и предупреждают «конец сионизма»⁵⁵. Израиль, по-видимому, не предпринимает особых усилий для выстраивания политики в

⁴⁹ Ровно через месяц новые репатрианты будут получать «дарконы» сразу по прибытии в страну (2017).

Вести - Израиль по-русски, 26 июня. URL: <https://www.vesty.co.il/articles/0,7340,L-4981200,00.html>

⁵⁰ Новые правила получения «даркона». Русскоязычная адвокатская коллегия. URL: <https://zakon.co.il/articles/%D0%B4%D0%B0%D1%80%D0%BA%D0%BE%D0%BD-%D0%B0-%D1%87%D1%82%D0%BE-%D0%B1%D1%83%D0%B4%D0%B5%D1%82-%D1%87%D0%B5%D1%80%D0%B5%D0%B7-%D0%BF%D1%8F%D1%82%D1%8C-%D0%BB%D0%B5%D1%82/>

⁵¹ National Insurance Institute of Israel. URL:

<https://www.btl.gov.il/English%20Homepage/Insurance/An%20Insured%20Person%20Residing%20Abroad/Pages/Whois.aspx>

⁵² Министерство репатриации и интеграции Израиля. Служба в армии. Иерусалим. 2016.

URL: http://archive.moia.gov.il/Publications/idf_ru.pdf

⁵³ Israel Ministry of Foreign Affairs. Elections in Israel 2019. URL:

<https://mfa.gov.il/MFA/AboutIsrael/State/Democracy/Pages/FAQ-Elections-in-Israel-2019.aspx>

⁵⁴ Levy A. (2019). Israelis Residing Abroad Deserve Voting Rights. The Jerusalem Post, January 7.

URL: <https://www.jpost.com/Opinion/Israelis-residing-abroad-deserve-voting-rights-576634>

⁵⁵ Ашкенази Э. (2019). Могут ли эмигранты решать судьбу Израиля? Мнения – Zahav.ru, 13 марта.

URL: https://mnenia.zahav.ru/articles/11593/mogut_li_emigranti_reshat_sudbu_israel

отношении эмигрантов не только в силу относительно небольших масштабов эмиграции и сохраняющего негативного отношения к ней, но и в результате наличия хорошо налаженных связей с еврейской диаспорой, традиционно используемой Израилем в качестве источника политической и финансовой поддержки (Nagraz, Herzog 2018: 11).

Приведенные примеры из зарубежной практики показали, что предоставление политических и экономических прав людям, не живущим в стране получаемого гражданства, часто противоречит интересам ее населения. По мнению исследователей (Vauböck et al. 2006a), предоставление гражданства лицам, проживающим за рубежом, должно способствовать поддержанию связей с эмигрантами, но в то же время ограничивать притязания на полные гражданские права лиц, родившихся за границей и имеющих отдаленное эмигрантское происхождение, а также тех, кто заинтересован в получении гражданства по экономическим соображениям или ради приобретения свободы перемещения.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Рассмотренные выше сюжеты показали, что российская политика в сфере предоставления гражданства лицам, живущим за границей, демонстрирует отсутствие какого-либо предвидения её возможных последствий для России. И в прошлые годы прием в гражданство лиц, не проживающих в РФ, показывал их преимущественно экономический интерес к российскому гражданству. Расширение этой практики на население, проживающее в юго-восточных регионах Украины, многократно увеличит поток принятых в гражданство и не живущих в России людей. В современных экономических условиях это вряд ли будет способствовать развитию нашей страны. Заявленная гуманитарная цель предполагает создание более комфортных условий, в первую очередь экономических, для широкого круга лиц, без элементов селективности приема в гражданство. Учитывая беспокойную обстановку в регионе, участие части населения в вооруженном конфликте, паспорта РФ смогут получить и лица, имеющие неоднозначный жизненный опыт.

Пока остается без ответа и ряд важных вопросов: ограничится ли практика приема в гражданство по гуманитарным соображениям прецедентом ЛНР и ДНР или будет распространяться все шире? В том числе будет ли возможно отказать русскоязычным соискателями из других (кроме Украины) стран бывшего СССР в таких же привилегиях? Какие еще обязательства возьмет на себя Россия в связи с появлением больших контингентов российских граждан, проживающих на территории других государств? Последуют ли за этим договора, аналогичные заключенным с Абхазией и Южной Осетией? Какие обязательства будут (и будут ли) возложены на новых граждан по отношению к России, например, в сфере всеобщей воинской обязанности, участия в формировании социальных фондов и др.? К чему может привести ситуация, при которой значительная часть населения целых регионов зарубежных стран имеет гражданство другого государства? Как будет применяться статья 7 ФЗ «О гражданстве» о защите граждан РФ

(вне зависимости от места проживания)⁵⁶? Как повлияет прием в гражданство значительного контингента избирателей, не живущих в России, на итоги будущих выборов в России? Не станет ли простота получения гражданства жителями Донбасса стимулом для некоторых мигрантов из других стран к переезду в эти регионы, и будет ли учитываться стаж проживания при приеме в гражданство РФ? И в целом можно ли назвать то, что делает Россия, предоставляя свое гражданство лицам, проживающим за ее пределами, политикой взаимодействия с диаспорой или соотечественниками?

Сочувствуя проблемам, с которыми сталкиваются жители Донбасса (и других регионов бывшего СССР со сложной обстановкой), мы вряд ли можем согласиться с тем, что помогать решению подобных проблем нужно только путем быстрого приема в гражданство и за счет населения Российской Федерации. На протяжении ряда лет, по данным Росстата, уровень жизни населения страны снижается, а аргументы, которые сопровождали пенсионную реформу 2018 г., за истекший год не утратили актуальности. В этом смысле вряд ли логичным является масштабное расширение круга лиц, на которых будут распространяться социальные программы и финансовые обязательства России, но не участвующих в формировании фондов, покрывающих связанные с этим расходы.

Мы по-прежнему убеждены, что практика приема в гражданство лиц, не живущих в стране, должна быть максимально сужена до частных случаев и строго определенных категорий населения. Институт гражданства Российской Федерации нуждается в сохранении и повышении своей ценности, а в отношении приема в гражданство иностранцев все-таки требуется селективность. Иногда журналисты, пишущие о миграционной политике России, путают понятия «жители» и «граждане». Так, газета «Коммерсантъ» сообщала, что «в России сформированы структуры, которые займутся привлечением в Россию новых граждан»⁵⁷. На самом деле России нужны новые жители: не только граждане, но и иностранцы, которые на законных основаниях живут, работают в нашей стране и связывают с ней свое будущее. Мотивация приобретения и предоставления российского гражданства жителям сопредельных с Россией государств понятна, но в современных условиях увеличение количества избирателей и получателей российской экономической помощи за рубежом России не вполне отвечает интересам ее населения.

Зарубежный опыт приема в гражданство и взаимодействия с соотечественниками, проживающими за границей, не дает оснований рассматривать такую практику как определенно положительную для страны, предоставляющей свое гражданство иностранцам до их переезда или даже без такого условия. Остро стоят вопросы избирательных и экономических прав «зарубежных» граждан страны. А соображения исторической справедливости или поддержания связей с этнически близкими «диаспорами» не всегда компенсируют очевидные экономические и политические риски. Именно поэтому многие страны применяют систему условий, отодвигающих во времени прием в гражданство «соотечественников», ограничивающих их доступ к социальным благам страны

⁵⁶ Этот аргумент был использован для обоснования участия России в конфликте между Грузией и Южной Осетией в 2008 г.

⁵⁷ Соловьев В. (2019). Мигрантополучатели. Сформированы структуры, которые займутся привлечением в Россию новых граждан. *Коммерсантъ*, 44, 14 марта, 1. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3909388>

получаемого гражданства, или же устанавливают весьма узкие временные рамки для действия программ такого рода.

Кроме того, сравнение российской практики с опытом зарубежных стран приводит нас к выводу, что предоставление гражданства не должно быть единственным инструментом взаимодействия с соотечественниками или диаспорой в других государствах. В странах, проводящих подобную политику, помимо (или вместо) приема в гражданство применяется система разнообразных статусов, дающих их владельцам некоторые важные права, но одновременно ограничивающих другие. В случае России складывается парадоксальная ситуация: предоставление гражданства рассматривается, по сути, как единственный механизм установления связей с населением других стран, имеющим какое-то отношение к общему советскому или российскому прошлому. Одновременно «новые граждане» получают полный набор экономических и политических прав, оказываясь в несоизмеримо более выгодном положении, чем мигранты, многие годы работающие на территории России и преодолевающие хитросплетения нашего законодательства и правоприменительной практики в сфере миграции и гражданства. Также заметим, что различия в уровне жизни в России и основных странах, где живут новые граждане РФ, дает последним дополнительный экономический дивиденд.

На фоне опыта других стран деятельность России по приему в гражданство населения других государств выглядит намного более масштабной. Ежегодно гражданами России становятся десятки тысяч человек, не проживающих в нашей стране. При этом трудно назвать эту деятельность продуманной и имеющей понятные цели и основания. Поэтому негативные проявления этого процесса могут оказаться небезразличными для российского общества. Нужно учесть лучшие практики и все-таки пересмотреть направление отечественного законодательства в этой области, ставя на первый план интересы людей, живущих в России.

ЛИТЕРАТУРА

- Аксенов А.Б. (2011). *Современные тенденции в международно-правовом регулировании вопросов гражданства в связи с правопреемством государств*. М.: Российская академия правосудия.
- Пенсионный фонд РФ (2017). *Годовой отчет за 2017 г.* URL: http://www.pfrf.ru/files/id/press_center/godovoi_otchet/annual_report_2017_1.pdf
- Пенсионный фонд РФ (2018). *Годовой отчет за 2018 г.* URL: http://www.pfrf.ru/press_center/annual_report/
- Чудиновских О.С. (2014). О политике и тенденциях приобретения гражданства Российской Федерации в период с 1992 по 2013 г. *Демографическое обозрение*, 1(3), 65-126. DOI: 10.17323/demreview.v1i3.1810
- Чудиновских О.С. (2018). Статистика приобретения гражданства как отражение особенностей миграционной политики России. *Вопросы статистики*, 25(9), 3-26. URL: https://voprstat.elpub.ru/jour/article/view/751?locale=ru_RU
- Bauböck R. (Ed.) (2006b). *Acquisition and Loss of Nationality. Policies and Trends in 15 European States*. Vol. 2. Country Analyses. Amsterdam: Amsterdam University Press.

- Bauböck R. et al. (Eds.) (2006a). *Acquisition and Loss of Nationality. Policies and Trends in 15 European States*. Vol. 1. Comparative Analyses. Amsterdam: Amsterdam University Press.
- Chiaramonte A. (2008). How Prodi's Unione won by a handful of votes. In J.L. Newell (Ed.), *The Italian general election of 2006. Romano Prodi's victory* (pp. 203-222). Manchester and New York: Manchester University Press.
- Dumbrava C. (2019). The ethno-demographic impact of co-ethnic citizenship in Central and Eastern Europe. *Journal of Ethnic and Migration Studies*, 45(6), 897-916. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/1369183X.2018.1440490>
- Dumbrava C. (2014). *Nationality, Citizenship and Ethno-Cultural Belonging: Preferential Membership Policies in Europe*. Houndmills, Basingstoke, Hampshire; New York: Palgrave Macmillan. URL: <http://hdl.handle.net/1814/34661>
- Faist T. (Ed.) (2007). *Dual Citizenship in Europe: From Nationhood to Social integration*. Aldershot: Ashgate.
- Faist T., Gerdes J. (2008). *Dual Citizenship in an Age of Mobility*. Washington, DC: Migration Policy Institute. URL: <https://www.migrationpolicy.org/research/dual-citizenship-age-mobility>
- González Enríquez C. (2014). *The price of Spanish and European citizenship*. Royal Institute Elcano. ARI 4/2014 - 3/2/2014. URL: https://www.files.ethz.ch/isn/176641/ARI4-2014_Gonzalez_Enriquez_price_spanish_and_european_citizenship.pdf
- Harpaz Y., Herzog B. (2018). *Report on Citizenship Law: Israel*. RSCAS/GLOBALCIT-CR 2018/2. European University Institute. Badia Fiesolana, San Domenico di Fiesole (FI), Italy. URL: https://cadmus.eui.eu/bitstream/handle/1814/56024/RSCAS_GLOBALCIT_CR_2018_02.pdf?sequence=1&isAllowed=y
- Iordachi C. (2009). *Romanian Citizenship Offer to Moldovans: Exaggerated Fears in the European Union*. EUDO Citizenship Press Release. URL: <https://www.eui.eu/Projects/EUDO/Documents/05-11-EUDO-romania.pdf>
- Iordachi C. (2010). *Report on Romania. Country Report*. RSCAS/EUDO-CIT-CR-2010/20. Badia Fiesolana, San Domenico di Fiesole (FI), Italy. URL: <http://eudo-citizenship.eu/docs/CountryReports/Romania.pdf>
- Iwanski T. (2011). *Ukraine – Romania: a sustained deadlock*. Centre for Eastern Studies. OSW Commentary. 68. URL: https://www.osw.waw.pl/sites/default/files/commentary_68.pdf
- Kalm S. (2013). Diaspora Strategies as Technologies of Citizenship. *Global Society*, 27(3), 379-397. DOI: 10.1080/13600826.2013.790787
- Lohr E. (2012). *Russian Citizenship. From Empire to Soviet Union*. Harvard University Press. Cambridge, Massachusetts, and London, England.
- Low C.C. (2018). MyOverseasVote: liberalism and extraterritorial citizenship. *Citizenship Studies*, 22(7), 745-768. DOI: 10.1080/13621025.2018.1508416.
- Monostori J., Öri P., Spéder Zs. (Eds.) (2015). *Demographic Portrait of Hungary 2015*. Budapest: Hungarian Demographic Research Institute. URL: <http://demografia.hu/en/publicationsonline/index.php/demographicportrait/issue/view/326>
- Nagashima T. (2017). Russia's Passportization Policy toward Unrecognized Republics. *Problems of Post-Communism*. DOI: 10.1080/10758216.2017.1388182

- Pogonyi S. (2013). *Naturalisation Procedures for Immigrants: Hungary*. Naturalisation Procedures Report. RSCAS/EUDO-CIT-NP 2013/12. Badia Fiesolana, San Domenico di Fiesole (FI), Italy. URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/45683860.pdf>
- Pogonyi S. (2015). Transborder Kin-minority as Symbolic Resource in Hungary. *Journal on Ethnopolitics and Minority Issues in Europe*, 14(3), 73–98. URL: <https://www.ecmi.de/fileadmin/downloads/publications/JEMIE/2015/Pogonyi.pdf>
- Pogonyi S., Kovács M., Körtvélyesi Z. (2010). *The Politics of External Kin-state Citizenship in East Central Europe*. Comparative Report. RSCAS/EUDO-CIT-Comp. 2010/6. Badia Fiesolana, San Domenico di Fiesole (FI), Italy. URL: <http://eudo-citizenship.eu/docs/ECEcomporeport.pdf>
- Pogonyi S. (2019). The Passport as Means of Identity Management: Making and Unmaking Ethnic Boundaries Through Citizenship. *Journal of Ethnic and Migration Studies*, 45(6), 975– 993. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/1369183X.2018.1440493>
- Sánchez C.A., Cuesta S.G. (2017). Migration and Spanish Citizenship Abroad: Recent Scenarios from the Cuban Context. *Mediterranean Journal of Social Sciences*, 8(3), 91-98. URL: <https://www.mcser.org/journal/index.php/mjss/article/view/9941/0>
- Statistics Poland (2018). *Demographic Yearbook of Poland 2018*. Warsaw. URL: <https://stat.gov.pl/en/topics/statistical-yearbooks/statistical-yearbooks/demographic-yearbook-of-poland-2018,3,12.html>
- Varga A. (2019). The Right to Vote of Romanian Citizens Living Abroad. *Minority Studies*, 15, 187-198. URL: https://www.researchgate.net/publication/333088815_The_Right_to_Vote_of_Romanian_Citizens_Living_Abroad

GRANTING CITIZENSHIP TO PERSONS LIVING ABROAD: RUSSIAN POLICY AND INTERNATIONAL EXPERIENCE

OXANA KHARAEVA, OLGA CHUDINOIVSKIKH

The article discusses issues regarding the granting of Russian citizenship to persons living abroad. In the context of international experience, the Russian practice is one of the most large-scale and is showing a tendency to expand. Granting political rights to persons not living in the country of citizenship brings certain risks of influencing the political processes in the country itself. Economic guarantees for the new citizens are provided at the expense of the working population of this country and its other resources, while the new citizens do not participate in the formation of social funds. The authors conclude that the recent decisions to simplify the acquisition of Russian citizenship by residents of the South-Eastern regions of Ukraine (without the requirement to move to Russia) could potentially have tangible economic and political consequences for the population of Russia that are still difficult to predict. The world's experience of the policy of interaction with "compatriots" and the Diaspora is ambiguous. It shows that countries granting citizenship or giving preferences to compatriots living abroad do not use citizenship as the only tool. They implement a system of statuses, granting some rights and limiting others, and setting a time frame for such programs. The authors conclude that at present the approaches to granting Russian citizenship to persons living outside Russia need to be revised, because the continuing practice and its scale do not fully meet the interests of the Russian population.

Key words: citizenship, naturalization, migration, compatriots, diaspora.

OXANA KHARAEVA (oxa-na1@yandex.ru), LOMONOSOV MOSCOW STATE UNIVERSITY, RUSSIA.

OLGA CHUDINOIVSKIKH (migrstat@yandex.ru), LOMONOSOV MOSCOW STATE UNIVERSITY, RUSSIA.

THE ARTICLE IS PREPARED WITHIN THE FRAMEWORK OF THE RESEARCH CARRIED OUT WITH THE SUPPORT OF RFBR, GRANT №19-010-00670 "EVALUATION OF THE RESULTS OF THE MIGRATION POLICY OF THE RUSSIAN FEDERATION AND PROPOSALS FOR ITS MODERNIZATION IN THE NEW ECONOMIC AND GEOPOLITICAL CONDITIONS".

DATE RECEIVED : SEPTEMBER 2019.

REFERENCES

- Aksenov A.B. (2011). *Sovremennyye tendentsii v mezhdunarodno-pravovom regulirovanii voprosov grazhdanstva v svyazi s pravopreyemstvom gosudarstv* [Current trends in the international legal regulation of citizenship]. Moscow: Rossiyskaya akademiya pravosudiya. (In Russ.).
- Bauböck R. (Ed.) (2006b). *Acquisition and Loss of Nationality. Policies and Trends in 15 European States*. Vol. 2. Country Analyses. Amsterdam: Amsterdam University Press.
- Bauböck R. et al. (Eds.) (2006a). *Acquisition and Loss of Nationality. Policies and Trends in 15 European States*. Vol. 1. Comparative Analyses. Amsterdam: Amsterdam University Press.
- Chiaromonte A. (2008). How Prodi's Unione won by a handful of votes. In J.L. Newell (Ed.), *The Italian general election of 2006. Romano Prodi's victory* (pp. 203-222). Manchester and New York: Manchester University Press.

- Chudinovskikh O.S. (2014). Policies and trends in acquiring citizenship of the Russian Federation in 1992-2013. *Demographic Review*, 1(3), 65-126. (In Russ.). DOI: 10.17323/demreview.v1i3.1810
- Chudinovskikh O.S. (2018). Statistics on Citizenship Acquisition as a Reflection of the Peculiarities of the Russian Migration Policy. *Voprosy statistiki*, 25(9), 3-26. (In Russ.). URL: https://voprstat.elpub.ru/jour/article/view/751?locale=ru_RU
- Dumbrava C. (2019). The ethno-demographic impact of co-ethnic citizenship in Central and Eastern Europe. *Journal of Ethnic and Migration Studies*, 45(6), 897-916. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/1369183X.2018.1440490>
- Dumbrava C. (2014). *Nationality, Citizenship and Ethno-Cultural Belonging: Preferential Membership Policies in Europe*. Houndmills, Basingstoke, Hampshire; New York: Palgrave Macmillan. URL: <http://hdl.handle.net/1814/34661>
- Faist T. (Ed.) (2007). *Dual Citizenship in Europe: From Nationhood to Social integration*. Aldershot: Ashgate.
- Faist T., Gerdes J. (2008). *Dual Citizenship in an Age of Mobility*. Washington, DC: Migration Policy Institute. URL: <https://www.migrationpolicy.org/research/dual-citizenship-age-mobility>
- González Enríquez C. (2014). *The price of Spanish and European citizenship*. Royal Institute Elcano. ARI 4/2014 - 3/2/2014. URL: https://www.files.ethz.ch/isn/176641/ARI4-2014_Gonzalez_Enriquez_price_spanish_and_european_citizenship.pdf
- Harpaz Y., Herzog B. (2018). *Report on Citizenship Law: Israel*. RSCAS/GLOBALCIT-CR 2018/2. European University Institute. Badia Fiesolana, San Domenico di Fiesole (FI), Italy. URL: https://cadmus.eui.eu/bitstream/handle/1814/56024/RSCAS_GLOBALCIT_CR_2018_02.pdf?sequence=1&isAllowed=y
- Iordachi C. (2009). *Romanian Citizenship Offer to Moldovans: Exaggerated Fears in the European Union*. EUDO Citizenship Press Release. URL: <https://www.eui.eu/Projects/EUDO/Documents/05-11-EUDO-romania.pdf>
- Iordachi C. (2010). *Report on Romania. Country Report*. RSCAS/EUDO-CIT-CR-2010/20. Badia Fiesolana, San Domenico di Fiesole (FI), Italy. URL: <http://eudo-citizenship.eu/docs/CountryReports/Romania.pdf>
- Iwanski T. (2011). *Ukraine – Romania: a sustained deadlock*. Centre for Eastern Studies. OSW Commentary. 68. URL: https://www.osw.waw.pl/sites/default/files/commentary_68.pdf
- Kalm S. (2013). Diaspora Strategies as Technologies of Citizenship. *Global Society*, 27(3), 379-397. DOI: 10.1080/13600826.2013.790787
- Lohr E. (2012). *Russian Citizenship. From Empire to Soviet Union*. Harvard University Press. Cambridge, Massachusetts, and London, England.
- Low C.C. (2018). MyOverseasVote: liberalism and extraterritorial citizenship. *Citizenship Studies*, 22(7), 745-768. DOI: 10.1080/13621025.2018.1508416.
- Monostori J., Óri P., Spéder Zs. (Eds.) (2015). *Demographic Portrait of Hungary 2015*. Budapest: Hungarian Demographic Research Institute. URL: <http://demografia.hu/en/publicationsonline/index.php/demographicportrait/issue/view/326>
- Nagashima T. (2017). Russia's Passportization Policy toward Unrecognized Republics. *Problems of Post-Communism*. doi: 10.1080/10758216.2017.1388182

- Pension Fund of the Russian Federation (2017). *Godovoy otchet za 2017 g.* [Annual Report 2017]. (In Russ.). URL: http://www.pfrf.ru/files/id/press_center/godovoi_otchet/annual_report_2017_1.pdf
- Pension Fund of the Russian Federation (2018). *Godovoy otchet za 2018 g.* [Annual Report 2018]. (In Russ.). URL: http://www.pfrf.ru/press_center/annual_report/
- Pogonyi S. (2013). *Naturalisation Procedures for Immigrants: Hungary*. Naturalisation Procedures Report. RSCAS/EUDO-CIT-NP 2013/12. Badia Fiesolana, San Domenico di Fiesole (FI), Italy. URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/45683860.pdf>
- Pogonyi S. (2015). Transborder Kin-minority as Symbolic Resource in Hungary. *Journal on Ethnopolitics and Minority Issues in Europe*, 14(3), 73–98. URL: <https://www.ecmi.de/fileadmin/downloads/publications/JEMIE/2015/Pogonyi.pdf>
- Pogonyi S., Kovács M., Körtvélyesi Z. (2010). *The Politics of External Kin-state Citizenship in East Central Europe*. Comparative Report. RSCAS/EUDO-CIT-Comp. 2010/6. Badia Fiesolana, San Domenico di Fiesole (FI), Italy. URL: <http://eudo-citizenship.eu/docs/ECEcomporeport.pdf>
- Pogonyi S. (2019). The Passport as Means of Identity Management: Making and Unmaking Ethnic Boundaries Through Citizenship. *Journal of Ethnic and Migration Studies*, 45(6), 975–993. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/1369183X.2018.1440493>
- Sánchez C.A., Cuesta S.G. (2017). Migration and Spanish Citizenship Abroad: Recent Scenarios from the Cuban Context. *Mediterranean Journal of Social Sciences*, 8(3), 91-98. URL: <https://www.mcser.org/journal/index.php/mjss/article/view/9941/0>
- Statistics Poland (2018). *Demographic Yearbook of Poland 2018*. Warsaw. URL: <https://stat.gov.pl/en/topics/statistical-yearbooks/statistical-yearbooks/demographic-yearbook-of-poland-2018,3,12.html>
- Varga A. (2019). The Right to Vote of Romanian Citizens Living Abroad. *Minority Studies*, 15, 187-198. URL: https://www.researchgate.net/publication/333088815_The_Right_to_Vote_of_Romanian_Citizens_Living_Abroad

ТРУДОВЫЕ МИГРАНТЫ ИЗ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В СИБИРСКОМ ГОРОДЕ: ИНФРАСТРУКТУРА, ЗАНЯТОСТЬ, ПОВСЕДНЕВНОСТЬ, ДОСУГ

Диана Брызгина, Сеиль Джанызакова, Ираида (Ирина) Нам, Антон Садырин, Федор Сметанин

В статье представлены результаты первого года реализации исследовательского проекта «Использование и создание мигрантами городской инфраструктуры сибирских региональных столиц» (томский кейс). В качестве объекта исследования были выбраны мигранты из трех центрально-азиатских республик (Киргизия, Таджикистан и Узбекистан) как наиболее многочисленная группа иностранцев, въезжающих на территорию Томска. Выходцы из этих государств наиболее подвержены дискриминации в силу своей «видимости», а СМИ зачастую навязывают этим людям ярлык «усредненного» мигранта, несущего безусловную угрозу российскому обществу. В статье анализируются и описываются траектории социально-экономической и культурной адаптации/интеграции мигрантов в городе Томск. В основу исследования был положен подход, использующийся в культурной географии, согласно которому в городском пространстве существуют как традиционные (реальные), так и ментальные (вернакулярные) районы, а основными критериями выделения вернакулярного района служит его локализация в восприятии жителями отдельной городской территории. Для исследования были выделены три вернакулярных района, имеющих разные социально-экономические и географические характеристики: «Центр» как «благополучный» район, «Черемошники» как «проблемный», «Иркутчи» как «промежуточный». Основными методами сбора полевых данных послужили качественные методы: интервью и соучастующее наблюдение. С целью выявления элементов «мигрантской» инфраструктуры был проведен анкетный опрос мигрантов в каждом из выделенных вернакулярных районов города. Это первое исследование, направленное на понимание того, как мигранты встраиваются в экономику и социальные связи в сибирском городе. Объекты «мигрантской» инфраструктуры анализируются не как отдельные элементы экономической и социальной инфраструктуры, а как точки взаимодействия разных групп мигрантов и горожан. Исследуется, как эти объекты встроены в жизнь города. Оценивается степень интеграции мигрантов в городское пространство и роль социальных институтов, значимых для них.

Ключевые слова: трудовые мигранты, Центральная Азия, инфраструктура, занятость, повседневность, досуг, Томск.

ВВЕДЕНИЕ

Расширение трансграничных миграционных потоков и усложнение их структуры приводит к появлению новых моделей взаимодействия мигрантов с городом.

Диана Евгеньевна Брызгина (br.diana21@gmail.com), Национальный исследовательский Томский государственный университет, Россия.

Сеиль Давлетовна Джанызакова (seildzhanyzakova@gmail.com), Национальный исследовательский Томский государственный университет, Россия.

Ираида (Ирина) Владимировна Нам (namirina@bk.ru), Национальный исследовательский Томский государственный университет, Россия.

Антон Алексеевич Садырин (sadyrin.1994@mail.ru), Национальный исследовательский Томский государственный университет, Россия.

Федор Анатольевич Сметанин (f-smetanin@mail.ru), Национальный исследовательский Томский государственный университет, Россия.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта №18-18-00293 «Использование и создание мигрантами городской инфраструктуры сибирских региональных столиц».

Статья поступила в редакцию в ноябре 2019 г.

Место жительства мигрантов, использование ими городской и/или создание собственной инфраструктуры влияют на возможности их быстрого или же, наоборот, медленного вхождения в принимающее общество. Недостаточная изученность проблемы адаптации мигрантов в городской среде, их взаимодействия с городским пространством и местными сообществами влечет за собой распространение в академических текстах и во властной риторике, в СМИ и в городской повседневности алармистского подхода к миграционной проблематике. В публичном дискурсе широко распространены представления о формирующихся этнически однородных городских районах («гетто», «чайнатаунах», «анклавах»), которые, с одной стороны, рассматриваются как угроза, с другой – как возможное решение мигрантского вопроса (Дятлов 2008).

Однако ситуация в российских городах существенно отличается от той, которую можно наблюдать в других странах, как показывают исследования, проведенные на примере Санкт-Петербурга и Москвы (Бредникова, Ткач 2010; 2012; Вендина 2009; Деминцева, Пешкова 2014; Demintseva 2017). Структура постсоветского города не позволяет выделять собственную территорию тем или иным категориям жителей. Это происходит в силу сложившейся еще в советский период застройки городов, предполагающей социальное смешение. Мигранты живут во всех районах, используя инфраструктуру экономкласса. Поэтому у мигрантов не складывается сообществ, привязанных к какой-то определенной территории (Деминцева, Пешкова 2014; Demintseva 2017). В то же время в последние годы мигранты активно создают собственную инфраструктуру, которая преимущественно ориентирована на их обслуживание. В Москве, например, появились «Киргизские клиники» (Demintseva, Kashnitsky 2018).

Использование мигрантами существующей и формирование новой городской инфраструктуры воспринимается и маркируется горожанами как «мигрантское» и/или «этническое» пространство (Дятлов 2008; Дятлов, Григоричев 2014). Однако пространства, определяемые местными жителями как «мигрантские», к которым мы можем отнести, к примеру, рынки, в действительности активно используются разными группами горожан. Создаваемая мигрантами инфраструктура часто становится точкой взаимодействия «местных» и «приезжих» (Деминцева, Пешкова 2014; Григоричев 2015), формируя пространственные связи, изменяющие характер городских мобильностей (Grigorichev 2016; Брызгина 2017).

Фокусом нашего исследования было изучение как создаваемой мигрантами, так и использования ими уже существующей инфраструктуры в сибирском городе. Как в этих местах происходит взаимодействие мигрантов с «местными»? Правомерно ли вообще говорить о существовании «мигрантской» и/или «этнической» инфраструктуры в пространстве сибирского города? При этом основная задача исследования состоит не столько в выявлении и описании объектов создаваемой и используемой мигрантами городской инфраструктуры, сколько в выяснении ее роли в жизни города и влиянии на социально-экономическую и культурную интеграцию мигрантов.

В качестве объекта исследования были выбраны трудовые мигранты из трех центрально-азиатских государств (Киргизия, Таджикистан и Узбекистан) как наиболее многочисленная группа иностранцев, въезжающих на территорию Томска и Томской

области. Выходцы из этих государств наиболее подвержены дискриминации в силу своей «видимости», а СМИ формирует «обезличенный» образ трудового мигранта, лишенный индивидуальных человеческих черт, несущий безусловную угрозу российскому обществу (Нам и др. 2017).

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ РАМКИ ИССЛЕДОВАНИЯ

Теоретические исследования, направленные на изучение социально-экономической интеграции мигрантов в городе, разработаны преимущественно на примере западных городов. Одна из наиболее известных теоретических моделей, изучающих интеграцию мигрантов в городское пространство и использование ими городской инфраструктуры, – теория пространственной ассимиляции (*spatial assimilation*), сложившаяся в середине 1980-х годов (Massey 1985). Рассматривая на примере американских городов расселение этнических меньшинств, ученые пришли к выводу, что социальный престиж зависит, в числе прочего, от места проживания человека. Некоторые обитатели «этнических кварталов» при достижении определенных экономических и социальных успехов стремятся уехать из них.

Актуальной для анализа расселения и социально-экономической интеграция мигрантов в городах России является объяснительная модель гетеролокализма (Zelinsky, Lee 1998), описывающая поведение мигрантов, которые не живут в «этнических» кварталах, но сохраняют членство в своих этнических сетях. Ее авторы Зелинский и Ли отмечают, что появление новых технологий, таких как мобильный телефон и Интернет, позволяют мигрантам жить в разных частях города, но оставаться на связи со «своей» этнической общиной (Деминцева, Пешкова 2014; Demintseva 2017). Российские города остаются социально смешанными, несмотря на условную «престижность» одних районов по сравнению с другими (Demintseva 2017; Баранова, Федорова 2017). Благодаря отсутствию привязки к какому-то району у мигрантов не складывается сообществ, привязанных к определенной территории. Наличие больших массивов социального жилья, построенного в советские годы, и существование до сегодняшнего времени коммунальных квартир в центре предоставляет мигрантам выбор места проживания (Demintseva 2017; Баранова, Федорова 2017).

Важным теоретическим инструментом исследования может быть представление о «мигрантских кластерах» как специфических социальных практиках расселения в городском пространстве культурно отличимых мигрантов, которое было положено самарскими социологами в основу изучения освоения мигрантами регионального социума. Авторы включают в содержание понятия «мигрантский кластер» объекты городского хозяйства, где наиболее активно используется труд мигрантов, примыкающие к ним жилые кварталы, в которых относительно высок удельный вес мигрантского населения, объекты инфраструктуры, которые наряду с местным населением обслуживают мигрантов. «Кластеры» формируются стихийно в силу как объективных обстоятельств (близость к работе, более доступное для съема либо приобретения в собственность жилье), так и субъективных факторов (стремление селиться и работать рядом со «своими»). Кластеры нельзя отнести ни к компактному, ни к дисперсному расселению, поскольку они

«вкраплены» в местный поселенческий массив, постоянно пересекаются и взаимодействуют с местными локальными сообществами. В ареале одного «кластера» могут быть сосредоточены представители различных этнических групп, поэтому «кластеры» не имеют четких культурных маркеров (Мухаметшина 2014; Мухаметшина, Кандауров, Явлин 2015).

Смешанный характер постсоветского сибирского города позволяет предположить в качестве еще одной рабочей гипотезы наличие устойчивых связей, организующих дисперсно расположенную «мигрантскую» инфраструктуру города. Важнейшими узлами таких связей являются нелокализованные территориально *виртуальные ядра* (неформальные сети и связи – деловые, клановые, семейные, земляческие, возможно, криминальные) и *формальные структуры* (национально-культурные организации – НКО), которые обеспечивают как горизонтальные связи между элементами «мигрантской» инфраструктуры, так и вертикальные – взаимодействие с властными и силовыми структурами (Дятлов 2016).

МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В основу исследования был положен подход, нередко использующийся в культурной географии, согласно которому в городском пространстве существуют как традиционные (реальные), так и ментальные (вернакулярные) районы, а основными критериями их выделения служит их локализация в восприятии жителями как отдельных городских территорий (Павлюк 2007; Калуцков 2013). Вернакулярный район как единица анализа городского пространства позволяет отталкиваться в районировании города от представлений самих жителей, определяющих их восприятие города и повседневные практики. На уровне вернакулярных районов наиболее эффективным является составление ментальных карт на основе восприятия мигрантами городского пространства и картографирование элементов мигрантоориентированной инфраструктуры (Деминцева, Пешкова 2014). Использование данного подхода позволяет точнее и детальнее выяснить, как устроена в исследуемом городском пространстве мигрантоориентированная инфраструктура и какое значение для мигранта имеет «своя территория» или «свой район».

Выделение вернакулярных районов в рамках исследования основано на разнообразии их социально-экономических и географических характеристик. Основными критериями выступают как объективные признаки (стоимость аренды жилья, уровень благополучия и др.), так и субъективные представления горожан. На этих основаниях для исследования было выбрано три района: «Центр» как «благополучный» район, «Черемошники» как «проблемный», «Иркутчи» как «промежуточный». Предполагалось, что «благополучность»/«проблемность» района будет коррелировать с концентрацией в том или ином из них трудовых мигрантов и наличием/отсутствием элементов городской инфраструктуры, созданной либо освоенной приезжими.

«Центр» имеет четкие топографические и географические маркеры, определяющие его границы. С одной стороны граница района проходит по берегу р. Томь до улицы Дальне-Ключевская, с другой – по Комсомольскому проспекту до пересечения с улицей

Елизаровых (район железнодорожного и автовокзала Томск-1), которая пересекается с улицей Нахимова (Транспортная площадь) и замыкает район в области пересечения с Московским трактом и микрорайоном Заисточье, где располагаются Красная и Белая Соборные мечети (рисунок 1). Центр города представляет собой особую локальность, отличающуюся наличием торговой и деловой зон, где концентрируется ключевая инфраструктура города (торговая, обслуживающая, транспортная и др.). «Центр» занимает обширную территорию, вытянутую вдоль центральной улицы города (проспект Ленина), и граничит с менее благоприятными с точки зрения условий жизни частями города («Черемошники»). В связи с этим жители города, проживающие в приграничной зоне, склонны сдвигать границу города далее к улицам Подгорной, Бердской, тем самым абстрагируясь от негативно маркированного восприятия городской территории.

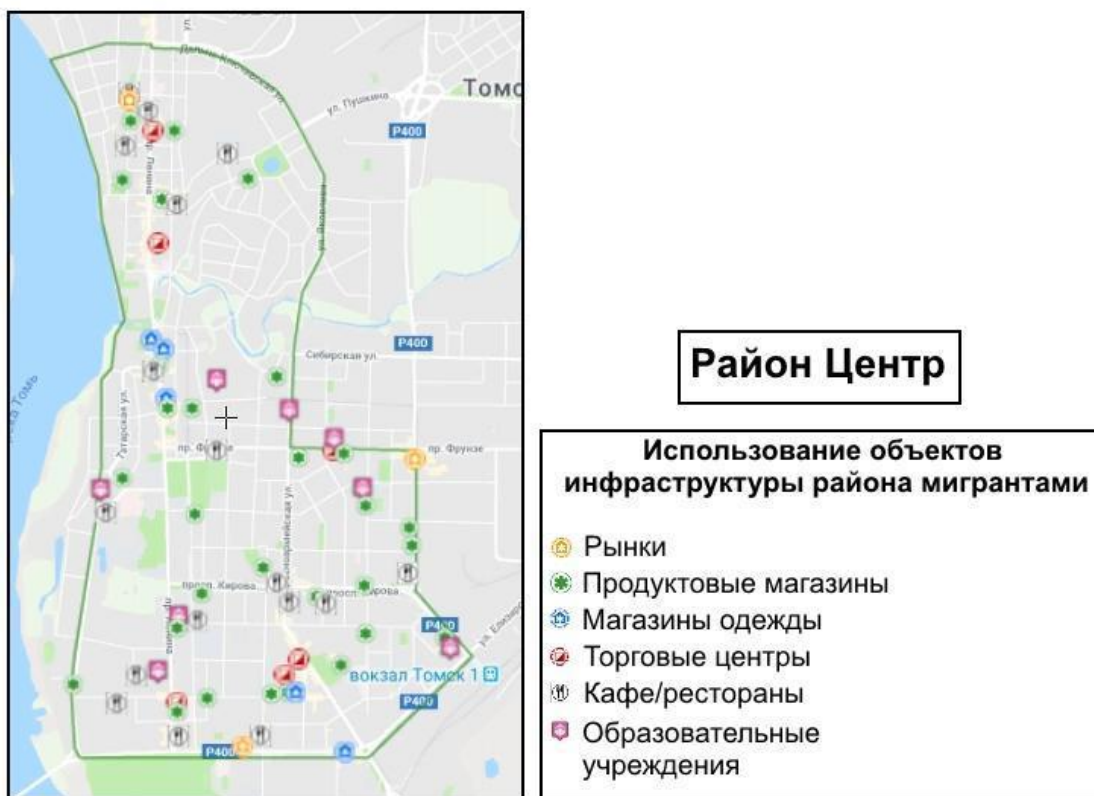

Рисунок 1. Карта vernakulyarnogo района «Центр»

Источник: Материалы авторов.

Район «Черемошники» имеет условные географические рамки. С южной стороны он ограничен улицей Дальне-Ключевской, переходящей в проспект Мира. С западной стороны естественной границей служит р. Томь, на востоке район ограничен Каштачной горой (соединение проспекта Мира и улицы Смирнова). Условной северной оконечностью «Черемошников» является улица ЛПК 2-й поселок (рисунок 2). В «Черемошниках» широко распространена деревянная застройка, имеется большое количество железнодорожных развязок и переездов. Со стороны Томи располагаются крупные фабрики и заводы, такие как «Томлесдрев», «Томская домостроительная компания» и другие, что в значительной

степени привлекает трудовых мигрантов, особенно задействованных на частных пилорамах.

Мигранты, проживающие в «Черемошниках», обосновывают выбор этого района развитой внутренней инфраструктурой, близостью к центру города и к местам работы. Основными местами, привлекающими трудовых мигрантов из стран Центральной Азии в указанном районе, являются пилорамы и овощебазы. Вокруг этих мест возникают другие немаловажные элементы «мигрантской» инфраструктуры, представленные этническими (зачастую халяльными) кафе, магазинами и парикмахерскими.

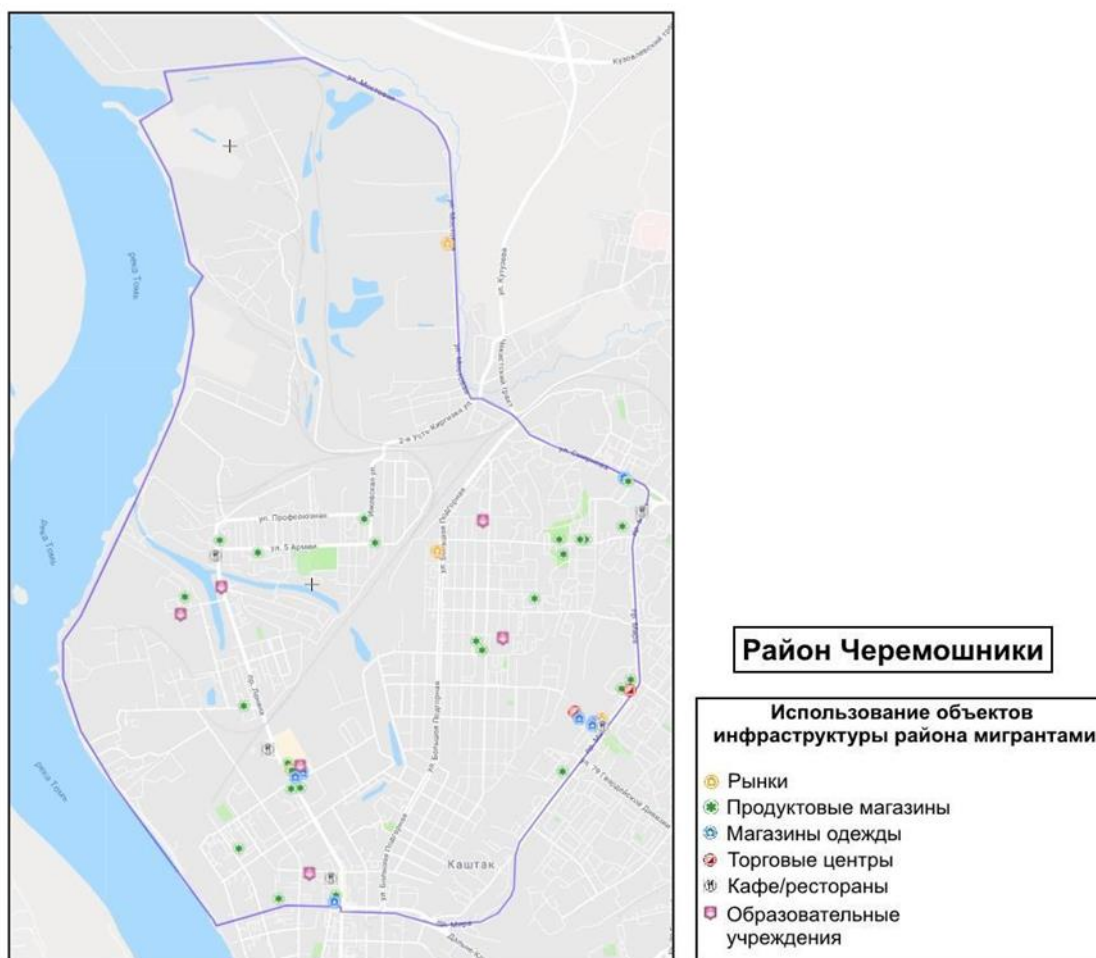

Рисунок 2. Карта вернакулярного района «Черемошники»

Источник: Материалы авторов.

Район «Иркутский» («Иркутчи») выделен как внутригородской вернакулярный район, представление о котором основано не столько на географическом делении, сколько, говоря языком урбанистов и городских географов, на концепции чувства места, наполненного социальным смыслом для человека. Основной улицей в выделенном районе является Иркутский тракт – четырехполосная широкая дорога с прилегающими по сторонам высотками и тротуарами, которая в дореволюционном Томске улицей не являлась, а была прежде всего частью проходившей через город дороги, соединяющей Дальний Восток и Сибирь с Центральной Россией. «Спальным» и доступным для широкого

круга горожан Иркутский тракт становится во второй половине XX века, когда начинается массовая застройка этого района микрорайонами: 2-й и 3-й микрорайоны, «Солнечный», «Жилмассив» и др. Все эти микрорайоны географически связаны с улицей Иркутский тракт, образуя вернакулярный район «Иркутский» (рисунок 3).

Современные «Иркутчи» характеризуются доступностью цен на жилье, так как удалены от центра, имеют типичную советскую «спальную» застройку. Здесь находятся два крупных рынка («Октябрьский» и «Лазовский»), ведется строительство современного жилого комплекса «Ласточка», действует сеть кафе, специализирующихся на приготовлении блюд «восточной» кухни, автомоек, автомобильных сервисов, где задействованы выходцы из Центральной Азии, центров помощи в оформлении документов для мигрантов, а в начале Иркутского тракта расположен миграционный центр. Все это, на наш взгляд, способствует выбору мигрантами этого района в качестве основного места проживания, а также использованию районной инфраструктуры и созданию собственной.

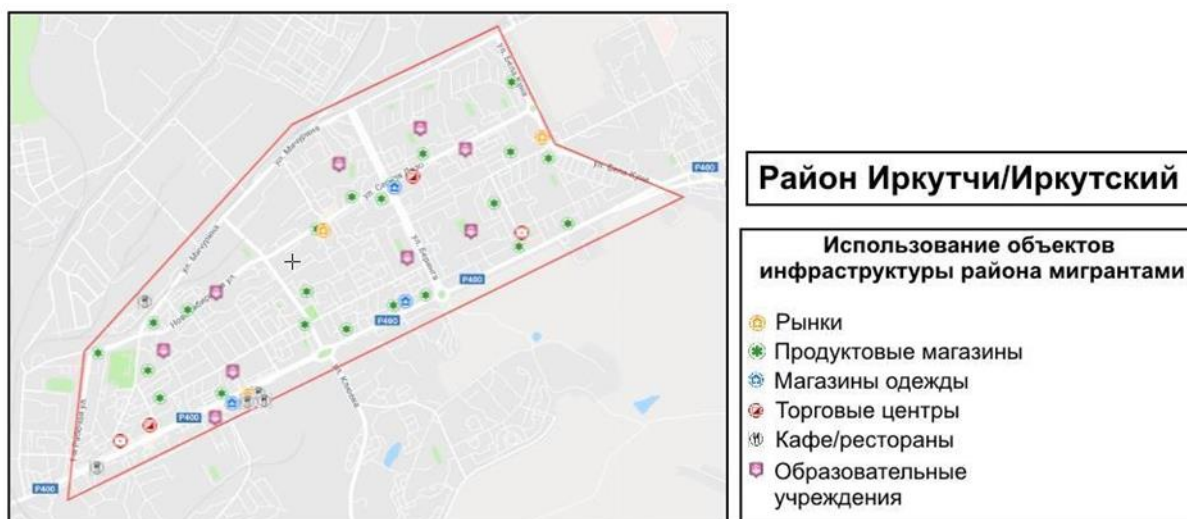

Рисунок 3. Карта вернакулярного района «Иркутчи»

Источник: Материалы авторов.

Полевая работа была направлена: а) на выявление городской инфраструктуры, которой пользуется мигрант в своем районе и в городе в целом; б) на изучение повседневной жизни мигранта (социальные связи, досуг, принадлежность к каким-либо сообществам). В качестве ключевых методов сбора данных в выделенных вернакулярных районах были использованы качественные методы: полуформализованные интервью и наблюдения, включая соучастующее. Анализ интервью дает более широкий, по сравнению с анкетным опросом, спектр возможностей для получения подробной информации и уточнений со стороны респондента, что позволяет выявить специфику «мигрантской» инфраструктуры в выделенных вернакулярных районах Томска, лучше понять, как трудовые мигранты осваивают и используют пространство города и его инфраструктуру. Значительная часть интервью была проведена на рабочем месте мигрантов, что позволило увидеть обстановку и рабочий процесс в действии. Использование методологии, опирающейся на качественные исследования и внимательную этнографию, позволяет раскрыть особенности повседневной жизни мигрантов, их взаимодействия с «местными»

жителями, выявить неформальные практики интеграции, используемые мигрантами и горожанами с учетом факторов времени и пространства.

С июля по ноябрь 2018 г. было собрано и расшифровано 60 полужформализованных интервью. Гайд интервью включал блоки вопросов, направленных на получение сведений, касающихся миграционной истории респондентов, их адаптации и опыта освоения городского пространства, повседневной жизни, жилья, досуга, взаимодействия с национально-культурными организациями и религиозными общинами.

Интервью проводили на основе анализа данных, полученных по результатам анкетного опроса, целью которого было выявление в городе мест возможной концентрации мигрантов и мигрантоориентированной инфраструктуры. Выбор анкетного опроса в качестве вспомогательного метода сбора данных в соответствии с выделенными вернакулярными районами обусловлен необходимостью формирования общей картины города, включающей не только «мигрантскую» инфраструктуру, но и другие элементы городских пространств и инфраструктуры, используемых мигрантами. Анкета состояла из вопросов, направленных на выяснение социально-демографических характеристик респондентов, сфер занятости, графика и опыта работы, использования городской инфраструктуры (магазины, рынки, транспорт, общественные пространства и др.).

Всего было опрошено 300 мигрантов по 100 человек в каждом вернакулярном районе. Выборку респондентов осуществляли на основе пропорционального распределения мигрантов, проживающих в Томске, по стране исхода. В результате было опрошено 179 выходцев из Узбекистана, 76 – из Киргизии, 45 – из Таджикистана (таблица).

Таблица. Распределение респондентов по стране происхождения (исхода)

	Число, чел.	Доля, %
Киргизия	76	25
Узбекистан	179	60
Таджикистан	45	15
Всего	300	100

Источник: Расчеты авторов.

При этом часть опрошенных имела российское гражданство (19,3%), что исключает этих респондентов из выборки. Однако в ходе интервью и частично в результате анкетирования было установлено, что наличие гражданства РФ дает определенные преимущества при трудоустройстве, пользовании рядом социальных услуг, но в целом не играет решающей роли в изменении или улучшении условий жизни мигрантов.

КАКИЕ МИГРАНТЫ?

По данным Управления по вопросам миграции УМВД России по Томской области, в 2018 г. на миграционный учет по месту пребывания было поставлено 72,5 тыс. человек, из которых подавляющее большинство составляют мигранты из Узбекистана (около 29 тыс.). В целом динамика миграционного прироста в Томске демонстрирует ежегодное снижение в пределах 0,5-1% в год (Федеральная служба государственной... 2019), что отражается и в

результатах опроса.

Из числа опрошенных наибольшее количество мигрантов прибыло в Томск в 2011 – 2015 гг. (115 человек) и проживают в городе от 3 до 7 лет. В предыдущие 5 лет (2006-2010 гг.) число прибывших в 1,5 раза меньше (75 человек). За последние 2 года в Томск прибыло 65 человек из числа опрошенных (рисунок 4).

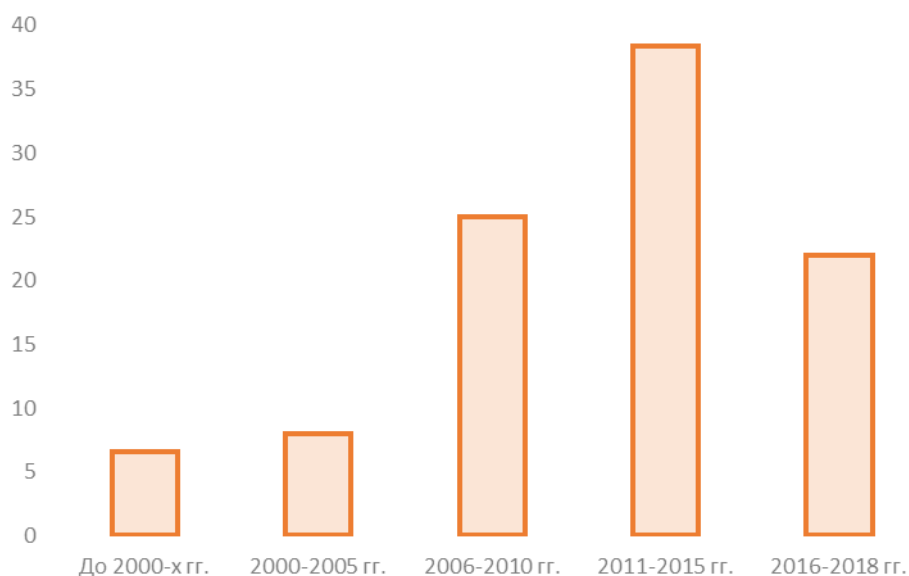

Рисунок 4. Распределение респондентов по времени приезда в Томск (%)

Источник: Расчеты авторов.

Большинство мигрантов сохраняют тесные связи со страной исхода: около 75% опрошенных возвращаются на родину (более половины из них ездят домой раз в год или в несколько лет); некоторые уезжают домой на лето, и только 12% ни разу не возвращались домой. При этом наиболее тесные связи с родиной наблюдаются у мигрантов из Киргизии (79%). Респондентов, имеющих двойное гражданство или статус «лицо без гражданства», в ходе интервьюирования не было выявлено. Примечательно, что выходцы из Таджикистана, получившие российский паспорт, отказались от таджикского гражданства.

Анализ интервью показал, что большинство трудовых мигрантов приезжают в Томск с уже имеющимся миграционным опытом, преимущественно в центральной части России (Москва, Санкт-Петербург), реже в Новосибирске, других городах: «Я приехал в 1995 г. году из Украины, я был в Харькове три года. Там (в Таджикистане) была война, после событий 1992 г. Получается, что три года жил в Харькове, это на границе с Россией, где г. Белгород. <...> Потом мне предложили: «Поехали на север, на заработки. Поехали!» Поехали так, только ненадолго, на шесть месяцев. И как приехал, так остался здесь навсегда. Вот, в 1995 начал здесь жить!» (из интервью с мужчиной из Таджикистана, 54 года).

Большое значение в жизни мигрантов, как живущих в Томске более 10-15 лет, так и (в особенности) приехавших недавно, имеют миграционные сети. Наличие родственников/земляков обуславливает как выбор города, так и первое место работы.

При переезде в Россию происходит смена деятельности, как правило, мигранты работают не по специальности, а «где придется»:

И.: И Вы специально, получается, искали такую работу? Или в принципе?

Р.: Нет, я такую не искал, просто случайно встретился с парнем из Таджикистана. Ну он уже здесь, как говорится, гражданин России. «Где-то работа есть?» Он говорит: «Есть». «Ну значит, будет работать» (из интервью с мужчиной из Узбекистана, около 50 лет).

Место работы определяет и выбор места жительства в городе. Режим работы отличается высокой степенью гибкости. Интервью так же позволили зафиксировать сохраняющийся трансграничный характер трудовой миграции в Томске: все респонденты поддерживают связь со своей родиной, регулярно возвращаясь туда. Наиболее предпочтительными средствами перемещения являются самолет или автобус.

Большинство трудовых мигрантов, представляющих постсоветское поколение, имеют только среднее общее образование – 185 человек (62%), респондентов со средним специальным и высшим образованием соответственно 21 и 14% (рисунок 5). Среди 300 опрошенных трудовых мигрантов (мужчин и женщин) больше половины (59%) состоят в официальном браке (178 человек). При этом среди женщин, осуществляющих трудовую деятельность в Томске, больше разведенных и вдовствующих, чем среди мужчин. 38% респондентов не имеют детей, 16% имеют одного ребенка. Наличие двух детей в семье трудового мигранта составило 25%. Дети мигрантов представлены на всех ступенях образования от дошкольного до высшего.

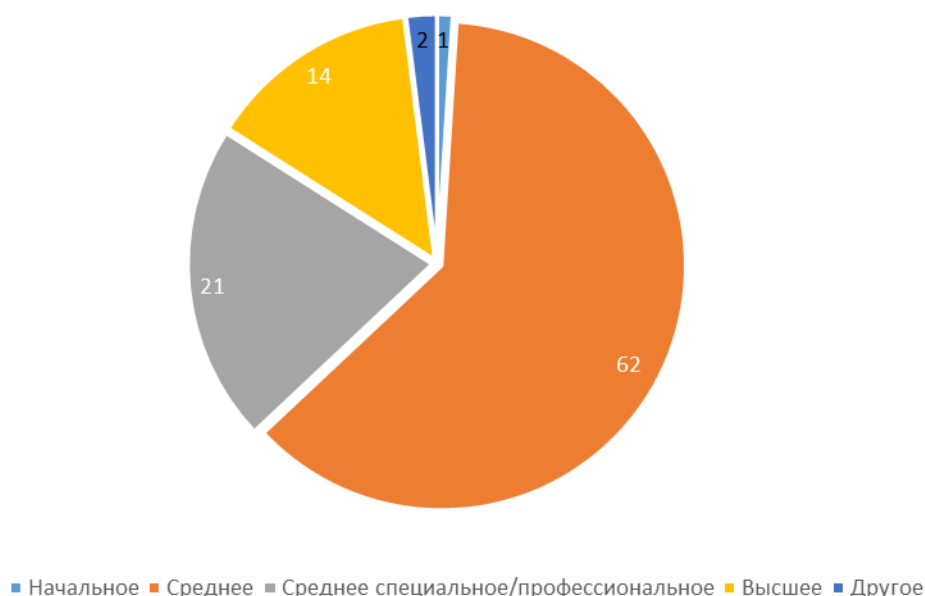

Рисунок 5. Уровень образования респондентов, %

Источник: Расчеты авторов.

ЗАНЯТОСТЬ, ДОСУГ И ПОВСЕДНЕВНОСТЬ

Характер трудовой деятельности мигрантов в Томске характеризуется широким разнообразием. Большинство опрошенных заняты в сфере обслуживания (51%) и торговли (25%). При этом в торговой отрасли мигранты представлены как в качестве продавцов, так и уборщиков, грузчиков, кладовщиков, фасовщиков и администраторов, почти 4% опрошенных имеют собственный бизнес. Наиболее распространенными местами работы мигрантов в сфере обслуживания являются объекты общепита (кафе, столовые, рестораны, бары и др.), преимущественно это заведения «восточной» либо «национальной» кухни (рисунок 6). Наибольшую долю составляют повара (сушисты, блинопеки, изготовители пиццы, шаурмы и др.) и кухонные работники разного профиля (помощники повара, заготовщики, разнорабочие и др.).

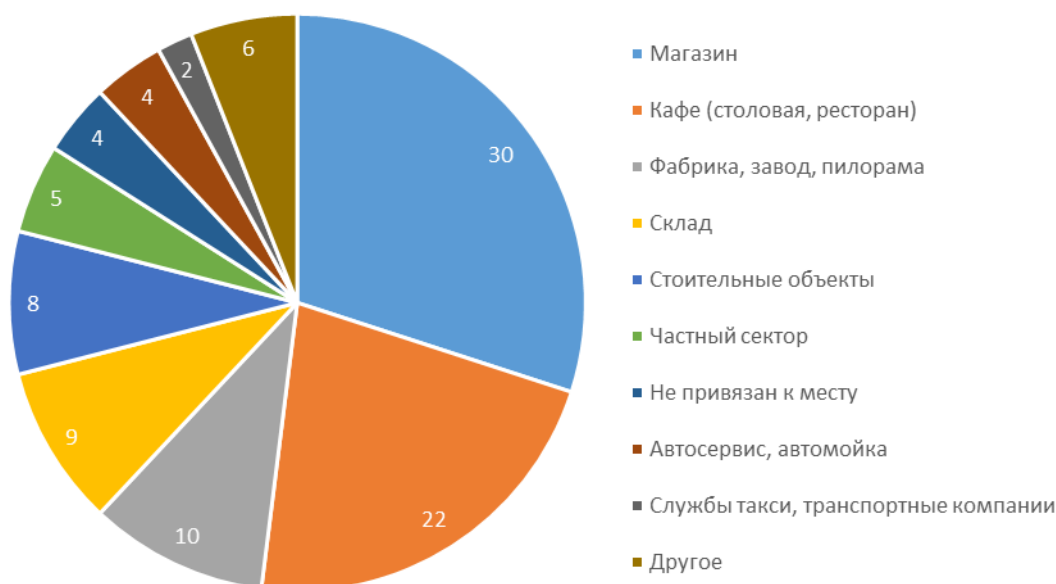

Рисунок 6. Места работы трудовых мигрантов в Томске, %

Источник: Расчеты авторов.

Степень занятости мигрантов в Томске отличается относительной устойчивостью. Значительная доля респондентов работает в одном месте от 1 года до 5 лет (41%). Менее одного года на одном предприятии работают 41% опрошенных, из них 25% работают в одном месте от полугода и больше, 16% – менее 6 месяцев. Около 14% опрошенных не меняли место работы и профессию уже более 5 лет. Наиболее устойчивые позиции занимают торговля (10%), сфера общепита (9%) и индивидуальное предпринимательство (5%).

Выбор трудовой стратегии в пользу миграции обусловлен в основном низким финансовым благосостоянием семьи. Практически все опрошенные мобильны в плане изменения сферы занятости в г. Томск. Поработав, к примеру, таксистом, человек может стать поваром или даже учредителем предприятия, обзаведясь кругом единомышленников: *«С четырнадцати, сразу как в Томск приехали, мы ходили по рынку и продавали чай, кофе. Потом я стал на авторынке работать, колеса вечером вытаскивали и заносили, а также*

крылья и кузовные части машин тоже стаскивали и заносили, и платили нам за это. А потом на авторынке мужик один мотоциклы ремонтировал, а когда он их мыл, я постоянно смотрел на него. И потом он позвал меня к себе работать. В итоге я там до 22-23 лет отработал «...» Я там работал механиком, а потом красить научился машины и мотоциклы. Там просто много не заработаешь. Если только свое дело, то можно хорошо заработать. А потом брат позвал меня поваром работать. Это опять же было через знакомых, кто-то когда-то работал на кухне, хорошо заработал, открыл дело и позвал брата туда. Он устроился, поработал четыре месяца. Все выучил и меня позвал. Так мы стали работать и зарабатывать» (из интервью с мужчиной из Кирзизии, 28 лет).

Молодые мужчины-мигранты заключают официальный брак в стране-доноре во время краткосрочных поездок домой. Дети в таких семьях часто рождаются в Томске. В большинстве случаев мигрируют обратно в Россию уже с супругой.

Степень мобильности мигрантов, связанная с их трудовой деятельностью, свидетельствует о том, что место работы и место жительства чаще всего находятся в шаговой доступности относительно друг друга: около 45% опрошенных добираются на работу пешком, причем более чем половине из них (52%) требуется на это менее 10 минут. А половине тех, кто добирается на работу на машине (22%), требуется на дорогу от 5 до 10 минут, следовательно, место работы мигрантов также находится недалеко от дома.

Карьерные стратегии мигрантов в Томске сложно оценить однозначно. Из 300 респондентов 142 (47,3 %) не меняли ни профессию, ни место работы, находясь в городе. Это демонстрирует среднюю степень мобильности мигрантов в пространстве города. Около 40% мигрантов, сменивших работу, оставались привязаны в рамках своей трудовой деятельности к району предыдущего места работы. В то же время 42% опрошенных при смене места работы находили ее в другом районе города.

Отдыхать трудовые мигранты предпочитают дома (71%), а при встрече с друзьями посещают кафе или гуляют по городу: в Лагерном саду (3%), а также по торгово-развлекательному центру «Изумрудный город» (5,7%). Выходные дни большинство опрошенных мигрантов проводят за бытовыми делами (66%). В случае болезни половина (51%) обращается в ближайшую муниципальную поликлинику, четвертая часть участников исследования выбирает частные клиники, около 12% никуда не обращаются. Одним из пользующихся спросом мест встречи мигрантов является кафе «Байказан», в него ходят 4% участников исследования. Сеть кафе «Ош», «Чинара», «Магнолия» и «Южанка», которые позиционируют себя как «восточные кухни», также пользуются спросом у мигрантов.

Продукты и одежду приезжие предпочитают приобретать в тех же магазинах и торговых сетях, что и местное население: «*В районе Томск-1 есть торговый центр «Персонал», там на втором этаже есть магазин «Zolla», и я там все покупаю. Вот, брюки, что на мне, рубашки. Мне нравится у них и по ценам, и по качеству»* (из интервью с мужчиной из Киргизии, 32 года).

Исследование показало, что повседневность и досуг мигрантов слабо связаны с существующими в Томске конфессиональными институтами (Красной и Белой Соборными мечетями) и с национально-культурными организациями (автономиями – НКА и

обществами – НКО). Анкетный опрос показал, что половина мигрантов не посещают мечеть, 20% посещают мечеть только по праздникам, и только 22% – каждую неделю. При этом для многих нет особой разницы, Красная это мечеть или Белая. Зачастую критериями выбора места для совершения ритуальных практик выступают удаленность от дома и удобство расположения, принадлежность имама к той или иной этнической группе, а также знания и умение имама контактировать с мусульманами.

Опрос показал также, что лишь четвертая часть мигрантов посещает мероприятия, устраиваемые национальными организациями. Самым посещаемым является «Навруз» – День весеннего равноденствия. Подавляющее большинство либо не посещают национальные мероприятия никогда (68,3%), объясняя это нехваткой времени на досуг, либо вообще не знают о них ничего. Среди общегородских праздников, посещаемых мигрантами (25,7%), назывались День победы, Новый год и День города, что также связано с занятостью на работе.

Исследование выявило активное пользование мигрантами социальных сетей (68%). Наиболее популярными являются «Одноклассники» и «ВКонтакте», ими пользуются 39 и 41% соответственно. 17% используют «Instagram», 9% – «Facebook». 10% опрошенных используют 3 различных ресурса и более. Широко используемыми мессенджерами для мигрантов являются WhatsUp (50%) и Telegram (23%). Респонденты указали также в графе «другое» Imo (15%) – мессенджер, используемый мигрантами из Узбекистана, что связано с его популярностью в стране отправления. Основные функции, которые выполняют соцсети, – общение, знакомства, поиск и обмен информацией о соотечественниках, о месте их пребывания. При этом для поиска работы или жилья соцсети и мессенджеры практически мигрантами не используются.

ЖИЛЬЕ И СОСЕДСТВО

Значительная доля всех мигрантов, участвовавших в анкетировании, ответили, что основным видом жилья для них является квартира (90%), лишь некоторые проживают в общежитиях (4%) и в частных домах (6%). В большинстве случаев «мигрантское» жилье имеет две комнаты (41%). Наименее распространенными, но все же актуальными, являются однокомнатные жилые помещения (33%). Есть и те, кто проживает в квартирах/домах, имеющих три комнаты и больше (15%). Чаще всего вместе с мигрантом проживает 1–2 человека (54%), реже – 3–4 человека (26%). Максимальное число совместно проживающих с информантами человек равно 8 (1%), 5-7 соседей встречаются в 4% случаев, эта же цифра соответствует числу тех, кто проживает вовсе без кого-либо соседства. Основными соседями мигрантов являются их родственники (76%); соседом может быть человек, с которым опрашиваемый был знаком до приезда в Россию (19%), а также тот, с кем знакомство произошло уже здесь (14%). Большинство мигрантов делит свою комнату еще с одним человеком (43%). Однако немало и тех, кто в своей комнате проживает один (24%). Часть опрашиваемых соседствуют в комнате с 2–3 людьми (28%). С четырьмя людьми и более живут лишь 5% опрошенных. 72% мигрантов ведут совместное хозяйство с соседями по квартире, остальные предпочитают заниматься своей экономикой в одиночку. Наиболее распространенное время, которое мигранты проживают в

квартире/доме/общежитии на момент опроса, – от 1 года до 3 лет (около 42%), другие ответы значительно варьируются – от нескольких дней до десятков лет.

Согласно данным, полученным в ходе интервью, часть мигрантов в Томске арендует жилье, другая часть владеет собственной недвижимостью в разных внутригородских вернакулярных районах. Зачастую определяющими факторами в разнице между мигрантами-квартиросъемщиками и собственниками выступает длительность проживания в городе, а также характер целей пребывания в Томске (кратковременные/долговременные). Среди мигрантов, арендующих жилье, в особую группу можно выделить тех, кто не платит арендную плату, а живет в квартире/доме «в счет зарплаты». В таком случае в роли главного арендатора жилья выступает хозяин бизнеса, в котором задействованы мигранты. Хозяин бизнеса/главный арендатор, помимо предоставления своим работникам жилья, нередко снабжает мигрантов продуктами, оказывает помощь при оформлении документов, а при наличии автомобиля доставляет на работу и с работы домой.

Анализируя интервью, мы пришли к выводу, что основными соседями мигранта по жилью чаще всего выступают близкие родственники, однако люди, живущие в Томске недавно, делят свой быт с теми, с кем они вместе работают. В большинстве случаев этническая принадлежность соседей мигрантов будет аналогична опрошенным мигрантам. Выбор района проживания для многих мигрантов определяется следующими обстоятельствами:

- 1) «историчность» района – человек старается селиться там, где когда-либо уже проживал;
- 2) наличие родственников в определенном районе имеет большое значение для приезжих женщин с детьми, которым порой нужна помощь близких и безопасность;
- 3) близость к месту работы мигранта, к тем местам, где обучаются дети, доступность инфраструктуры сильно влияет на выбор места жительства;
- 4) любопытен ответ участника исследования, объяснившего покупку частного дома рядом с мечетью стремлением чаще посещать храм;
- 5) некоторые участники исследования отмечали высокую плотность заселения районов проживания земляками, что также повлияло на их выбор жилья.

В целом в отношениях с соседями по многоквартирному дому мигранты, участвовавшие в интервью, не чувствуют себя в опасности, не отмечают возможной дискриминации по этническому признаку.

КАКИЕ СТРУКТУРЫ ОКАЗЫВАЮТ ПОМОЩЬ МИГРАНТАМ?

Ответы на вопрос, какие структуры оказывают помощь мигрантам, показали сложную и неоднозначную картину: 19,8% респондентов назвали национальные организации/диаспоры, 13,4% – мечети, 15,6% – частные организации. Лидирует среди частных организаций «Мигрант-сервис» (6%), созданная одним из основателей и лидеров НКА киргизов. Среди «других» назывались миграционные центры и сервисы (6,7%), родственники и друзья (2,7%). Показательно, что пятая часть опрошенных (16,9%) дали

отрицательные ответы на этот вопрос: «нет», «никто не помогает», «не обращался никуда».

Далеко не все мигранты знают о существовании национальных организаций («диаспор», национально-культурных автономий (НКА) и «просто» национально-культурных организаций (НКО) в Томске). Их деятельность, связанную с оказанием помощи мигрантам, опрошенные оценивают по-разному. Одни полагают, что «диаспора» для того и создана, «чтобы кому-то чем-то помогать». Как правило, помощь мигрантам со стороны НКА и НКО выражается в разрешении конфликтных ситуаций, возникающих между трудовыми мигрантами и работодателями, между трудовыми мигрантами и властью, реже – между мигрантами и населением. Другие, напротив, полагают, что национальные организации ничем не могут, да и не стремятся помочь мигрантам. Оказать помощь могут только родственники, и в случае возникновения проблем стоит обращаться именно к ним. Некоторые информанты и вовсе негативно оценивают деятельность национальных организаций (диаспор): «Много случаев было, когда они забирают документы и не отдают, пока человек не отработает».

И совсем небольшое число мигрантов обращается за помощью для решения тех или иных бытовых или законодательных вопросов в мечеть. Посещение мечетей сводится к отмечанию религиозных праздников и пятничному Джума-намазу.

МИГРАНТЫ О ТОМСКЕ

В представлениях мигрантов, Томск – безопасный город. На всей его территории чувствуют себя в безопасности 60% опрошенных. Не опасаются за свою жизнь и здоровье только в квартире, где проживают, 19%, в районе проживания – 14%, во дворе дома – 2%. Лишь 2% анкетированных не чувствуют себя в безопасности ни в одном из мест. Абсолютное большинство анкетированных на момент опроса были уверены, что у них все в порядке с документами (84%), но были и те, кто сомневался в том, что документы в норме (13%).

В рассуждениях о Томске преобладает позитивное отношение к нему. Нарративы о городе можно условно разделить на несколько категорий.

1. *Погодно-климатические условия*: в ответах на вопросы о первом впечатлении от города респонденты отмечают суровый климат, холодную погоду, обилие снега зимой и др. Однако, несмотря на некомфортные погодные условия, негативные коннотации отсутствуют, отмечается, что со временем к такой погоде удалось привыкнуть, что условия жизни в таком климате хорошие (есть отопление в домах). Такое внимание к погоде объясняется, вероятнее всего, резкой сменой условий жизни, связанных с переездом в Томск, так как климат в странах Центральной Азии отличается гораздо более мягкими условиями и высокой температурой: «...Здесь всегда холодно, у нас просто всегда жарко, а здесь холодно, ну, все равно как привыкли, все равно дома заходите – тепло, на рынок или в магазин заходите – тепло, у нас просто иногда есть, иногда нет (тепло в домах Узбекистана – прим. авт.), домой заходите, бывает, холодно...» (из интервью с мужчиной из Узбекистана, 25 лет).
2. *Городской образ жизни*: здесь, чаще всего отмечают отличия, наблюдаемые респондентами в процессе их жизнедеятельности, а именно, образ и условия жизни,

стиль общения. Эти отличия выделяются мигрантами не на уровне этнической принадлежности, а на основе места жительства. Так, для мигрантов, переехавших из села в город, куда более значимыми оказываются особенности городской жизни: отмечаются масштабы, особенности архитектуры, отсутствие тесных социальных контактов, быстрый ритм жизни и др. Нередко проводится аналогия с городами страны исхода, но здесь различия опять же проводятся не на культурных основаниях, а по уровню экономического развития: *«Томск мне нравится и даже сейчас. Первое впечатление у меня, конечно, хорошее, отношение людей другое. У них другие традиции, менталитет. У нас совсем по-другому. Я из маленькой деревни приехал в большой город, конечно, мне было странно, меня восхищали многоэтажные здания, «дома-деревяшки». Было сложно привыкать к дорожному движению, здесь, как тогда мне казалось, что очень было много машин. Любой на моем месте деревенский парень, так же отреагировал бы, я думаю...»* (из интервью с мужчиной из Киргизии, 25 лет).

3. *Экономические возможности:* одним из важнейших элементов привлекательности Томска для мигрантов являются экономические условия, т. е. возможности трудоустройства, заработная плата, цены на продукты, одежду и др. Несмотря на то, что оценки экономической привлекательности Томска в нарративах мигрантов существенно отличаются, большинство подчеркивает, что конкуренция на рынке труда здесь гораздо ниже, чем в городах центральной России, цены на продукты и жилье ниже. *«Мама даже говорила, чтобы я не уезжала, когда с ребенком была. А я не захотела, у меня есть гражданство, нужно здесь работать и жить, сколько есть земляков, у которых нет документов, и они работают, а я... Так вот и уехала, нужно делать и работать, встать на ноги можно здесь. Я сестре родной говорю, чтобы она сюда приехала, думала о будущем ребенка...»* (из интервью с женщиной из Киргизии, 28 лет).
4. *Социальные условия:* наиболее значимыми для респондентов являются прежде всего толерантность принимающего общества и власти к представителям других сообществ, отсутствие постоянных рейдов и проверок со стороны контролирующих структур. Кроме того, многие респонденты отмечают, что в городе *«живет много наших»*, что не только становится фактором привлечения мигрантов в Томск, но и облегчает процесс адаптации на первых этапах после прибытия в город: *«Здесь неважно, какой ты национальности, все смотрят на тебя одинаково. Неважно, русский или нерусский. Даже если негр сюда приедет, то он именно здесь себя будет чувствовать комфортнее...»* (из интервью с мужчиной из Киргизии, 28 лет).

Отношение к городу формируется не только на уровне собственного опыта проживания в Томске, но и через сравнение с пребыванием в других городах России. Чаще всего мигранты сравнивают Томск с Москвой и Новосибирском. Респонденты отмечают, что, несмотря на то, что эти города являются более привлекательными с экономической точки зрения, Томск оказывается более привлекательным по другим вышеуказанным критериям.

Примечательно, что в нарративах трудовых мигрантов отсутствует представление о городе как образовательном и научном центре. Больше внимание респонденты уделяют

тому, что в городе в последнее время увеличилось количество строительных объектов, дороги стали лучше, построен новый торговый центр и др. Это подчеркивает степень значимости отдельных элементов городской инфраструктуры для мигрантов и указывает на то, что университеты практически никак не задействованы в этой сфере.

В целом Томск в представлении мигрантов предстает как комфортный для проживания и работы, активно развивающийся город с дружелюбным и толерантным населением. Хотя среди любимых мест в городе респонденты чаще всего называют места своего проживания, работы и близлежащие территории и объекты (двор, магазины и др.), большинство мигрантов отмечает, что в городе нет мест, где бы они чувствовали себя незащищенными.

Выводы

Анализ полевого материала, полученного в результате проведенного в 2018 г. исследования, показал, что мигранты проживают во всех трёх исследуемых вернакулярных районах, а их «благополучность» или «проблемность» не имеет прямой связи с наличием или отсутствием приезжих из Центральной Азии. Мигранты создают и используют городскую инфраструктуру преимущественно экономкласса наравне с местными жителями, посещая те же магазины, больницы, парикмахерские, что и томичи. «Мигрантская» инфраструктура распространена дисперсно в городском пространстве Томска. Использование мигрантами инфраструктуры, расположенной в других частях города, связано с нерегулярными практиками, такими как религиозные или досуговые. Это означает, что гипотеза о возможном формировании в Томске «мигрантских кластеров» на данном этапе исследования не нашла убедительного подтверждения.

Наиболее видимым в городском пространстве примером городской инфраструктуры, маркируемой как «этническая», являются кафе, представленные сетью узбекских кафе «Ош» и других «этнических» кафе: «Баракат», «Чинара». «Магнолия», «Южанка» и др. Это один из примеров создания мигрантами в городе инфраструктуры экономкласса, которая используется всеми его жителями. Трудовые мигранты также заняты в сфере обслуживания экономкласса: парикмахерских, цветочном бизнесе, мелкооптовой торговле фруктами и овощами, ремонте обуви, отделочных работах.

Важную роль в «мигрантской» инфраструктуре Томска занимают частные посреднические фирмы, предоставляющие мигрантам широкий спектр услуг, включая оформление документов на получение разрешения на временное проживание и российского гражданства, покупку российских СИМ-карт, авиабилетов и др.

Ведущим механизмом адаптации мигрантов в Томске являются родственные и земляческие сети и связи. Наличие родственников/земляков обуславливает выбор города в качестве места работы и жительства. Особое значение социальные сети и связи имеют на начальных стадиях адаптации, связанных с поиском жилья, трудоустройством, освоением города и др.

Наконец, место национально-культурных организаций в «мигрантской» инфраструктуре города и их роль в жизни мигрантов, судя по результатам анкетного опроса и интервью, малозначительны. Организуемые национальными организациями культурные мероприятия, вопреки мнениям экспертов, не занимают ожидаемого центрального места в «мигрантском» досуге. Помощь, оказываемая национальными организациями мигрантам, не имеет для них определяющего значения. Мигранты мало осведомлены об их деятельности, путают разные структуры, общественные и частные, имеющие отношение к оказанию миграционных услуг.

ЛИТЕРАТУРА

- Баранова В.В., Федорова К.С. (2017). (Не)видимость и (вне)находимость: трудовые мигранты и языковой ландшафт Санкт-Петербурга. *Городские исследования и практики*, 1, 103-121.
- Бредникова О.Е., Ткач О.А. (2010). Дом для номады. *Laboratorium*, 3, 72-95.
- Бредникова О.Е., Ткач О. А. (2012). *Трудовые мигранты в Санкт-Петербурге: выявление проблем и выработка рекомендаций*. Аналитический отчет по результатам исследования. СПб.
- Брызгина Д.Е. (2017). «Китайские» рынки и городские мобильности: система общественного транспорта в повседневности города (на примере Иркутска). *Сибирские исторические исследования*, 1, 138-148.
- Вендина О. (2009). Культурное разнообразие и «побочные» эффекты этнокультурной политики в Москве. В *Иммигранты в Москве* (с. 45-147). М.: Три квадрата.
- Григоричев К.В. (2015). Базар и город: «китайский» рынок как точка сборки городского пространства. В *Этнические рынки в России: пространство торга и место встречи* (с. 86-105). Иркутск: Изд-во ИГУ.
- Деминцева Е., Пешкова В. (2014). Мигранты из Средней Азии в Москве. *Demoscope Weekly*, 597-598. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2014/0597/tema01.php>
- Дятлов В.И. (2008). Россия: в предчувствии чайнатаунов. *Этнографическое обозрение*, 4, 6-16.
- Дятлов В.И. (2016). Трансграничные мигранты в городском пространстве Сибири. В *Идентификационные стратегии диаспорных и земляческих групп в российских регионах* (с. 172-173). М.: Новый Хронограф.
- Дятлов В.И., Григоричев К.В. (2014). Сибирь: динамика этнизации городского пространства переселенческого общества. *Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение*, 10, 8-19.
- Калуцков В.О. (2013). О типах районов в культурной географии. *Культурная и гуманитарная география*, 2(1), 3-9.
- Мухаметшина Н.С. (2014). «Мигрантские» кластеры в социальном пространстве города. *Известия Самарского научного центра Российской академии наук*, Т. 16, 3(2), 638-642.
- Мухаметшина Н.С., Кандауров С.П., Явлин Н.В. (2015). *Стратегии освоения регионального социума мигрантами из соседних стран*. Самара: Изд-во СНЦ РАН.

- Нам И.В., Карагеоргий Е.М., Ермолова А.И., Никитина Е.В. (2017). Конструирование образа трудового мигранта в региональных СМИ (на примере Томска). *Сибирские исторические исследования*, 1, 166-192.
- Федеральная служба государственной статистики. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Томской области (2019). *Основные демографические показатели*. URL: <https://tmsk.gks.ru/folder/32175>
- Павлюк С.Г. (2007). *Традиционные и исторические районы как форма территориальной самоорганизации общества: на примере США и России*. (Автореф. дисс. канд. геогр. Наук). М.: МГУ им. М.В. Ломоносова.
- Demintseva E. (2017). Labour Migrants in Post-Soviet Moscow: Patterns of Settlement. *Journal of Ethnic and Migration Studies*, 43(15), 2556-2572.
- Demintseva E., Kashnitsky D. (2018). "Kyrgyz Clinics" in Moscow: Medical Centres for Central Asian Migrants. *Medical Anthropology: Cross Cultural Studies in Health and Illness*, 37(5), 401-411.
- Grigorichev K.V. (2016). Migrant Localities: "Gated Spaces" or "Access Points"? *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, 9, 783-794.
- Massey D.S. (1985). Ethnic Residential Segregation: A Theoretical Synthesis and Empirical Review. *Sociology and Social Research*, 69, 315-350.
- Zelinsky W., Lee B. (1998). Heterolocalism: An alternative model of the sociospatial behaviour of immigrant ethnic communities. *International Journal of Population Geography*, 4, 281-298.

MIGRANT WORKERS FROM CENTRAL ASIA IN A SIBERIAN CITY: INFRASTRUCTURE, EMPLOYMENT, EVERYDAY LIFE AND LEISURE

DIANA BRYAZGINA, SEIL DZHANYZAKOVA, IRAIDA (IRINA) NAM, ANTON SADYRIN, FEDOR SMETANIN

This paper presents the first year results of the research project named "The Use and Creation of Urban Infrastructures by Migrants in Siberian Regional Centres" (the case of Tomsk). As the object of the study, migrants from three Central Asian republics (Kyrgyzstan, Tajikistan and Uzbekistan) were selected, as being the largest group of foreigners to come to Tomsk. Due to their "visibility", immigrants from these states are highly discriminated against and frequently labeled by the media as an "average" migrant posing a definite threat for Russian society. This article describes and analyzes the trajectories of the social, economic and cultural adaptation/integration of migrants in Tomsk. The basic approach of this study is borrowed from cultural geography, the gist being that every urban space includes both traditional (real) and mental (vernacular) areas. The main criterion for distinguishing a vernacular area is its localization in the perception by residents of a particular urban area. Three vernacular districts with different socio-economic and geographical characteristics were identified for the study: "The center", a "prosperous" district, "Cheremoshniki", a "problematic" district, and "Irkutchi", an "intermediate" district. The main tools for collecting field data were interviews and participant observation. A survey of migrant workers in each of the vernacular areas was used as an additional method. This is the first study aimed at understanding how migrants integrate into the economy and social relations in a Siberian city. The objects of the "migrant" infrastructure are analyzed not as separate elements of the economic and social infrastructure, but as points of interaction between different groups of migrants and citizens. The paper explores how these objects are embedded into the life of the city and evaluates the degree of integration of migrants in urban space and the role of social institutions that are significant for them.

Key words: *migrant workers, Central Asia, infrastructures, employment, everyday life, leisure, Tomsk.*

DIANA BRYAZGINA (br.diana21@gmail.com), NATIONAL RESEARCH TOMSK STATE UNIVERSITY, RUSSIA.

SEIL DZHANYZAKOVA (seildzhanyzakova@gmail.com), NATIONAL RESEARCH TOMSK STATE UNIVERSITY, RUSSIA.

IRAIIDA (IRINA) NAM (namirina@bk.ru), NATIONAL RESEARCH TOMSK STATE UNIVERSITY, RUSSIA.

ANTON SADYRIN (sadyrin.1994@mail.ru), NATIONAL RESEARCH TOMSK STATE UNIVERSITY, RUSSIA.

FEDOR SMETANIN (f-smetanin@mail.ru), NATIONAL RESEARCH TOMSK STATE UNIVERSITY, RUSSIA.

THE STUDY WAS CARRIED OUT WITH THE FINANCIAL SUPPORT OF THE RUSSIAN SCIENCE FOUNDATION IN THE FRAMEWORK OF THE SCIENTIFIC PROJECT NO. 18-18-00293 «THE USE AND CREATION OF URBAN INFRASTRUCTURES BY MIGRANTS IN SIBERIAN REGIONAL CENTRES».

DATE RECEIVED: NOVEMBER 2019.

REFERENCES

Baranova V.V., Fjodorova K.S. (2017). (Ne)vidimost' i (vne)nakhodimost': trudovyye migranty i yazykovoy landshaft Sankt-Peterburga [(In)visiability and (non)existence: labor migrants and St. Petersburg linguistic landscape]. *Urban Studies and Practices*, 1, 103-121 (In Russ.).

- Brednikova O.E., Tkach O.A. (2010). Dom dlya nomady [What home means to the nomad]. *Laboratorium*, 3, 72-95. (In Russ.).
- Brednikova O.E., Tkach O.A. (2012). *Trudovyye migranty v Sankt-Peterburge: vyyavleniye problem i vyrabotka rekomendatsiy* [Labor migrants in St. Petersburg: identifying problems and making recommendations]. Analytical Research Report. St. Petersburg. (In Russ.).
- Bryazgina D.E. (2017). «Kitayskiye» rynki i gorodskiye mobil'nosti: sistema obshchestvennogo transporta v povsednevnosti goroda (na primere Irkutska) ["Chinese" markets and urban mobilities: public transport system in everyday life in the city (the case of Irkutsk)]. *Siberian Historical Research*, 1, 138-148. (In Russ.).
- Demintseva E. (2017). Labour Migrants in Post-Soviet Moscow: Patterns of Settlement. *Journal of Ethnic and Migration Studies*, 43(15), 2556-2572.
- Demintseva E., Kashnitsky D. (2018). "Kyrgyz Clinics" in Moscow: Medical Centres for Central Asian Migrants. *Medical Anthropology: Cross Cultural Studies in Health and Illness*, 37(5), 401-411.
- Demintseva E., Peshkova V. (2014). Migranty iz Srednej Azii v Moskve [Central Asian migrants in Moscow]. *Demoscope Weekly*, 597- 598. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2014/0597/tema01.php> (In Russ.).
- Dyatlov V.I. (2008). Rossiya: v predchuvstvii chaynataunov [Russia: in anticipation of Chinatowns]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 4, 6-16. (In Russ.).
- Dyatlov V.I. (2016). Transgranichnyye migranty v gorodskom prostranstve Sibiri [Cross-border migrants in Siberian urban space]. In *Identifikatsionnyye strategii diaspornykh i zemlyacheskikh grupp v rossiyskikh regionakh* [Identification strategies of diaspora and compatriot groups in Russian regions] (pp. 172-173). Moscow: New Chronograph. (In Russ.).
- Dyatlov V.I., Grigorichev K.V. (2014). Sibir': dinamika etnizatsii gorodskogo prostranstva pereselencheskogo obshchestva [Siberia: dynamics of urban space ethnicization in the resettlement society]. *The bulletin of Irkutsk State University. Series: Political Science and Religious Studies* 10, 8-19 (In Russ.).
- Grigorichev K.V. (2015). Bazar i gorod: "kitajskij" rynki kak tochka sborki gorodskogo prostranstva [The bazaar and the city: "Chinese" market as the assemblage point of the city]. *Etnicheskie rynki v Rossii: prostranstvo torga i mesto vstrechi* [Ethnic markets in Russia: space of bargaining and place of meeting]. Irkutsk: Izdatel'stvo IGU. (In Russ.).
- Grigorichev K.V. (2016). Migrant Localities: "Gated Spaces" or "Access Points"? *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, 9, 783-794.
- Kaluckov V.O. (2013). O tipakh rayonov v kul'turnoy geografii [About types of districts in cultural geography]. *Cultural Geography & Geohumanities*, 2(1), 3-9. (In Russ.).
- Massey D.S. (1985). Ethnic Residential Segregation: A Theoretical Synthesis and Empirical Review. *Sociology and Social Research*, 69, 315–350.
- Muhametshina N.S. (2014). «Migrantskiye» klastery v sotsial'nom prostranstve goroda ["Migrant clusters" in urban space]. *Izvestiya of Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*, Vol. 16, 3(2), 638-642. (In Russ.).
- Muhametshina N.S., Kandaurov S.P., Yavlin N.V. (2015). *Strategii osvoyeniya regional'nogo sotsiuma migrantami iz sosednikh stran* [Development Strategies of regional society by migrants from neighboring countries]. Samara: Izdatel'stvo SNTS RAN. (In Russ.).

- Nam I.V., Karageorgij E.M., Ermolova A.I., Nikitina E.V. (2017). Konstruirovaniye obraza trudovogo migranta v regional'nykh SMI (na primere Tomsk) [The image of labor migrants constructed by the mass media: the case of Tomsk]. *Siberian Historical Research*, 1, 166-192 (In Russ.).
- Federal State Statistics Service. Regional Statistics Office of Federal State Statistics Service in Tomsk Region (2019). *Osnovnyye demograficheskiye pokazateli* [The main demographic indicators]. URL: <https://tmsk.gks.ru/folder/32175> (In Russ.).
- Pavljuk S.G. (2007). *Traditsionnyye i istoricheskiye rayony kak forma territorial'noy samoorganizatsii obshchestva: na primere SSHA i Rossii* [Traditional and historical areas as a form of territorial self-organization of society: case of the USA and Russia]. (PhD Thesis). Moscow: Lomonosov Moscow State University. (In Russ.).
- Vendina O. (2009). Kul'turnoye raznoobraziye i «pobochnyye» efekty etnokul'turnoy politiki v Moskve [Cultural diversity and "secondary" effects of ethnocultural policy in Moscow]. In *Immigranty v Moskve* [Immigrants in Moscow] (pp. 45-147). Moscow: Three Foursquares. (In Russ.).
- Zelinsky W., Lee B. (1998). Heterolocalism: An alternative model of the sociospatial behaviour of immigrant ethnic communities. *International Journal of Population Geography*, 4, 281-298.

МОДЕЛИ ВЗРОСЛЕНИЯ РАЗНЫХ ПОКОЛЕНИЙ РОССИЯН

ЕКАТЕРИНА МИТРОФАНОВА

На базе данных обследования «Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе» (2011 г., 5451 человек) проведен количественный анализ наступления стартовых событий жизни, маркирующих взросление. В качестве таких событий взяты получение профессионального образования, первое трудоустройство, первое отделение от родителей, первое партнерство (незарегистрированные отношения с совместным проживанием), первый брак и рождение первого ребенка.

Результаты визуализированы на демографической сетке Лексиса, что наглядно представляет влияние исторического и институционального контекста на организацию жизненного пути индивидов. Действующие законодательные и социальные нормы задают границы вариативности сценариев взросления в каждый момент времени и определяют скорость обновления социальных практик.

Выявлены три модели перехода во взрослую жизнь в России: «советская» (характерна для поколений 1940-49, 1950-59, 1960-69 годов рождения), «переходная» (поколения 1930-39 и 1970-79 годов рождения) и «постсоветская» (поколение 1980-86 годов рождения). Сравнение моделей перехода во взрослую жизнь в России и европейских странах показало наличие конвергенции паттернов взросления между странами, а также выявило запаздывание демографического перехода в России примерно на 20-25 лет, что подтверждает предположение о стадийности модернизационного процесса.

Ключевые слова: *Россия, взросление, переход во взрослую жизнь, поколения, стартовые события жизни, демографические события, социоэкономические события, демографический переход, брачность, рождаемость, партнерство, трудоустройство, образование, отделение от родителей.*

ВВЕДЕНИЕ

В течение многих тысячелетий человеческие общества находились под постоянными рисками угроз выживанию, поэтому главным фокусом деятельности взрослых членов общества было обеспечение средств к существованию и воспроизводство населения. Так как средняя продолжительность жизни составляла всего 20-30 лет, было необходимо максимально эффективно использовать располагаемый бюджет времени и начинать участвовать в трудовой деятельности и воспроизводстве потомства как можно раньше.

ЕКАТЕРИНА СЕРГЕЕВНА МИТРОФАНОВА (mitrofanovy@yandex.ru), Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Российская Академия народного хозяйства и Государственной Службы при Президенте Российской Федерации, Россия.

Статья написана по итогам проекта Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского проекта Высшей школы экономики НИУ ВШЭ 2019 года.

Статья поступила в редакцию в ноябре 2019 г.

Стандартные расписания жизни не предусматривали длительного периода подготовки ко взрослости. В большинстве традиционных обществ существовали короткие, четко регламентированные обряды инициации. Эти ритуалы обретения статуса взрослого были формальными, обязательными и достижимыми практически всеми членами общества. Они играли важную роль, так как публично и явно обозначали момент, с которого индивиды переходили из группы детей или подростков в группу взрослых. Также эти ритуалы снижали напряжение и неопределенность, возникающие из-за изменения как социального статуса, так и организации жизни индивида при его переходе в новую возрастную группу (Ремшмидт 1994). Обряды инициации обеспечивали преемственность поколений и неизменность общественного устройства, в результате которого «прошлое родителей становилось будущим детей» (Мид 1988).

За последние полтора-два века жизнь общества и индивида претерпела серьезные трансформации как количественного, так и качественного свойства. Население развитых стран стало жить не только в два-три раза дольше, но и значительно более здоровой, наполненной удобствами и технологиями жизнью. В постиндустриальном обществе базовые потребности у большинства людей удовлетворены, поэтому задача выживания и связанная с ней необходимость раннего и всеобщего деторождения уже не стоит так остро, как прежде. В результате фокус жителей развитых стран с задачи выживания сместился на улучшение качества жизни, индивидуальное развитие и инвестиции в человеческий капитал.

Исследования современных западных обществ показывают, что удвоение продолжительности жизни приводит к «инфляции» возраста (Shoven, Goda 2011) и сдвигает возрастные границы разных этапов жизни. Ускоренное взросление перестает быть необходимым, а из-за многократного усложнения социально-экономического и политического устройства общества, появления профессий, требующих долгой подготовки, актуальной становится тенденция замедления и удлинения перехода во взрослую жизнь.

Процесс подготовки индивида ко взрослой жизни становится таким сложным и многоаспектным, что в систему простых ритуалов и жестких схем он больше не вписывается. Из обобщения опыта развитых стран (Billari, Liefbroer 2010; Arnett 2012) известно, что происходит размывание возрастных границ и критериев взросления; замена внешней регламентации процесса перехода ко взрослой жизни на внутреннюю – более вариативную, индивидуальную и рефлексивную. То есть меняются и количественные, и качественные аспекты взросления.

В то же время мы пока еще мало знаем о том, как изменяется взросление в России, так как крупных комплексных исследований, посвященных изучению этого вопроса, немного. Демографы и социологи фиксируют, что после распада СССР наступление отдельных демографических и социоэкономических событий в жизни людей стало меняться (Архангельский 2013; Блум, Лефевр и др. 2010; Гимпельсон, Зудина 2017; Захаров 2009; Здравомыслова, Шурыгина 2001; Константиновский 2008; Магун, Энговатов 2006; Mills 2004; Potârca, Mills, Lesnard 2013).

Наступление стартовых событий в совокупности (холистический подход), а не по отдельности (событийный подход), на российских данных изучается довольно редко и чаще

всего с ограничениями по количеству рассматриваемых событий и разрезов анализа. Например, в работе 2010 г. (Блум, Себий, Захаров 2010) сравнивается взросление поколений россиян и французов, но не уделяется внимание гендерной и другим важным видам дифференциации. В другом исследовании (Захаров 2009) изучено только взросление женщин, а взросление мужчин не рассмотрено. Еще в одной публикации рассмотрены оба пола и учтен кейс России, однако он подробно не разобран (Zsolt, Murinkó, Settersten 2014).

В данном исследовании мы учитываем мировой опыт изучения взросления, а также эмпирические свидетельства трансформации демографического и социоэкономического поведения в России. Эмпирический анализ, представленный в работе, позволяет получить комплексное представление о процессе перехода во взрослую жизнь в России и сопоставить наблюдаемые тенденции с примерами европейских стран.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ РАМКИ

Взросление как процесс, как специфический этап жизни – относительно новый для человечества феномен, который изучается наукой всего около ста лет. Интерес к этому этапу жизни проявляют, опираясь на свои подходы, самые разные дисциплины: философия, психология, социология, демография, антропология и другие науки, – но пока единой концепции взросления и комплексной методологии анализа этого процесса не предложено.

Можно дать следующее обобщающее определение *взросления*: это комплексный процесс трансформации ребенка и обретения им опыта и статусов, позволяющих занять самостоятельную позицию в обществе. Взросление – многосоставной и многоуровневый процесс. Он включает в себя хронологическую, биологическую, правовую, психоэмоциональную, социальную и демографическую компоненты и протекает на макро-, мезо- и микроуровнях.

Взросление на *макроуровне* – это процесс, благодаря которому в процессе смены поколений происходит обновление социальных практик и нормативных моделей поведения и нормативных сценариев, содержащих социально и гендерно дифференцированные последовательности событий жизненного пути.

Взросление на *мезоуровне* – это процесс физической, экономической и психологической сепарации детей от родителей, т. е. процесс отделения, обретения детьми самостоятельности.

Взросление на *микроуровне* – это процесс, при помощи которого индивид встраивается в существующую социальную структуру посредством интериоризации существующих в обществе норм относительно того, какие характеристики должны быть присущи взрослому человеку.

В научной среде еще не сложилось консенсуса относительно того, как и какие компоненты взросления необходимо изучать, чтобы получить наиболее полное и объективное представление об этом процессе. Психологи, в основном, используют качественные методы анализа и изучают отношение индивидов к процессу становления взрослым, а также набор личностных компетенций, маркирующих взросление (Arnett 2012).

Демографы и социологи чаще всего изучают фактологический слой взросления – т.е. объективные, наблюдаемые события, маркирующих взросление. К таким событиям обычно относят следующие: завершение получения образования, первое трудоустройство, первое покидание родительского дома, первое партнерство (совместное проживание без регистрации отношений), первый брак, рождение первого ребенка (Billari et al. 2005; Billari, Liefbroer 2010; Buchmann 1989; Liefbroer 1999).

Концептуальные рамки междисциплинарного изучения организации жизни индивидов очерчивает *концепция жизненного пути* (КЖП). Ее положения гласят, что современные жизненные пути перестали быть «стандартными», институционализированными, одинаковыми для всех и становятся индивидуализированными или «настраиваемыми» (choice biography) (Giddens 1994; Heinz, Marshall 2003; Huinink 2013). Изучению перехода во взрослую жизнь (transition to adulthood) в КЖП уделяется отдельное внимание, так как на этом этапе жизни происходит наиболее высокая концентрация значимых событий, меняющих социальный статус человека и устройство его жизни (Billari, Liefbroer 2007; Rindfuss 1991).

Еще один теоретический подход, систематизирующий знания о наступлении биографических событий, в том числе стартовых, – это *теория демографического перехода* (ТДП). В ее рамках, в основном, изучается наступление демографических событий, но объединение КЖП и ТДП позволяет получить более объемное представление о взрослении. Перемены во взрослении тесно сопряжены с демографическим переходом и представляют собой важную часть демографической модернизации общества.

Теория демографического перехода предполагает, что существует несколько стадий демографической модернизации. На первом этапе изменяются количественные показатели основных демографических процессов: баланс высокой смертности и высокой рождаемости сменяется балансом низкой смертности и низкой рождаемости (Lesthaeghe 1995). На втором этапе демографического перехода происходят изменения в организации семейной жизни и разделении сексуального, репродуктивного и матримониального поведения (Вишневский 1976: 158). Этот второй этап часто называют «вторым демографическим переходом» (van de Каа 1987).

Демографический переход в разных странах начинается в разное время и идет с разной скоростью. Среди европейских стран признаки демографической модернизации сначала появились в странах Западной Европы, а затем – Восточной Европы (Frejka, Zakharov 2012; Puur et al. 2012a; Puur et al. 2012b), то же произошло и со вторым демографическим переходом. Основные признаки второго демографического перехода: откладывание браков и деторождений; рост популярности партнерств и снижение популярности браков; снижение числа рожденных детей и повышение числа детей, рожденных вне зарегистрированного брака (Lesthaeghe, Neels 2002; Вишневский 2006; Zakharov 2008).

Объединяя представления КЖП и ТДП, социологи и демографы сформировали три основные *гипотезы*, интерпретирующие изменения, происходящие с переходом во взрослую жизнь: одни исследователи полагают, что между странами происходит конвергенция, т. е. сближение паттернов взросления, другие – что происходит дивергенция,

т. е. нарастание региональных различий, а третьи – что общее движение модернизационного процесса происходит в разных странах похожим образом, но некоторые страны отклоняются от нормативного образца в силу специфических социокультурных особенностей.

Подтверждением предположения о дивергенции моделей взросления и отдельных поведений, маркирующих переход во взрослую жизнь, служат исследование Хайнала, описывающее и объясняющее исторические различия в западно- и восточноевропейской брачности (Hajnal 1965), а также более современные работы: классификация моделей взросления в европейских странах (Cavalli, Galland 1993); кластеризация европейских стран в зависимости от типов семейной политики (Ejrnæs, Voje 2008); классификация режимов социальной политики в европейских странах (Esping-Andersen 1990; 2007); взаимосвязь особенностей перехода во взрослую жизнь с ограничениями и возможностями, формируемыми режимами социальной политики, функционированием рынка труда и семейным укладом (Vogel 2002). Основной вывод этих исследований заключается в следующем: наиболее быструю трансформацию моделей взросления демонстрируют западные и северные страны Европы с более либеральными социальными нормами в отношении организации семейной жизни и более гендерно сбалансированной семейной и социальной политикой государства, тогда как восточные и южные страны Европы с более фамилистской и гендерно-ассиметричной государственной политикой демонстрируют сохранение прежних, более традиционных норм и моделей поведения.

Объяснительные концепции, предполагающие *конвергенцию* моделей взросления, не отвергают культурно-национальных и региональных различий, но утверждают, что со временем эти различия ослабевают и происходит общее движение в направлении модернизации демографического и социоэкономического поведения. В поддержку идеи о конвергенции выступает исследование Ф. Биллари и А. Лифброера (Billari, Liefbroer 2010), которые изучили изменение следующих характеристик наступления стартовых событий в европейских странах: времени (*timing*), интенсивности или скорости (*tempo*) и последовательности (*sequence*). «Традиционную» модель взросления они описали как *«раннюю, ускоренную и простую»* (события наступали рано, с маленькими интервалами и в едином почти для всех порядке), а современную – как *«позднюю, растянутую и сложную»*. Результаты этого исследования согласуются с предположениями теории второго демографического перехода и показывают, что возраст наступления стартовых событий, особенно демографических, в современных обществах повышается. За счет того, что возраст наступления социоэкономических событий меняется меньше, переход во взрослую жизнь начинается примерно в том же возрасте, что и раньше, а заканчивается позже – т. е. переход во взрослую жизнь растягивается во времени. Последовательность наступления событий становится все более мозаичной, индивидуализированной и менее предсказуемой.

Идею о конвергенции моделей взросления поддерживают сравнительные исследования формирования семьи во Франции, Румынии и России (Potârca et al. 2013), в Канаде, Нидерландах и России (Mills 2004), взросления в Белоруссии (Лапето, Терещенко, Шавердо 2018) и обзор работ по взрослению европейцев (Buchmann, Kriesi 2011).

Третья точка зрения, занимающая срединную позицию между гипотезами о дивергенции и о конвергенции, предполагает, что общее направление изменений паттернов взросления у большинства стран совпадает, но у некоторых стран сохраняется ряд специфических региональных особенностей.

Изучение взросления девушек в разных странах Европы (Захаров 2009) показало наличие различий не только в тайминге и последовательности наступления стартовых событий, но и в том, какие события жители разных стран считают индикаторами взрослости (дивергенция). В восточноевропейских странах, а также в Португалии, Франции и на Кипре с обретением женщиной статуса взрослой в большей мере связано создание семьи и материнство (которое достаточно часто сочетается с полной занятостью). В западно- и северо-европейских странах, по мнению респондентов, для взросления важно трудоустройство и покидание родительского дома. С.В. Захаров соглашается с тем, что в целом происходит *конвергенция* моделей взросления как результат «общего для развитых стран переходного процесса к некоему “новому” расписанию человеческой жизни» (Захаров 2009). Но он также подтверждает сохранение *региональной дифференциации* моделей взросления, обусловленной историко-культурными особенностями разных стран.

А. Пуур и соавторы в своем исследовании (Puur et al. 2012a; Puur et al. 2012b) нашли подтверждение как *стадиальности* изменений в брачно-партнерском поведении (конвергенция), так и наличия *региональной дифференциации* (дивергенция): в странах восточной Европы переход к новой модели брака начался на несколько десятилетий позже, чем в западной Европе, причем сначала (через 15-20 лет) переход осуществили Восточная Германия и Эстония, а затем (через 20-25 лет) – Болгария, Венгрия, Литва, Россия и Румыния. Авторы выявили, что процесс модернизации демографического поведения действительно проходит определенные стадии, но культурно-исторические нормы, действующие в разных странах, могут оказывать существенное влияние на содержание и скорость протекания модернизационного процесса.

Обобщим выводы всех перечисленных подходов: на сегодняшний день в ряде стран сохраняются региональные особенности в переходе во взрослую жизнь, но признаки демографического перехода и сближение моделей взросления прослеживается во всех европейских странах, в том числе и в России (Архангельский 2013; Долбик-Воробей 2003; Захаров 2007; Чернова 2012; Шабунова, Калачикова 2015).

В данной работе мы решаем следующие задачи: диахроническую (сравниваем различные поколения россиян между собой) и синхронную (сравниваем последние российские поколения с их европейскими сверстниками и демонстрируемыми ими трендами). Мы изучаем, изменяются ли модели взросления современной молодежи в соответствии с треками, задаваемыми западноевропейскими странами (идея конвергенции) или сохраняются модели взросления, унаследованные от советских поколений (идея дивергенции, сохранения региональных различий). Пользуясь представленными объяснительными концепциями, мы предполагаем, что в целом переход во взрослую жизнь молодых поколений модернизируется, но, в зависимости от индивидуальных характеристик респондентов (пола, принадлежности к поколению, уровня образования

и т.д.), разница между советскими и современными поколениями будет ослабевать или усиливаться.

ДАННЫЕ И МЕТОДЫ АНАЛИЗА

В нашем исследовании мы изучаем биографии россиян и операционализируем взросление через наличие событий, маркирующих переход во взрослую жизнь. Мы делим эти стартовые социодемографические события на две группы: *социоэкономические* (завершение получения образования, первое трудоустройство, первое покидание родительского дома) и *демографические* (первое партнерство, первый брак, рождение первого ребенка).

В качестве базы данных взяты результаты российской части международной программы сравнительных выборочных исследований Европейской экономической комиссии ООН «Поколения и гендер» (Generations and Gender) – репрезентативного для России обследования «Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе» (РидМиЖ). Обследование было проведено в 2004, 2007 и 2011 гг. по унифицированному для всех стран вопроснику. Для целей данного исследования была сформирована панельная выборка, то есть отобраны респонденты, участвовавшие во всех трех волнах обследования (5451 респондент). Все биографии взяты по состоянию на 2011 г. В выборку вошли представители поколений, родившихся между 1930 и 1986 гг. В качестве поколенческого шага взят 10-летний интервал. Последняя группа поколений – усеченная из-за панельной природы данных: в 2004 г. самыми молодыми респондентами были те, кто родился в 1986 г.

Наступление стартовых событий изучалось с использованием таких методов описательной статистики, как частотный анализ, таблицы сопряженности, расчет медианных возрастов наступления событий. Для оценки значимости выявленных различий использованы критерий хи-квадрат для фактов наступления событий и критерий Краскала-Уоллиса для независимых выборок – для проверки различий в медианных возрастах.

Мы использовали два взаимодополняющих подхода к изучению взросления: *событийный подход* (анализ наступления стартовых событий по отдельности) и *холистический подход* (анализ взросления как единого процесса). Первый подход встречается в большинстве исследований демографов и социологов. Он дает полноценное представление об отдельных сферах жизни, например, брачной, образовательной и др. Однако, изучая взросление, мы имеем дело с целостным процессом, характеризующимся несколькими событиями (в нашем случае – шестью), которые могут встречаться на индивидуальных жизненных путях в самых разных комбинациях. Для того, чтобы определить, с какого события и в каком возрасте начинается взросление, необходимо выстроить все стартовые события по хронологии и определить, какое из них было первым и в каком возрасте оно произошло. То же самое – для второго, третьего и так далее, вплоть до последнего события. Таким образом, событийный и холистический подходы различаются методологически: в первом случае мы сравниваем события одинакового типа, а во втором – обезличиваем события, оставляя только их порядковые номера и возрасты, в которых они произошли.

Холистический подход весьма информативен при анализе взросления, так как принимает в расчет порядок событий в индивидуальной биографии. Но этот подход очень чувствителен к набору событий, которые исследователи определяют в качестве маркирующих взросление. Так, наши предыдущие исследования показали, что партнерство не являлось распространенным и одобряемым стартовым событием в СССР (Artamonova, Mitrofanova 2014; Артамонова, Митрофанова 2018), поэтому включать его в нормативный набор маркеров взрослости всех поколений было бы некорректно.

С учетом сказанного методологическая конструкция данного исследования выглядит следующим образом:

1. Анализ фактов и возрастов наступления каждого из шести стартовых событий (событийный анализ).
2. Анализ фактов и возрастов наступления событий в их хронологической последовательности, выделение первого и последнего в цепочке стартовых событий (холистический анализ). Партнерство исключено из нормативного набора событий как нетипичное для советского времени.

Для визуализации результатов анализа использована хорошо известная демографам *сетка Лексиса*. Ее особенность состоит в оперировании сразу тремя временными координатами: календарным годом (ось X), возрастом людей в каждый момент времени (ось Y) и годами их рождения, образующими поколения (диагональ). Эта диаграмма и используется нами для одновременного отображения всей совокупности демографических событий в жизни поколений.

АНАЛИЗ ДАННЫХ

Визуализации данных на диаграмме Лексиса предшествовал анализ фактов (Приложение 1) и медианных возрастов наступления каждого из стартовых событий по отдельности (Приложение 2). Затем были проанализированы медианные возрасты наступления первого и последнего события в цепочке стартовых событий (Приложение 3). Диаграмма Лексиса позволяет представить все результаты наглядно и соотнести их с историческим контекстом, сопутствующим взрослению (см. рисунок ниже).

Ось календарного времени (ось X) дает представление о том, в каком историческом контексте взрослело каждое поколение. В поле под осью X мы нанесли некоторые исторические события, которые могли оказать влияние на наступление стартовых событий. Более подробно эти события и их влияние мы опишем в следующих разделах статьи.

Ось возраста (ось Y) начинается в точке достижения респондентами 15 лет и завершается в момент 30-летия, так как именно этим возрастом ограничиваются полученные медианные значения.

Диагональная ось содержит информацию о каждом рассматриваемом поколении. Цветные пиктограммы отображают результаты событийного анализа и располагаются соответственно медианным возрастам наступления стартовых событий (Приложение 2). Синим цветом обозначены пиктограммы мужчин, красным – женщин.

Степень непрозрачности пиктограмм показывает, у какой доли представителей поколения есть конкретное событие. Интервалы между самым ранним и самым поздним стартовым событием объединены закрашенным цветовым «коридором». Таким образом, и пиктограммы, и закрашенные коридоры отражают информацию о наступлении стартовых событий по отдельности (событийный подход).

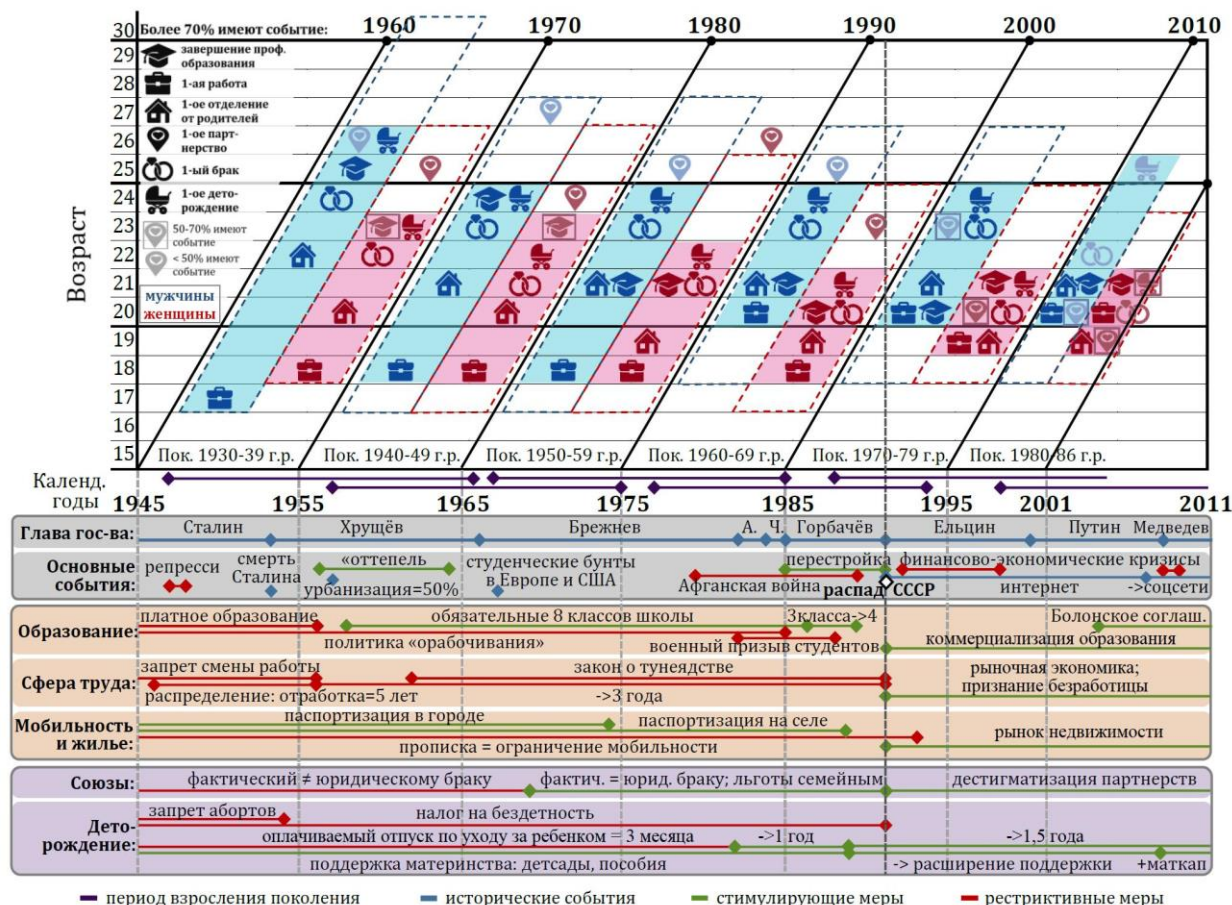

Рисунок. Визуализация процесса взросления разными поколениями россиян в условиях существовавшего исторического контекста

Источник: Составлено автором на основе панельных данных РцДМиЖ на 2011 г.

Примечания: А. – Андропов; Ч. – Черненко; -> соцсети – появление социальных сетей; 3 класса->4 – возможность пропустить 4-й класс школы; ->1 год – увеличение отпуска по уходу за ребенком до одного года; ->1,5 года – увеличение отпуска по уходу за ребенком до 1,5 года; маткап – материнский капитал.

Примечания к сетке Лексиса: пиктограммы обозначают медианные возрасты наступления событий; закрашенные цветовые коридоры обозначают границы наступления событий по отдельности (событийный подход); пунктирные коридоры – интервал между первым и последним событием перехода во взрослую жизнь как единого процесса (холистический подход); партнерства не включены в коридоры, так как не являлись обязательными для взросления в советское время.

Информация о наступлении всех стартовых событий как элементов единого процесса (холистический подход) содержится в пунктирных «коридорах», которые не совпадают с закрашенными. Нижнюю границу такого коридора задает первое событие (то, с которого начинается взросление), а верхнюю – то событие, которое наступило последним (Приложение 3).

Ни закрашенные, ни пунктирные коридоры не включают партнерство, так как оно не входило в нормативный сценарий взросления в советское время.

В таблице, составленной на основе описанной схемы и данных о фактах и медианных возрастах наступления событий, обобщена информация о шести ключевых параметрах перехода во взрослую жизнь. Приведенные в таблице показатели не включают партнерство. На основе данных о длительности взросления и количестве наступивших событий рассчитана «скорость» взросления (Приложение 4), т.е. среднее число событий в год¹.

Таблица. Классификация моделей взросления россиян

Поколение	Возрастные границы взросления	Длительность взросления, лет	Количество событий из 5	Количество событий в год	Последовательность наступления событий**	Календарные годы взросления	Модель взросления
1930-39	17-27	10	4,46	0,69	1. Трудоустройство	1947-1966	«переходная» «советская»
1940-49	17-26	9	4,57	0,80	2. Отделение от родителей	1957-1975	
1950-59	17-26	9	4,66	0,81	3. Брак и деторождение	1967-1985	
1960-69	17-25	8	4,63	0,95	4. Профессиональное образование	1977-1994	
					5. Партнерство		
1970-79*	18-25	7	4,51	1,06	1. Трудоустройство	1988-2004	«переходная»
					2. Отделение от родителей		
					3. Профессиональное образование		
1980-86*	18-23	5	3,60	1,23	4. Партнерство	1998-2009	«постсоветская»
					5. Деторождение		
					6. Брак		

Источник: Составлено автором на основе панельных данных РИДМИЖ на 2011 г.

*Примечания: * – Для поколений, не окончивших переход во взрослую жизнь, представлены предварительные результаты; ** – обозначения универсальности наступления событий: универсальные события (есть у более чем 70% респондентов); полууниверсальные события (есть у 50-70% респондентов); неуниверсальные события (есть менее чем у 50% респондентов).*

Перечислим основные выводы по каждому из параметров взросления, представленных на схеме и в таблице.

Границы взросления меняются очень медленно. В среднем, для россиян характерно наступление стартовых событий в интервале от 17-18 и до 25-27 лет. Мужчины начинают переход во взрослую жизнь раньше женщин и в основном с социоэкономических событий. За счет того, что женщины интенсивнее обретают опыт в демографической сфере и быстро догоняют мужчин по уровню социоэкономических событий, взросление женщин происходит быстрее. К 25 годам у обоих полов в среднем уже имеется опыт двух из трех социоэкономических событий; демографических событий у женщин уже полтора-два,

¹ Скорость взросления получена путем деления количества стартовых событий в жизни конкретного индивида на длительность его взросления. Затем на основе индивидуальных «скоростей» взросления была рассчитана средняя «скорость» для каждого поколения. Такой способ расчета дает более точные результаты, нежели простое деление колонки «Количество событий из 5» на «Длительность взросления».

тогда как у мужчин всего 1,3. К 35 годам социоэкономических событий у обоих полов по 2,5, а демографических – у женщин больше двух, а у мужчин – меньше двух.

В среднем, завершение взросления у советских мужчин происходило к возрасту 26-28 лет, а у советских женщин – примерно на год раньше. То есть *длительность взросления* составляла примерно 9-10 лет. Самому молодому поколению россиян на момент опроса было от 25 лет до 31 года, и к этому времени ими накоплено всего 3,6 событий из пяти, поэтому рассчитать средний или медианный возраст завершения взросления для них пока нельзя.

Так как на момент опроса респонденты находились в разных возрастах, у них были разные шансы на наступление стартовых событий. Чтобы нивелировать этот эффект, мы рассчитали относительный показатель «*скорости*» *взросления*: для каждого респондента мы разделили длительность взросления на число реализовавшихся событий, а затем посчитали среднее число событий для каждого поколения. «Скорость» *взросления* показывает, что самое старшее поколение *взросло* «медленнее» всех (0,69 события в год). Самое молодое поколение, которое начало переход во взрослую жизнь всего несколько лет назад, показывает почти в 2 раза более высокую скорость *взросления* (1,23 события в год). Безусловно, это вызвано эффектом возраста: чем старше будет становиться поколение, тем ниже будет скорость *взросления*.

Выстроив стартовые события в хронологическом порядке внутри каждой биографии, мы определили усредненную последовательность их наступления. Расчеты подтверждают уже имеющиеся эмпирические свидетельства того, что *распространенность и последовательность наступления стартовых событий* у россиян меняется (Mills 2004; Захаров 2009; Potârca et al. 2013).

В *советское время* универсальными событиями были трудоустройство, отделение от родителей и создание семьи, причем наступали они в основном именно в этой последовательности. Получение профессионального образования было в большей степени прерогативой мужчин. В нормативный сценарий *взросления* у женщин это событие включается только начиная с поколения 1950-59 годов рождения (г.р.). Вступление в партнерство (незарегистрированный союз) в советском обществе не поощрялось, поэтому оно встречается редко. А если это событие и имело место, то в основном после первого брака и последовавшего за ним развода. То есть в советское время партнерство не выполняло роль маркера *взрослости*, а скорее являлось допустимым событием этапа *зрелости*.

Наступление стартовых событий в разрезе других индивидуальных характеристик различалось не сильно. У подавляющего большинства респондентов первым событием являлось трудоустройство, а последним – деторождение. У высокообразованных респондентов и жителей областных центров первым событием часто становилось отделение от родителей, скорее всего связанное с образовательной или трудовой мобильностью. А последним событием (наряду с деторождением) оказывалось получение профессионального образования. У женщин появление ребенка снижало шансы трудоустройства и получения профессионального образования.

В *постсоветское время* партнерство и получение профессионального образования стали частью нормативного сценария взросления. Добавление этих двух событий в перечень обязательных и/или желательных увеличило разнообразие комбинаций стартовых событий. Нынешняя молодежь, имеющая высокий уровень образования и живущая в областных центрах, начинает взросление с социоэкономических событий, т. е. с инвестиций в свой человеческий капитал и обретения финансовой независимости. Только после этого молодые поколения заводят семью. При этом семейная жизнь у них чаще всего начинается с партнерства, которое не всегда перерастает в брак даже при наличии ребенка. Очередность наступления событий у тех, кто проживает в менее урбанизированных населенных пунктах и имеет более низкий уровень образования, различается в зависимости от гендерной принадлежности: начало перехода во взрослую жизнь у мужчин теперь больше связано с получением образования (часто в комбинации с трудоустройством), а у женщин – со вступлением в партнерство или брак.

КАЛЕНДАРНЫЕ ГОДЫ: ЛОКАЛИЗАЦИЯ ПЕРИОДА ВЗРОСЛЕНИЯ ПОКОЛЕНИЯ НА КОНКРЕТНОМ ИСТОРИЧЕСКОМ ОТРЕЗКЕ

Поколение 1930-39 г.р. наиболее активный период накопления стартовых событий переживало в период с 1947 по 1966 г. Свое взросление эти респонденты начали в переломную эпоху, когда очередная волна послевоенных репрессий и усиления рестриктивных мер сменилась «оттепелью», либерализацией социально-экономической, образовательной, трудовой, миграционной и семейной политики. В то же время либерализация была непоследовательной и далеко не полной: сохранялись явные черты всеобщей трудовой мобилизации, действовала политика «орабочивания», обязательное распределение на работу после завершения учебы, запрет увольнения и смены работы. Нельзя также забывать и о платности обучения в старших классах школы, средних специальных и высших учебных заведениях (действовало в 1940-1956 гг.), и о более длительных сроках службы в армии по призыву. Рассматриваемое поколение начинало взросление именно с трудоустройства и отодвигало реализацию остальных событий на более поздние возрасты.

В этот период еще отсутствовали нормативы длительности обучения в школе, так что в этом поколении встречаются те, кто окончил всего несколько классов школы и не получал образование более высокого уровня или получал, но поздно – в качестве одного из последних событий в цепочке событий, маркирующих взросление.

Послевоенная диспропорция полов, ведущая к несбалансированности брачного рынка, способствовала серьезному расхождению медианных возрастов наступления демографических событий у мужчин и женщин. Демографические события у данного поколения наступали позже, чем у последующих поколений. Помимо прочего, это было вызвано высокой конкуренцией семейной и трудовой сфер жизни в бюджетах времен, а также только формирующимися и еще не отлаженными институтами государственного вспомоществования (ясли, детские сады, короткий отпуск по беременностям и родам и др.).

Поколения 1940-49 и 1950-59 г.р. выросли в более стабильный период советской истории (1957-1985 гг.). Зарегулированность общественной жизни оставалась высокой; рестриктивных мер было довольно много, но государственная поддержка в семейной, образовательной и других сферах жизнедеятельности росла и давала уверенность, что государственные институты помогут реализовать необходимые события и успешно освоить новые социальные роли. Действовавшие «советские» нормы и правила уже были освоены предыдущими поколениями, что облегчало трансляцию нормативных сценариев поведения.

Респонденты, родившиеся в 40-е и 50-е годы, демонстрируют раннее и интенсивное достижение статусов взрослого человека, которое можно описать следующим образом. Наступление стартовых событий у мужчин происходило к 27 годам, у женщин – к 25-26 годам. Усредненная последовательность их наступления выглядела так: сначала трудоустройство и отделение от родителей, затем – создание семьи и завершение профессионального образования. Связь между браком и деторождением была очень сильной (протогенетический интервал составлял менее года). Такая однородность наступления стартовых событий отражала однородность взглядов, условий жизни, доходов, существование единых общественных и законодательных норм, регулирующих время и порядок наступления событий.

Поколение 1960-69 г.р. начало переход во взрослую жизнь в стабильное советское время (1977 г.), а заканчивало – в период перестройки и распада Советского Союза (1994 г.). В результате внешне процесс взросления (последовательность и тайминг наступления событий) у этого поколения выглядит весьма схоже с предшественниками, но более детальное рассмотрение, в частности, гендерных различий, позволяет увидеть наметившиеся изменения, во многом обусловленные ситуативными факторами (изменениями в социальноэкономической и демографической политике).

У мужчин этого поколения стартовые события наступают позже, чем у предшественников. В определенной мере, это обусловлено тем, что в 60-е годы снижалась численность когорт по году рождения, а значит, количество призывников 18 лет спустя так же становилось меньше, чем в предыдущие годы. Чтобы скомпенсировать сокращение контингента призывников на срочную армейскую службу, в 80-е был приостановлен ряд отсрочек для поступающих в вузы и ограничено число министерств, предоставлявших отсрочки выпускникам профтехучилищ на время работы в народном хозяйстве [Градосельский, 2005]. После прохождения срочной службы и возвращения домой мужчины начинали «наверстывать» упущенное и завершали взросление даже на год раньше предыдущих поколений.

Женщины этого поколения тоже демонстрируют более раннее завершение взросления, которое было обусловлено снижением возраста рождения первого ребенка. В 1982 г. правительство увеличило оплачиваемый отпуск по уходу за ребенком до 1 года, а в 1989 г. – до полутора лет. Эти меры простимулировали рождаемость среди женщин, родившихся в 60-е годы, параллельно снизив их шансы на получение образования более высокого уровня и трудоустройство.

Поколение 1970-79 г.р. вступало во взрослую жизнь в очень турбулентное время (1988-2004 гг.) с размытыми ориентирами относительно желаемых, нежелательных и обязательных образцов поведения. Наряду с колоссальным расширением свободы выбора поведенческих практик, возможностей пробовать новое и экспериментировать, вырос и уровень неопределенности, напряженности и рисков: весь период взросления это поколение сталкивалось с экономическими кризисами, с военными действиями в Чечне и межэтническими конфликтами, с нестабильностью социальных институтов – с неизбежностью коррекции своих планов на будущее.

Отмена рестриктивных норм в социоэкономической и демографической сфере позволила этому поколению более свободно организовывать свою жизнь, но в условиях довольно высокой турбулентности и неопределенности: ряд профессий и специальностей перестали быть востребованными, а ключевые предприятия и организации закрывались и/или меняли форму собственности, что вызывало дезориентацию и нередко безработицу, особенно среди молодого поколения, еще не имеющего опыта трудовой занятости и социальных связей. В результате мы видим откладывание возраста первого трудоустройства в этом поколении.

Повышение доступности высшего образования, в том числе, за счет его коммерциализации, вызвало резкий рост предложения и спроса на образовательные услуги. В результате все большее число молодых людей смогло себе позволить «психосоциальный мораторий» (Erikson 1995) в виде студенчества, которое для них было не столько инвестицией в человеческий капитал, сколько способом «пережидания» очередного экономического кризиса и периода неопределенности.

Возраст покидания родительского дома теми, кто родился в 70-е, совпадает с таймингом предыдущих поколений, так как в государстве еще продолжала действовать инерция выполнения ряда социальных обязательств, в частности обеспечения жильем тех, кто встал в «очередь на улучшение жилищных условий» в советское время. Отмирающие в этот период практики получения жилья (например, общежития, квартиры «гостиничного типа» от работодателей) замещались новыми в связи с развитием и повышением гибкости жилищного рынка, а также в связи с ослаблением соционормативных и законодательных ограничений на проживание с «посторонними» (с партнерами).

Возраст вступления в первое партнерство у этого поколения заметно снизился, а количество таких союзов в жизненном пути, по сравнению с предыдущими поколениями, возросло. Постепенная дестигматизация добрачных сексуальных отношений позволила этому поколению осваивать новые способы совместной жизни. Однако отсутствие знаний о планировании семьи и средствах контрацепции зачастую приводило к добрачным зачатиям. Предыдущие поколения в такой ситуации либо вступали в брак «вдогонку», либо абортывали беременность. Поколения 70-х годов рождения все меньше прибегают к абортам и сохраняют беременность, но практика вступления в брак после зачатия продолжает воспроизводиться. Поэтому протогенетический интервал остается на уровне предыдущих поколений (менее года).

Поколение 1980-86 г.р. – единственное из всех рассматриваемых поколений, взросление которого началось уже по прошествии определенного времени после распада

СССР (они достигли 15-летнего возраста в 1995 г. или позднее) и для которого расширившаяся свобода выбора и новая информационная среда были естественными компонентами жизни. Достаточно экономически стабильные нулевые годы, восстановление институтов государственной поддержки семьи, открытость государственных границ, возможность аренды и покупки жилья – эти и другие факторы создали для молодого поколения условия для более вариативного, но в то же время защищенного вхождения во взрослую жизнь. Появление Интернета, социальных сетей, возможностей удаленной работы или более свободного ее графика, развитие фармакологического рынка позволили этому поколению успешно освоить новые навыки планирования жизни и семьи, изучить различные варианты формирования жизненного пути, основанные на принципах тайм-менеджмента и осознанного выбора. Отсутствие единого и жестко зафиксированного образца поведения привело к росту разнообразия жизненных стратегий, в частности, демографических, к возможности отказа от каких-то событий, например, от деторождений (Вильданова и др. 2017; Salyakhieva, Saveleva 2017), либо к их отсрочке или же наоборот – к более эффективному совмещению разных сфер жизни, например, родительства и занятости (Billari, Giuntella, Stella 2019).

Стандартные социоэкономические события у поколения 80-х годов рождения наступают примерно в тех же возрастах и с той же интенсивностью, что и у двух предыдущих поколений. Возраст первого трудоустройства немного откладывается, но это объясняется более длительным получением профессионального образования. Среди первых демографических событий предпочтение чаще отдается партнерствам, тогда как события, требующие принятия более долгосрочной ответственности (браки и деторождения), откладываются на более поздние возрасты. Если у мужчин замедление темпов взросления в демографической сфере видно очень отчетливо, то жизненные пути женщин пока еще очень «спрессованы» (уже слабее, чем у женщин предыдущего поколения, но гораздо сильнее, чем у мужчин-ровесников).

Молодежь не уклоняется от взросления, но, становясь активным участником этого процесса, начинает менять его структуру и календарь. Благодаря широкой доступности высшего образования студенческие годы стало возможным вписать в типичный жизненный сценарий молодого россиянина. А это, по Э. Эриксону (Erikson 1995), дает индивидам возможность взять паузу между завершением детства и обретением взрослости («психосоциальный мораторий») и посвятить это время поиску себя и планированию карьеры.

КЛАССИФИКАЦИЯ МОДЕЛЕЙ ВЗРОСЛЕНИЯ

Предложенный способ визуализации процесса взросления на демографической сетке Лексиса позволяет сделать вывод, что *эпоха, в рамках которой поколение реализуют стартовые события взрослой жизни, оказывает влияние на формирование моделей взросления.* Переход во взрослую жизнь является изменчивым этапом жизни, *адаптирующимся* к конкретным условиям среды и помогающим молодому поколению наиболее эффективно и быстро встроиться в действующую социальную систему.

В качестве наиболее устойчивой и типичной модели можно назвать организацию процесса взросления у поколений *1940-49, 1950-59, 1960-69 г.р.* Назовем эту модель «советской». Типичное устройство перехода во взрослую жизнь появилось только вследствие унификации работы социальных институтов в позднесоветское время. В эпоху плановой экономики и плановой организации жизни нормативный жизненный сценарий был очень ясно и четко определен. Следовать ему было просто, так как все институты работали согласованно и ориентировали именно на эту типовую модель.

В периоды перемен и нестабильности индивиды откладывают наступление одних событий и приоритизируют наступление других. Например, поколение *1930-39 г.р.*, столкнувшееся с послевоенной разрухой и связанными с ней экономическими трудностями своим приоритетом вынужденно сделало трудовую деятельность, остальные события отложив на более поздние возрасты. Поколение *1970-79 г.р.* – напротив: в период быстрых социальных и политических трансформаций и невозможности строить надежные планы на будущее реализовало ключевые стартовые события «в ускоренном режиме», то ли «делая запасы впрок», то ли стремясь попробовать все и сразу в условиях небывалой свободы. Такие модели взросления можно назвать «переходными» (или адаптивными, стрессовыми). Они лучше всего демонстрируют адаптивную природу процесса взросления.

Модель взросления, которая формируется у сегодняшней молодежи (поколение *1980-86 г.р.*), назовем «постсоветской». Мы видим замедление процесса взросления за счет откладывания наступления демографических событий, которое стало возможным благодаря доступу к информации и технологиям (планирование семьи и контрацепция; расширение набора нормативных моделей, транслирующихся через медиа). Также важным изменением стало добавление нового события в число нормативных (партнерство) и приоритизация события, которое ранее было не столь приоритетным и доступным (получение высшего профессионального образования). Это приводит к изменению не только тайминга и последовательности наступления событий, но и к росту количества стартовых событий и разнообразия наборов возможных жизненных сценариев. Вектор изменений, выбранный российской молодежью, соответствует траектории трансформации моделей взросления в западных странах, описанной авторитетными зарубежными авторами (Billari, Liefbroer 2010): взросление перестает быть «ранним, ускоренным и простым» и становится «поздним, растянутым и сложным».

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

Проведенный комплексный анализ и представленная нами классификация подтверждают идеи Биллари и Лифброера (Billari, Liefbroer 2010) о *конвергенции* паттернов взросления в развитых странах. Современные российские поколения, начавшие переход во взрослую жизнь после распада СССР, демонстрируют отдаление от типично «советской» модели взросления, которую можно назвать «ранней, ускоренной и простой» («традиционная» модель) и приближение к модели, которая становится все более распространенной в западных странах: «поздней, растянутой и сложной» («современная» модель). Взросление начинается *позднее*, так как молодежь откладывает наступление всех событий и особенно демографических. Взросление становится более *растянутым*, так как

социальноэкономические события реализуются всего на год-два позже, нежели в предыдущих поколениях, а демографические события откладываются на несколько лет, что вызывает рост общей длительности перехода и замедление его скорости. Взросление становится более *сложным* за счет роста вариативности времени и последовательности наступления событий и включения в нормативный жизненный сценарий двух непопулярных ранее событий: получения профессионального образования и партнерства.

Переход от «традиционной» «советской» модели взросления россиян к «современной» «постсоветской» подтверждает историческую *стадиальность* изменения процесса взросления и демографического поведения как его части (Frejka, Zakharov 2012; Puur et al. 2012a; Puur et al. 2012b). Мы выявили, что изменения в тайминге и интенсивности наступления стартовых событий начались в поколении 1960-69 г.р., но эти трансформации были связаны с эффектом периода: войной в Афганистане и активизацией семейной политики и стимулирования рождаемости в 1980-х годах. Первые устойчивые, поколенческие изменения начинаются с поколений 1970-1979 г.р., начавших менять не только тайминг и интенсивность наступления событий, но и их последовательность и приоритетность относительно друг друга. Поколение 1980-1986 г.р. демонстрирует принципиально другой подход к организации процесса взросления, выдвигая на первый план тех событий, которые дают больше выгод, чем обязательств, и откладывая события, требующих долгосрочной ответственности.

Исследование также подтверждает сделанные перечисленными авторами оценки разницы между началом *демографической модернизации* в Европе и в России: если в западноевропейских странах изменения в матримониальном поведении начались с поколения 1960-69 г.р., то в России – спустя 20-25 лет, в поколении 1980-86 г.р. Связка трех видов поведения – сексуального, брачного и репродуктивного – постепенно распадается: дебаты каждого из них не только оказываются разделенными все более длительными интервалами, но и происходят во все более произвольной последовательности. Первое партнерство у молодых россиян все чаще становится первым демографическим событием, деторождение – вторым, а брак либо наступает вскоре после зачатия ребенка, либо может вообще не наступить, что приводит к росту внебрачной рождаемости и снижению брачной.

Рост разнообразия жизненных стратегий, изменение последовательности наступления событий и интервалов между ними, появление возможности организовывать свой жизненный путь в соответствии с собственными интересами – все это наблюдается в молодом поколении россиян и согласуется с предположениями *концепции жизненного пути* (Giddens 1994; Heinz, Marshall 2003; Huinink 2013).

Выводы

Проведенное исследование показало, что исторический и институциональный контекст, сопутствующий взрослению молодых людей, задает границы и ориентиры для возможных моделей взросления (Berger, Luckmann 1966; Kiernan 2002; Sobotka, Toulemon 2008). Чем больше поддержка государства, тем раньше и интенсивнее происходит взросление, что

согласуется с имеющимися исследованиями (Cavalli, Galland 1993; Vogel 2002; Esping-Andersen 2007; Ejrnæs, Voje 2008). Чем уже коридоры, формируемые общественными и законодательными нормами, тем меньше различий в структуре, тайминге, интенсивности и последовательности наступления стартовых событий (пример поколений 1940-49, 1950-59, 1960-69 г.р.). По мере расширения свободы выбора в организации жизненного пути, молодые люди начинают демонстрировать вариативность всех видов поведения (пример поколений 1980-86 г.р.).

Мы выявили три модели взросления россиян: «советская» (характерна для поколений 1940-49, 1950-59, 1960-69 г.р.), «переходная» (поколения 1930-39 и 1970-79 г.р.) и «постсоветская» (поколения 1980-86 г.р.). Предложенные модели вписываются в классификацию Биллари и Лифрброера (Billari, Liefbroer 2010): «советская» модель соответствует «традиционной» (тайминг – события наступают в молодых возрастах; интенсивность – малые интервалы между событиями; последовательность наступления событий простая и предсказуемая), а «постсоветская» приближается к «современной» (тайминг – откладывание событий на более поздние возрасты; интенсивность – рост интервалов между событиями; последовательность наступления событий сложная и непредсказуемая). Таким образом, наблюдается конвергенция особенностей перехода во взрослую жизнь в России и в странах, находящихся на более продвинутых этапах демографического перехода, что подтверждает стадильность модернизационного процесса (Frejka, Zakharov 2012; Puur et al. 2012a; Puur et al. 2012b).

«Современная» модель взросления в Европе в усредненном варианте выглядит так: относительно раннее покидание родительского дома, за которым следует небольшое время проживания без партнера, затем вступление в партнерство, зачатие первого ребенка в относительно позднем возрасте и регистрация брака незадолго до рождения ребенка или вовсе отказ от регистрации брака (Billari, Liefbroer 2010). Наш анализ показал, что последовательность наступления стартовых событий у российской молодежи приближается к современной европейской, но демографические события наступают в России в более ранних возрастах и с более короткими интервалами. То есть композиция взросления у нас становится похожей на европейскую модель, а динамика все еще разная.

Вписывание студенческих лет в нормативный жизненный сценарий современного россиянина дало возможность молодежи использовать время обучения и следующий за ним период начала карьеры как паузу во взрослении («психосоциальный мораторий» (Erikson 1995)). В течение этих нескольких лет молодые россияне находятся в состоянии «полузрелости»: они уже обрели социоэкономические статусы и опыт проживания с партнером, но еще не создали семью. Вступление в брак и деторождение воспринимаются ими как наиболее «неотменяемые» события, требующие определенной психологической зрелости и финансовой устойчивости. Мы полагаем, что такое удлинение периода взросления – следствие откладывания демографических событий на более поздние возрасты, а не полного отказа от них.

Представленное исследование помогает лучше понять, что представляет из себя современная молодежь и на каком возрастном отрезке она локализуется. Учитывая стремление молодежи к обретению финансовой независимости до вступления в

брак и деторождения, в качестве эффективной меры можно предложить расширение финансовых инструментов и карьерных возможностей, которые позволят молодежи не задерживаться в периоде «полузрелости». Также достичь баланса между социоэкономической и демографической сферой поможет более гибкая система совмещения родительства и занятости. Обращаясь к имеющимся примерам трансформации моделей взросления в европейских странах, мы можем спрогнозировать дальнейшие изменения взросления в России и, предвосхитив их, подготовить общество и институты к новым вызовам.

БЛАГОДАРНОСТИ

Автор выражает благодарность за многолетнюю поддержку и научное консультирование всем коллегам, оказавшим помощь в подготовке данного исследования. Прежде всего, научному руководителю С.В. Захарову, а также участникам двух научно-учебных групп НИУ ВШЭ «Изучение рождаемости, формирования, развития и распада семей на данных выборочных обследований» и «Модели и методы анализа демографических последовательностей», в особенности А.О. Макаренцевой, Д.И. Игнатову, Т.Н. Espy, О.В. Синявской, А.В. Артамоновой, А.А. Муратовой, Д.К. Гиздатуллину, С.С. Бирюковой и А.А. Долговой.

Также автор благодарит за рецензирование разных частей данной работы на разных стадиях ее подготовки коллег из российских и зарубежных университетов и научных центров: А. Puur, В.С. Магуна, Е.Ю. Рождественскую, А.Г. Вишневого, М.С. Фабрикант, А.А. Авдеева, А. Blum, F. Billari, M. Mills, L. Sakkeus, L. Rahnu, P. Blanchard, R. Leu, L. Toulemon, E. Lelièvre, M. Bouchet-Valat, L. Moulin.

ЛИТЕРАТУРА

- Артамонова А.В., Митрофанова Е.С. (2018). Матримониальное поведение россиян на фоне других европейцев. *Демографическое обозрение*, 5(1), 106–137.
- Архангельский В.Н. (2013). Репродуктивное и брачное поведение. *Социологические исследования*, 2, 129–136.
- Блюм А., Лефевр С., Себий П., Бадурашвили И., Ренье-Луалье А., Станкуниене В., Синявская О. (2010). Семья в четырех государствах: Франция, Грузия, Литва, Россия. В *Эволюция семьи в Европе: Восток-Запад* (с. 11–41). М.: НИСП.
- Блюм А., Себий П., Захаров, С.В. (2010). Взросление во Франции и России: Различия в перспективе поколений. В *Эволюция семьи в Европе: Восток-Запад* (с. 141–174). М.: НИСП.
- Вильданова С.М., Граничная А.А., Мингалиева А.Р., Саляхиева Л.М. (2017). Тенденции распространения ценностей чайлдфри в России и их влияние на кризис института семьи. *Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены*, 3(139), 192–205.
- Гимпельсон В.Е., Зудина А.А. (2017). Демографические проблемы рынка труда. *Демоскоп Weekly*, 729–730. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2017/0729/tema01.php>

- Градосельский В.В. (2005). Комплектование Вооруженных Сил СССР в 1970—1980-е годы. *Военно-исторический журнал*, 9, 18-21.
- Вишневский А. Г. (1976). *Демографическая революция*. Москва: Статистика.
- Вишневский А.Г. (Ред.) (2006). *Демографическая модернизация России, 1900-2000*. Москва: Новое издательство.
- Долбик-Воробей Т. (2003). Студенческая молодежь о проблемах брака и рождаемости. *Социологические исследования*, 11, 78–83.
- Захаров С.В. (2007). Трансформация брачно-партнерских отношений в России: «золотой век» традиционного брака близится к закату? В Т.М. Малева, О.В. Синявская (Ред.), *Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе. Выпуск 1* (с. 75–127). М.: НИСП.
- Захаров С.В. (2009). Ценностно-нормативные «расписания» человеческой жизни: Представления жителей разных стран о том, когда девушка становится взрослой. В *Россия в Европа. По материалам международного проекта «Европейское социальное исследование»* (с. 347–379). М.: Academia.
- Здравомыслова О.М., Шурыгина И.И. (2001). Выжить или преуспеть: Представления старшеклассников о своих жизненных шансах. В *Кто и куда стремится вести Россию? Актеры макро-, мезо- и микроуровней современного трансформационного процесса* (с. 366–374). URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/250/679/1219/048.ZDRAVOMYSLOVA.pdf>
- Константиновский Д.Л. (2008). *Неравенство и образование. Опыт социологических исследований жизненного старта российской молодежи (1960-е годы–начало 2000-х)*. М.: Центр социального прогнозирования.
- Лапето А., Терещенко О.В., Шавердо Т. (2018). Переход в самостоятельную жизнь: Возрастные модели жизненных путей В О. Терещенко, Т. Кучера (Ред.), *Беларусь: Структура семьи, семейные отношения, репродуктивное поведение. Том II. Анализ результатов исследования «Поколения и гендер»* (с. 14–22). Минск: Белсэнс.
- Магун В.С., Энговатов М.В. (2006). Динамика притязаний и изменение ресурсных стратегий молодежи: 1985-2005 годы. *Отечественные записки*, 3, 76–96.
- Мид М. (1988). *Культура и мир детства*. М.: Наука.
- Ремшмидт Х. (1994). *Подростковый и юношеский возраст: Проблемы становления личности*. URL: <http://www.childpsy.ru/lib/books/id/8335.php>
- Чернова Ж.В. (2012). Специфика гендерных отношений молодых взрослых. *Социологические исследования*, 7, 118–127.
- Шабунова А.А., Калачикова О.Н. (2015). Проблемы трансформации демографических институтов: Семья и брак. *Социологический альманах*, 6, 151–165.
- Ярская-Смирнова Е.Р., Романов П.В. (Ред.) (2008). *Советская социальная политика: сцены и действующие лица, 1940-1985*. М.: ООО «Вариант», ЦСПГИ.
- Arnett J.J. (2012). New Horizons in Research on Emerging and Young Adulthood. In *Early Adulthood in a Family Context* (pp. 231–244). NY: Springer.
- Artamonova A.V., Mitrofanova E.S. (2014). Is cohabitation an alternative to marriage in Russia? *Political behavior: Race, Ethnicity & Identity Politics eJournal*. 8(134). URL: https://hq.ssrn.com/Journals/IssueProof.cfm?abstractid=2513302&journalid=999052&issue_number=134&volume=8&journal_type=CMBO&function=showissue

- Berger P., Luckmann T. (1966). *The Social Construction of Reality: A Treatise in the Sociology of Knowledge*. Garden City, NY: First Anchor.
- Billari F.C., Hagestad G.O., Liefbroer A.C., Spéder Z. (2005). The Timing of Life: The Organization of the Life Course in Europe. In *The timing of life: The organisation of the life course in Europe*. URL: http://www.europeansocialsurvey.org/docs/round3/questionnaire/ESS3_billari_proposal.pdf
- Billari F.C., Liefbroer A.C. (2010). Towards a new pattern of transition to adulthood? *Advances in Life Course Research*, 15(2), 59–75.
- Billari F.C., Giuntella O., Stella L. (2019). Does broadband Internet affect fertility? *Population Studies*, 73(3), 297-316. DOI: <https://doi.org/10.1080/00324728.2019.1584327>
- Billari F.C., Liefbroer A.C. (2007). Should I Stay or Should I Go? The Impact of Age Norms on Leaving Home. *Demography*, 44(1), 181-198. URL: <https://link.springer.com/article/10.1353%2Fdem.2007.0000>
- Buchmann M. (1989). *The script of life in modern society: Entry into adulthood in a changing world*. Chicago: University of Chicago Press.
- Buchmann M.C., Kriesi I. (2011). Transition to Adulthood in Europe. *Annual Review of Sociology*, 37, 481-503. DOI: <https://doi.org/10.1146/annurev-soc-081309-150212>
- Ejrncæs A., Boje T.P. (2008). Family Policy and Welfare Regimes. In *Report 3: Labour Market and social Policies*. Aberdeen: University of Aberdeen.
- Cavalli A., Galland O. (Eds.) (1993). *L'allongement de la jeunesse*. Paris: Actes Sud.
- Erikson E.H. (1995). *Identity: Youth and Crisis*. New York: W.W. Norton & Company.
- Esping-Andersen G. (1990). *The Three Worlds of Welfare Capitalism*. NJ: Polity Press.
- Esping-Andersen G. (2007). *Family formation and family dilemmas in contemporary Europe*. Fundacio'n BBVA.
- Frejka T., Zakharov S. (2012). Comprehensive analyses of fertility trends in the Russian Federation during the past half century. *Rostock: Max Planck Institute for Demographic Research (MPIDR working paper WP-2012-027)*.
- Giddens A. (1994). Living in a post-traditional society. *Reflexive modernization: Politics, tradition and aesthetics in the modern social order*, 56, 100.
- Hajnal J. (1965). European marriage patterns in perspective. In Glass D.V., Eversley D.E. (Eds.), *Population in history: Essays in historical demography* (pp. 101–143). URL: <https://www.popline.org/node/517620>
- Heinz W.R., Marshall V.W. (2003). *Social dynamics of the life course: Transitions, institutions, and interrelations*. New York: Aldine de Gruyter.
- Huinink J. (2013). De-Standardisation or Changing Life Course Patterns? Transition to Adulthood from a Demographic Perspective. In *The Demography of Europe* (pp. 99–118). Springer, Dordrecht. DOI: https://doi.org/10.1007/978-90-481-8978-6_5
- Kiernan K. (2002). Cohabitation in Western Europe: Trends, issues and implications. In Booth A., Crouter A. (Eds.), *Just Living Together: Implications of cohabitation on families, children and social policy* (pp. 3–31). New York: Lawrence Erlbaum Associates.
- Lesthaeghe R. (1995). The second demographic transition in Western countries: An interpretation. In *Gender and family change in industrialized countries* (pp. 17–62). Oxford: Clarendon Press.

- Lesthaeghe R., Neels K. (2002). From the First to the Second Demographic Transition: An Interpretation of the Spatial Continuity of Demographic Innovation in France, Belgium and Switzerland. *European Journal of Population*, 18(4), 325–360.
- Liefbroer A.C. (1999). From Youth to Adulthood: Understanding Changing Patterns of Family Formation from a Life Course Perspective. In *Population Issues* (pp. 53–85). The Netherlands: Springer.
- Mills M. (2004). Stability and change: The structuration of partnership histories in Canada, the Netherlands, and the Russian Federation. *European Journal of Population/Revue européenne de Démographie*, 20(2), 141–175.
- Potârca G., Mills M., Lesnard L. (2013). Family Formation Trajectories in Romania, the Russian Federation and France: Towards the Second Demographic Transition? *European Journal of Population/Revue européenne de Démographie*, 29(1), 69–101. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10680-012-9279-9>
- Puur A., Rahnu L., Maslauskaitė A., Stankuniene V. (2012a). Past and present patterns of family formation in Eastern Europe: Does Hajnal's delineation still matter? *Filosofija Sociologija*, 23(4), 256–265.
- Puur A., Rahnu L., Maslauskaitė A., Stankuniene V., Zakharov S. (2012b). Transformation of Partnership Formation in Eastern Europe: The Legacy of the Past Demographic Divide. *Journal of Comparative Family Studies*, 43(3), 389–417.
- Rindfuss R.R. (1991). The Young Adult Years: Diversity, Structural Change, and Fertility. *Demography*, 28(4), 493–512. URL: <https://link.springer.com/article/10.2307%2F2061419>
- Salyakhieva L.M., Saveleva Z.V. (2017). Childfree as a Social Phenomenon: Russians' Attitude to Voluntary Childlessness. *Tarih Kültür ve Sanat Araştırmaları Dergisi*, 6(4), 531–537. DOI: <https://doi.org/10.7596/taksad.v6i4.1144>
- Shoven J.B., Goda G.S. (2011). Adjusting Government Policies for Age Inflation. In *Demography and the Economy* (pp. 143–168). DOI: <https://doi.org/10.7208/chicago/9780226754758.003.0005>
- Sobotka T., Toulemon L. (2008). Changing family and partnership behaviour: Common trends and persistent diversity across Europe. *Demographic Research*, 19, 85–138. DOI: <https://doi.org/10.4054/DemRes.2008.19.6>
- van de Kaa D. J. (1987). Europe's Second Demographic Transition. *Population Bulletin*, 42, 3–57.
- Vogel J. (2002). European Welfare regimes and the transition to adulthood: A comparative and longitudinal perspective. *Social Indicators Research*, 59, 275–299.
- Zakharov S. (2008). Russian Federation: From the first to second demographic transition. *Demographic Research*, 19, 907–972. DOI: <https://doi.org/10.4054/DemRes.2008.19.24>
- Zsolt S., Murinkó L., Settersten Jr.R.A. (2014). Are Conceptions of Adulthood Universal and Unisex? Ages and Social Markers in 25 European Countries. *Social Forces*, 92(3), 873–898. DOI: <https://doi.org/10.1093/sf/sot100>

MODELS OF THE TRANSITION TO ADULTHOOD OF DIFFERENT RUSSIAN GENERATIONS

EKATERINA MITROFANOVA

This paper is devoted to the analysis of the starting events marking the transition to adulthood, such as completion of education (vocational and higher), first employment, first leaving parents first time leaving home, first partnership, first marriage, and first childbirth.

The dataset of the research is the Russian part of the Generations and Gender Programme (GGS). We prepared the harmonised dataset of the three waves (2004, 2007, and 2011), which included 5,451 respondents born between 1930 and 1986. We used two complementary approaches to study the transition to adulthood: the analysis of the starting sociodemographic events separately and the analysis of all of them as a part of one process. We plotted the results of the analysis on a demographic Lexis grid, which allowed us to observe the influence of the historical and institutional context on people's behaviour.

The research revealed three models of the transition to adulthood in Russia: "Soviet" (generations of 1940-49, 1950-59, and 1960-69), "Transitional" (generations of 1930-39 and 1970-79), and "Post-Soviet" (generation of 1980-86). Our classification is similar to the idea of the convergence of the patterns of the starting events' occurrence (Billari and Liefbroer 2007), which assumes a change from the "traditional" model ("early, contracted and simple") to the "modern" model ("late, protracted and complex"). The similarity of the changes in Russian and European models confirms the stadiality of the modernisation process (Frejka and Zakharov 2012; Puur et al. 2012). The study also confirms the assumption of the life course approach about the individualisation of the life course.

Key words *Russia, transition to adulthood, generations, starting life course events, demographic events, socioeconomic events, demographic transition, marriage, childbearing, partnership, employment, education, leaving parents.*

EKATERINA MITROFANOVA (mitrofanovy@yandex.ru), NATIONAL RESEARCH UNIVERSITY HIGHER SCHOOL OF ECONOMICS, THE RUSSIAN PRESIDENTIAL ACADEMY OF NATIONAL ECONOMY AND PUBLIC ADMINISTRATION, RUSSIA.

THIS ARTICLE IS THE PRODUCT OF A RESEARCH PROJECT IMPLEMENTED AS PART OF THE BASIC RESEARCH PROGRAMME AT THE NATIONAL RESEARCH UNIVERSITY HIGHER SCHOOL OF ECONOMICS (HSE) 2019.

DATE RECEIVED: NOVEMBER 2019.

REFERENCES

- Arkhangel'skij V.N. (2013). Reproduktivnoe i brachnoe povedenie [Reproductive and marital behavior]. *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological studies], 2, 129–136. (In Russ.).
- Arnett J.J. (2012). New Horizons in Research on Emerging and Young Adulthood. In *Early Adulthood in a Family Context* (pp. 231–244). NY: Springer.
- Artamonova A.V., Mitrofanova E.S. (2014). Is cohabitation an alternative to marriage in Russia? *Political behavior: Race, Ethnicity & Identity Politics eJournal*. 8(134). URL: https://hq.ssrn.com/Journals/IssueProof.cfm?abstractid=2513302&journalid=999052&issue_number=134&volume=8&journal_type=CMBO&function=showissue
- Artamonova A.V., Mitrofanova E.S. (2018). Matrimonial'noe povedenie rossiyan na fone drugih evropejcev [Matrimonial behavior of Russians in the European context]. *Demograficheskoe obozrenie* [Demographic Review], 5(1), 106–137. (In Russ.).

- Berger P., Luckmann T. (1966). *The Social Construction of Reality: A Treatise in the Sociology of Knowledge*. Garden City, NY: First Anchor.
- Billari F.C., Giuntella O., Stella L. (2019). Does broadband Internet affect fertility? *Population Studies*, 73(3), 297-316. DOI: <https://doi.org/10.1080/00324728.2019.1584327>
- Billari F.C., Hagestad G.O., Liefbroer A.C., Spéder Z. (2005). The Timing of Life: The Organization of the Life Course in Europe. In *The timing of life: The organisation of the life course in Europe*. URL: http://www.europeansocialsurvey.org/docs/round3/questionnaire/ESS3_billari_proposal.pdf
- Billari F.C., Liefbroer A.C. (2007). Should I Stay or Should I Go? The Impact of Age Norms on Leaving Home. *Demography*, 44(1), 181-198. URL: <https://link.springer.com/article/10.1353%2Fdem.2007.0000>
- Billari F.C., Liefbroer A.C. (2010). Towards a new pattern of transition to adulthood? *Advances in Life Course Research*, 15(2), 59–75.
- Blum A., Lefèvre C., Sebille P., Badurashvili I., Régnier-Loilier A., Stankuniene V., Sinyavskaya O. (2010). Sem'ya v chetyrekh gosudarstvakh: Franciya, Gruzija, Litva, Rossiya [Family in four states: France, Georgia, Lithuania, Russia]. In *Evoljucija sem'i v Evrope: Vostok-Zapad* [Evolution of the Family in Europe: East-West] (pp. 11–41). Moscow: NISP. (In Russ.).
- Blum A., Sebij P., Zakharov S.V. (2010). Vzroslenie vo Francii i Rossii: Razlichiya v perspektive pokolenij [Growing up in France and Russia: Differences in generational perspective]. In *Evoljucija sem'i v Evrope: Vostok-Zapad* [Evolution of the Family in Europe: East-West] (pp. 141–174). Moscow: NISP. (In Russ.).
- Buchmann M. (1989). *The script of life in modern society: Entry into adulthood in a changing world*. Chicago: University of Chicago Press.
- Buchmann M.C., Kriesi I. (2011). Transition to Adulthood in Europe. *Annual Review of Sociology*, 37, 481-503. DOI: <https://doi.org/10.1146/annurev-soc-081309-150212>
- Cavalli A., Galland O. (Eds.) (1993). *L'allongement de la jeunesse*. Paris: Actes Sud.
- Chernova Zh.V. (2012). Specifika gendernyh otnoshenij molodyh vzroslyh [Specificity of gender relations of young adults]. *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 7, 118–127. (In Russ.)
- Dolbik-Vorobej T. (2003). Studencheskaya molodezh' o problemah braka i rozhdaemosti [Student youth about the problems of marriage and fertility]. *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 11, 78–83. (In Russ.).
- Ejrnoes A., Boje T.P. (2008). Family Policy and Welfare Regimes. In *Report 3: Labour Market and social Policies*. Aberdeen: University of Aberdeen.
- Erikson E.H. (1995). *Identity: Youth and Crisis*. New York: W.W. Norton & Company.
- Esping-Andersen G. (1990). *The Three Worlds of Welfare Capitalism*. NJ: Polity Press.
- Esping-Andersen G. (2007). *Family formation and family dilemmas in contemporary Europe*. Fundacio'n BBVA.
- Frejka T., Zakharov S. (2012). Comprehensive analyses of fertility trends in the Russian Federation during the past half century. *Rostock: Max Planck Institute for Demographic Research (MPIDR working paper WP-2012-027)*.

- Giddens A. (1994). Living in a post-traditional society. *Reflexive modernization: Politics, tradition and aesthetics in the modern social order*, 56, 100.
- Gimpel'son V.E., Zudina A.A. (2017). Demograficheskie problemy rynka truda [Demographic problems of the labour market]. *Demoscope Weekly*, 729–730. (In Russ.). URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2017/0729/tema01.php>
- Gradoselskiy V. (2005). Komplektovanie vooruzhennih sil SSSR v 1970—1980-e gody [Completion of Soviet Union armed forces in 1970-1980]. *Voенно-istoricheskiy zhurnal* [War-historical Journal], 9, 18-21. (In Russ.).
- Hajnal J. (1965). European marriage patterns in perspective. In *Glass D.V., Eversley D.E. (Eds.), Population in history: Essays in historical demography* (pp. 101–143). URL: <https://www.popline.org/node/517620>
- Heinz W.R., Marshall V.W. (2003). *Social dynamics of the life course: Transitions, institutions, and interrelations*. New York: Aldine de Gruyter.
- Huinink J. (2013). De-Standardisation or Changing Life Course Patterns? Transition to Adulthood from a Demographic Perspective. In *The Demography of Europe* (pp. 99–118). Springer, Dordrecht. DOI: https://doi.org/10.1007/978-90-481-8978-6_5
- Inglhart R. (2018). *Kul'turnaya evolyuciya. Kak izmenyayutsya chelovecheskie motivacii i kak eto menyaet mir* [Cultural evolution. How human motivations change and how it changes the world]. (In Russ.). URL: https://sotsium.ru/uploads/files/demo-mysl/inglehart_p1-40.pdf
- Kiernan K. (2002). Cohabitation in Western Europe: Trends, issues and implications. In Booth A., Crouter A. (Eds.), *Just Living Together: Implications of cohabitation on families, children and social policy* (pp. 3–31). New York: Lawrence Erlbaum Associates.
- Konstantinovskij D.L. (2008). *Neravenstvo i obrazovanie. Opyt sociologicheskikh issledovaniy zhiznennogo starta rossijskoj molodezhi (1960-e gody–nachalo 2000-h)* [Inequality and education. Experience of sociological research of life start of Russian youth (1960s-early 2000s)]. Moscow: Centr social'nogo prognozirovaniya. (In Russ.)
- Lapeto A., Tereshchenko O.V., Shaverdo T. (2018). Perekhod v samostoyatel'nyuyu zhizn': Vozrastnye modeli zhiznennyh putej [Transition to independent life: Age models of life paths]. In O. Tereshchenko, T. Kuchera (Eds.), *Belarus': Struktura sem'i, semejnye otnosheniya, reproduktivnoe povedenie: Tom II. Analiz rezul'tatov issledovaniya «Pokoleniya i gender»* [Belarus: Family structure, family relations, reproductive behavior: Vol. II. Analysis of the results of Generations and Gender Survey] (pp. 14–22). Minsk: Belsens. (In Russ.)
- Lesthaeghe R. (1995). The second demographic transition in Western countries: An interpretation. In *Gender and family change in industrialized countries* (pp. 17–62). Oxford: Clarendon Press.
- Lesthaeghe R., Neels K. (2002). From the First to the Second Demographic Transition: An Interpretation of the Spatial Continuity of Demographic Innovation in France, Belgium and Switzerland European. *Journal of Population*, 18(4), 325–360.
- Liefbroer A.C. (1999). From Youth to Adulthood: Understanding Changing Patterns of Family Formation from a Life Course Perspective. In *Population Issues* (pp. 53–85). The Netherlands: Springer.
- Magun V.S., Engovatov M.V. (2006). Dinamika prityazaniy i izmenenie resursnykh strategiy molodezhi: 1985-2005 gody [Trends in claims and changes in resource strategies of young people: 1985-2005]. *Otechestvennye zapiski* [Annals of the Fatherland], 3, 76–96. (In Russ.)

- Mead M. (1988). *Kul'tura i mir detstva* [Culture and the world of childhood]. Moscow: Nauka. (In Russ.)
- Mills M. (2004). Stability and change: The structuration of partnership histories in Canada, the Netherlands, and the Russian Federation. *European Journal of Population/Revue européenne de Démographie*, 20(2), 141–175.
- Potârca G., Mills M., Lesnard L. (2013). Family Formation Trajectories in Romania, the Russian Federation and France: Towards the Second Demographic Transition? *European Journal of Population/Revue européenne de Démographie*, 29(1), 69–101. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10680-012-9279-9>
- Puur A., Rahnu L., Maslauskaitė A., Stankuniene V. (2012a). Past and present patterns of family formation in Eastern Europe: Does Hajnal's delineation still matter? *Filosofija Sociologija*, 23(4), 256–265.
- Puur A., Rahnu L., Maslauskaitė A., Stankuniene V., Zakharov S. (2012b). Transformation of Partnership Formation in Eastern Europe: The Legacy of the Past Demographic Divide. *Journal of Comparative Family Studies*, 43(3), 389–417.
- Remshmidt H. (1994). *Podrostkovyj i yunosheskij vozrast: Problemy stanovleniya lichnosti* [Adolescence and youth: Problems of personality formation]. (In Russ.) URL: <http://www.childpsy.ru/lib/books/id/8335.php>
- Rindfuss R.R. (1991). The Young Adult Years: Diversity, Structural Change, and Fertility. *Demography*, 28(4), 493–512. URL: <https://link.springer.com/article/10.2307%2F2061419>
- Salyakhieva L.M., Saveleva Z.V. (2017). Childfree as a Social Phenomenon: Russians' Attitude to Voluntary Childlessness. *Tarih Kültür ve Sanat Araştırmaları Dergisi*, 6(4), 531–537. DOI: <https://doi.org/10.7596/taksad.v6i4.1144>
- Shabunova A.A., Kalachikova O.N. (2015). Problemy transformacii demograficheskikh institutov: Sem'ya i brak [Challenges to the transformation of demographic institutions: Family and marriage]. *Sociologicheskij al'manah* [Sociological almanac], 6, 151–165. (In Russ.)
- Shoven J.B., Goda G.S. (2011). Adjusting Government Policies for Age Inflation. In *Demography and the Economy* (pp. 143–168). DOI: <https://doi.org/10.7208/chicago/9780226754758.003.0005>
- Sobotka T., Toulemon L. (2008). Changing family and partnership behaviour: Common trends and persistent diversity across Europe. *Demographic Research*, 19, 85–138. DOI: <https://doi.org/10.4054/DemRes.2008.19.6>
- van de Kaa D. J. (1987). Europe's Second Demographic Transition. *Population Bulletin*, 42, 3–57.
- Vil'danova S.M., Granichnaya A.A., Mingaliev A.R., Salyahieva L.M. (2017). Tendencii rasprostraneniya cennostej chajldfri v Rossii i ih vliyanie na krizis instituta sem'i [Trends in the spread of childfree values in Russia and their impact on the crisis of the institution of the family]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i social'nye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes Journal], 3(139), 192–205. (In Russ.)
- Vishnevsky A.G. (1976). *Demograficheskaja revolyutsiya*. Moscow: Statistics. (In Russ.)
- Vishnevsky A.G. (Ed.) (2006). *Demograficheskaja modernizatsiya Rossii, 1900–2000* [Demographic modernization of Russia, 1900–2000]. Moscow: Novoe izdatel'stvo. (In Russ.)

- Vogel J. (2002). European Welfare regimes and the transition to adulthood: A comparative and longitudinal perspective. *Social Indicators Research*, 59, 275–299.
- Yarskaya-Smirnova E.R., Romanov P.V. (Eds.) (2008). *Sovetskaya social'naya politika: sceny i dejstvuyushchie lica, 1940-1985* [Soviet social policy: scenes and actors, 1940-1985]. Moscow: OOO Variant, CSPGI. (In Russ.)
- Zakharov S. (2008). Russian Federation: From the first to second demographic transition. *Demographic Research*, 19, 907–972. DOI: <https://doi.org/10.4054/DemRes.2008.19.24>
- Zakharov S.V. (2007). Transformaciya brachno-partnerskih otnoshenij v Rossii: «zolotoj vek» tradicionnogo braka blizitsya k zakatu? [Transformation of marriage-partnership relations in Russia: the "golden age" of traditional marriage is nearing sunset?]. In T.M. Maleva, O.V. Sinyavskaya (Eds.), *Roditeli i deti, muzhchiny i zhenshchiny v sem'e i obshchestve* [Parents and children, men and women in the family and society]. Vol. 1 (pp. 75–127). Moscow: NISP. (In Russ.).
- Zakharov S.V. (2009). Cennostno-normativnye «raspisaniya» chelovecheskoj zhizni: Predstavleniya zhitelej raznyh stran o tom, kogda devushka stanovitsya vzrosloj [Value-normative "schedules" of human life: Perceptions of people in different countries about when a girl becomes an adult]. In *Rossiya v Evrope. Po materialam mezhdunarodnogo proekta «Evropejskoe social'noe issledovanie»*. [To Russia in Europe. Based on the international project "European Social Study"] (pp. 347–379). Moscow: Academia. (In Russ.).
- Zdravomyslova O. M., Shurygina I.I. (2001). Vyzhit' ili preuspet': Predstavleniya starsheklassnikov o svoih zhiznennyh shansah [Survive or succeed: High school students "perceptions of their life chances"]. In *Kto i kuda stremitsya vesti Rossiyu? Aktory makro-, mezo- i mikrourovnej sovremennogo transformacionnogo processa* [Who and Where Does Russia Seek to Lead? Actors of macro-, meso- and micro-levels of the modern transformation process] (pp. 366–374). (In Russ.). URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/250/679/1219/048.Zdravomyslova.pdf>
- Zsolt S., Murinkó L., Settersten Jr.R.A. (2014). Are Conceptions of Adulthood Universal and Unisex? Ages and Social Markers in 25 European Countries. *Social Forces*, 92(3), 873–898. DOI: <https://doi.org/10.1093/sf/sot100>

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1. Числа респондентов, у которых наступило или не наступило каждое из стартовых событий, в разрезе пола и поколений

События	Поколения	Мужчины						Женщины					
		0-14	15-24	25-34	35+	нет события	всего	0-14	15-24	25-34	35+	нет события	всего
Окончание школы	1930-39	52	141	0	0	0	193	144	444	0	0	1	589
	1940-49	32	184	0	0	0	216	56	498	0	0	0	554
	1950-59	16	377	0	0	0	393	37	903	0	0	0	940
	1960-69	23	410	0	0	0	433	32	740	0	0	0	772
	1970-79	49	293	0	0	0	342	53	552	0	0	0	605
	1980-86	19	162	0	0	0	181	13	220	0	0	0	233
Профес- сиональное образование	1930-39	0	79	50	30	34	193	0	203	93	51	242	589
	1940-49	0	98	47	28	43	216	0	246	102	42	164	554
	1950-59	0	227	83	15	68	393	0	566	152	65	157	940
	1960-69	0	276	65	25	67	433	0	523	84	42	123	772
	1970-79	0	244	54	5	39	342	0	390	125	21	69	605
	1980-86	0	136	20	0	25	181	0	173	32	0	28	233
Первая работа	1930-39	23	160	9	1	0	193	57	488	39	5	0	589
	1940-49	11	194	9	2	0	216	16	511	24	3	0	554
	1950-59	4	367	20	1	1	393	5	907	25	1	2	940
	1960-69	8	405	18	2	0	433	8	723	26	1	14	772
	1970-79	6	310	23	1	2	342	4	533	50	0	18	605
	1980-86	1	164	10	0	6	181	0	205	10	0	18	233
Первое отделение от родителей	1930-39	3	130	40	20	0	193	18	458	74	39	0	589
	1940-49	8	156	36	16	0	216	5	442	71	35	1	554
	1950-59	3	288	76	22	4	393	10	757	112	47	14	940
	1960-69	4	324	75	14	16	433	10	642	89	17	14	772
	1970-79	2	266	53	3	18	342	13	490	66	4	32	605
	1980-86	5	112	19	0	45	181	5	181	10	0	37	233
Первое партнерство	1930-39	0	29	12	22	130	193	0	95	43	61	390	589
	1940-49	0	29	17	23	147	216	0	107	46	54	347	554
	1950-59	2	62	41	42	246	393	3	187	121	112	517	940
	1960-69	0	99	69	30	235	433	0	212	90	68	402	772
	1970-79	1	126	72	3	140	342	2	263	92	6	242	605
	1980-86	0	111	14	0	56	181	0	149	16	0	68	233
Первый брак	1930-39	0	93	82	9	9	193	0	387	105	17	80	589
	1940-49	0	137	64	6	9	216	0	391	85	12	66	554
	1950-59	0	261	91	16	25	393	1	686	140	20	93	940
	1960-69	0	261	115	12	45	433	0	593	86	8	85	772
	1970-79	0	191	68	3	80	342	0	460	45	4	96	605
	1980-86	0	41	14	0	126	181	0	106	12	0	115	233
Первый ребенок	1930-39	0	62	105	11	15	193	0	370	164	11	44	589
	1940-49	0	110	96	2	8	216	0	366	134	12	42	554
	1950-59	0	202	141	14	36	393	0	633	229	26	52	940
	1960-69	0	218	160	16	39	433	0	573	146	7	46	772
	1970-79	0	152	120	4	66	342	0	463	94	3	45	605
	1980-86	0	36	38	0	107	181	0	140	22	0	71	233

Источник: Составлено автором на основе панельных данных РИДМИЖ на 2011 г.

Приложение 2. Медианные возрасты наступления стартовых событий

Поколение	Окончание школы	Профессиональное образование	Первая работа	Первое отделение от родителей	Первое партнерство	Первый брак	Первый ребенок
Мужчины							
1930-1939	16	25	17	22	26	24	26
1940-1949	17	24	18	21	27	23	24
1950-1959	17	21	18	21	25	23	24
1960-1969	17	21	20	20	25	23	24
1970-1979	16	20	20	20	23	23	24
1980-1986	17	21	20	19	20	22	25
Всего	17	21	19	20	23	23	24
Женщины							
1930-1939	16	23	18	20	25	22	23
1940-1949	17	23	18	20	24	21	22
1950-1959	17	21	18	19	26	21	22
1960-1969	17	20	18	19	23	20	21
1970-1979	17	21	19	19	20	20	21
1980-1986	17	21	20	19	19	20	21
Всего	17	21	18	19	23	21	22
Все							
1930-1939	16	24	18	20	25	23	24
1940-1949	17	23	18	20	25	22	23
1950-1959	17	21	18	20	26	22	23
1960-1969	17	20	19	19	23	21	22
1970-1979	16	21	19	19	22	21	22
1980-1986	17	21	20	19	20	21	22
Всего	17	21	19	20	23	21	23

Источник: Составлено автором на основе панельных данных РИДМИЖ на 2011 г.

Приложение 3. Медианные возрасты наступления первого и последнего события перехода во взрослую жизнь, а также медианная длительность взросления

Пол	Поколения	Медианный возраст наступления первого события	Медианный возраст наступления последнего события	Медианная длительность взросления
Мужчины	1930-39	17	30	12,8
	1940-49	17	27	9,7
	1950-59	17	27	9,3
	1960-69	18	26	8,3
	1970-79	18	26	7,7
	1980-86	18	24	5,7
Женщины	1930-39	18	26	8,3
	1940-49	17	26	7,8
	1950-59	17	25	7,9
	1960-69	17	24	6,1
	1970-79	18	24	6,5
	1980-86	18	23	5,2

Источник: Составлено автором на основе панельных данных РИДМИЖ на 2011 г.

Приложение 4. Количество стартовых событий и «скорость» взросления в разрезе поколений

Поколения	Количество стартовых событий в разрезе поколений			«Скорость» взросления в разрезе поколений		
	среднее	количество респондентов	стандартное отклонение	среднее	количество респондентов	стандартное отклонение
1930-39	4,46	782	0,685	0,69	695	0,792
1940-49	4,57	770	0,632	0,80	673	1,223
1950-59	4,66	1333	0,601	0,81	1105	1,069
1960-69	4,63	1205	0,675	0,95	999	1,064
1970-79	4,51	947	0,818	1,06	770	1,277
1980-86	3,60	414	1,161	1,23	276	2,391
Всего	4,50	5451	0,776	0,89	4518	1,223

Источник: Составлено автором на основе панельных данных РцДМиЖ на 2011 г.

РЕПРОДУКТИВНЫЕ НАМЕРЕНИЯ РОССИЯН: МОТИВАЦИЯ И СДЕРЖИВАЮЩИЕ ФАКТОРЫ

ТАТЬЯНА ГУДКОВА

В статье рассматривается роль различных факторов, которые влияют на принятие решения о рождении ребенка. Основное внимание уделяется мотивированным решениям иметь или не иметь (еще одного) ребенка и социально-экономическим и социально-психологическим сдерживающим факторам, влияющим на откладывание рождения детей.

Полученные количественные и качественные оценки свидетельствуют о том, что социальная норма относительно «правильного» размера российской семьи остается достаточно стабильной: в среднем женщины и мужчины желают иметь двоих детей. Среднее ожидаемое число детей у российских женщин и мужчин тоже остается на достаточно высоком уровне, близком к двум. При этом данные фокус-групп выявили увеличивающуюся в обществе поляризацию между теми, кто намерен иметь только одного ребенка, и теми, кто хочет и планирует иметь большую (многодетную) семью.

В исследовании выявлены главные мотивы для рождения большего числа детей – стремление родителей к тому, чтобы их дети не чувствовали себя одинокими и научились заботиться о младших, что обеспечивает, по мнению родителей, больше гарантий получения поддержки от детей в старости. Не менее важными мотивами являются намерение респондентов укрепить семью и желание со стороны их супругов/партнеров иметь еще одного ребенка. Материальные и социальные возможности семьи и поддержка со стороны государства также играют немаловажную роль при планировании рождения еще одного ребенка (особенно третьего). На формирование репродуктивных намерений российских женщин и мужчин оказывают влияние и социально-психологические факторы: неуверенность в прочности брака/партнерства либо неготовность супругов/партнеров (морально, физически либо материально) к появлению (еще одного) ребенка в семье являются значимыми факторами откладывания рождений.

Ключевые слова: рождаемость, репродуктивные намерения, ожидаемое число детей, желаемое число детей, многодетность, мотивы рождения, откладывание рождений, Россия.

ВВЕДЕНИЕ

Неослабевающий интерес демографов к изучению тенденций рождаемости едва ли не в первую очередь мотивирован их стремлением научиться предсказывать изменение этих тенденций в будущем, прогнозировать рождаемость. Именно заинтересованность в таком прогнозе породила целое направление демографических исследований, активно развивающееся с середины прошлого века – изучение репродуктивных намерений женщин путем их прямого опроса. Как писали пионеры этого направления исследований американские демографы Норман Райдер и Чарльз Уэстоф, «метод был рискованным по своей простоте: попросить каждую женщину сделать собственный прогноз ее будущей рождаемости. Хотя в индивидуальных оценках, конечно, ожидалась ошибка, можно было надеяться, что они уравниваются друг друга и что сводные прогнозы окажутся, в среднем, приемлемыми» (Райдер, Уэстоф, 1971: 67).

Татьяна Борисовна Гудкова (tbgudkova@hse.ru), Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Россия.

Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2019 г.

Статья поступила в редакцию в ноябре 2019 г.

Несмотря на простоту, метод оказался достаточно эффективным. Тема репродуктивных предпочтений населения стала своего рода «золотым стандартом» в исследованиях рождаемости (Coombs 1979; Westoff 1990; Bongaarts 2001; Morgan 2001; Voas 2003). Изучение репродуктивных намерений быстро получило широкое распространение, в том числе и в СССР, где, начиная с 1960-х гг., было проведено большое количество таких исследований, среди них такое крупное, как опрос 300 000 женщин, проведенный в 1972 г. Отделом демографии НИИ ЦСУ СССР (Белова 1975: 44-48).

Традиция изучения репродуктивных намерений получила развитие в постсоветской России. Репродуктивные установки изучались в рамках ежегодного мониторинга (с 1991 по 2000 гг., за исключением 1993 г.) Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ) (Бодрова 1997, 1999). Вопросы о желаемом и ожидаемом числе детей были включены в программу микропереписи населения 1994 года (Борисов 1997), которая, по мнению исследователей, после опроса 1972 г. вплоть до 2000-х гг. была «единственным репрезентативным для России исследованием репродуктивных ориентаций» (Архангельский 2006). С 2004 года изучение репродуктивных установок россиян проводилось преимущественно на данных трех волн обследования «Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе» (РиДМиЖ) (Головляницина 2007; Захаров 2012, Тындик 2012), которое позволило изучить также взаимосвязь репродуктивных намерений и последующего поведения на панельных данных (Синявская, Тындик 2009).

Со времен Уэстофа и Райдера решение о рождении ребенка принято называть репродуктивным намерением (Westoff, Ryder 1977; Morgan 1985). Многие исследователи определяют репродуктивные намерения в качестве опосредующей детерминанты фактического поведения рождаемости (там же; Liefbroer 2009; Philipov 2009; Morgan, Rackin 2010; Iacovou, Tavares 2011). В научной литературе выделяют два основных вида репродуктивных намерений: желаемое число детей или желаемый размер семьи, и намерения в отношении очередного ребенка, т.е. намерения иметь (еще одного) ребенка вообще или в течение какого-то определенного времени (Balbo, Billari, Mills 2013). Первый вид репродуктивных намерений является достаточно слабым предиктором реальной рождаемости (van Peer, Rabušić 2008), так как предпочтения в отношении желаемого числа детей могут меняться в течение жизни (как в положительную, так и в отрицательную стороны). Второй же вид считается более стабильным и надежным (Philipov 2009), особенно в случае указания временных сроков (например, в течение ближайших двух или трех лет) (Balbo, Billari, Mills 2013).

Ряд исследователей также подчеркивают значимую роль в формировании репродуктивных намерений и их реализации господствующих в обществе норм, относительно размера семьи (сколько детей желательно иметь) (Caldwell 1982; Rindfuss, Morgan, Swicegood 1988; Kohler 2001). Так, на протяжении последних десятилетий социальной нормой в европейских странах, в том числе и в России, является модель двухдетной семьи (Sobotka, Beaujouan 2014; Захаров, Чурилова, Агаджанян 2016).

Репродуктивные намерения включают в себя не только число детей, но и время их появления на свет. В них находит отражение «постарение» возрастной модели рождаемости, начавшееся на Западе в 70-е годы прошлого века, а позднее

распространившееся и на Россию. Тема более позднего, отложенного родительства привлекает внимание не только исследователей, но и политических деятелей и общественного мнения. Дебаты имеют разные ракурсы, отражающие как преимущества, так и недостатки позднего родительства. Некоторые исследователи рассматривают его как положительный опыт: зрелые родители могут обеспечить детям более высокий уровень жизни и более стабильные семейные отношения, улучшая их будущие жизненные шансы (McLanahan 2004), эволюция возрастной модели рождаемости рассматривается как закономерный процесс (Захаров, Вишневецкий, Сакевич 2006; Фрейка, Захаров 2014). Позднее родительство связано с меньшей вероятностью рождения детей одинокой матерью, живущей без партнера (Schmidt et al. 2011), и с более низкой долей незапланированных беременностей и рождений (Mosher, Jones, Abma 2012). У самих матерей поздний возраст при рождении ребенка ассоциируется с хорошим здоровьем и долголетием (Jaffe et al. 2015). В то же время, отложенное родительство зачастую изображается как опасное, потенциально угрожающее здоровью матери или ребенка, либо как основная причина вынужденной бездетности (Selvaratnam 2014) и демографического кризиса (Антонов 2009). Последние опасения все чаще отражаются в дискуссиях о возрастных ограничениях в политических инициативах, направленных на информирование женщин (и мужчин) о репродуктивном старении и стимулированию их к рождению детей в более молодом возрасте.

МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Репродуктивные намерения россиян не остаются неизменными. Представленные в рамках настоящего исследования результаты получены при анализе данных двух относительно недавних обследований: «Выборочного наблюдения репродуктивных планов населения» (РПН) 2012 и 2017 г. (Выборочное наблюдение... 2012; 2017). Обследования РПН-2012 и РПН-2017, проводившиеся Росстатом во всех субъектах Российской Федерации, являются репрезентативными. Размер выборки РПН-2012 составляет 10 тыс. респондентов (женщин в возрасте 18-44 года и мужчин в возрасте 18-60 лет), РПН-2017 – 15 тыс. респондентов (каждый респондент представляет одно домохозяйство). Изучение различных аспектов репродуктивного поведения на данных обследования проводилось и ранее (Захаров, Чурилова, Агаджанян 2016; Архангельский 2018; Землянова, Чумарина 2018), однако в отличие от предшествующих исследований, в нашей работе были использованы не только данные итоговых таблиц, но и микроданные¹ двух волн обследования РПН. Репродуктивные намерения изучались на основе вопросов о желаемом и ожидаемом числе детей. Одинаковая формулировка вопросов в РПН-2012 и РПН-2017 позволила оценить значимые изменения в репродуктивных планах мужчин и женщин за период между двумя волнами обследования. Мотивы рождения еще одного ребенка и факторы откладывания рождения ребенка были изучены на данных обследования РПН-2017.

¹ Строго говоря, речь идет не о микроданных, а об агрегированных данных, размещенных на сервере Росстата с возможностью построения настраиваемых таблиц. Это, в свою очередь, наложило определенные ограничения на используемые методы анализа данных.

В дополнение к количественным оценкам были проанализированы результаты фокус-групп с женщинами репродуктивного возраста, имеющими и не имеющими детей, на тему «Установки и модели репродуктивного поведения»². Фокус-групповые дискуссии (ФГД) были проведены в 9 населенных пунктах с разной численностью/статусом и разным уровнем рождаемости: в городах Москве (город-миллионник), Воронеже (областной центр с низким уровнем рождаемости), Нижнем Новгороде (областной центр со средним уровнем рождаемости), Екатеринбурге (центр в регионе с высоким уровнем рождаемости), Тосно Ленинградской области (районный центр с низким уровнем рождаемости), Калачинск Омской области (районный центр со средним уровнем рождаемости), а также в пос. Рождественском и с. Дедилово Тульской области (сельская местность с низким уровнем рождаемости) и с. Белозерки Самарской области (сельская местность со средним уровнем рождаемости). В ФГД приняли участие женщины в возрасте от 20 до 44 лет, состоящие в отношениях с партнером, которые они считают постоянными, желающие и не желающие иметь больше детей, чем у них есть, с уровнем дохода от низкого до средневысокого. Было организовано 59 фокус-групп по 6 человек в каждой. Таким образом, общее число участников составило 354 человека.

В ходе исследования было выделено несколько подтипов целевой аудитории в зависимости от числа уже имеющихся детей, возраста, наличия или отсутствия высшего образования (ВО):

- нет детей, 20-24 года, без ВО;
- нет детей, 21-24 года, ВО;
- нет детей, 25-34 года, ВО;
- 1 ребенок, 20-24 года, без ВО;
- 1 ребенок, 21-24 года, ВО;
- 1 ребенок, 25-34 года, ВО/без ВО;
- 1 ребенок, 35-44 года, ВО;
- 2 детей, 20-29 лет, без ВО;
- 2 детей, 21-34 года, ВО;
- 2 детей, 30-44 года, без ВО;
- 2 детей, 35-44 года, ВО;
- 3 детей, 20-29 лет, ВО/без ВО.

РЕПРОДУКТИВНЫЕ УСТАНОВКИ РОССИЯН

Для определения социальной нормы относительно «рекомендуемого» размера российской семьи был использован показатель среднего желаемого числа детей, а в качестве индикатора реального «репродуктивного климата» в стране – показатель среднего ожидаемого числа детей. В таблицах 1 и 2 представлены результаты сравнения РПН-2012 и РПН-2017 по среднему желаемому и ожидаемому числу детей у женщин и мужчин в различных возрастных группах. Средние значения показателя желаемого числа детей слабо

² Исследование было проведено компанией VALIDATA по заказу НИУ ВШЭ в 2017 г.

варьировались по возрасту у женщин и мужчин в 2012 г., тогда как в 2017 г. возрастные различия стали более заметными, демонстрируя обратную U-образную зависимость: наиболее высокие оценки имеют женщины в возрасте 25-34 года и мужчины в возрасте 30-39 лет, более низкие оценки характерны для самых молодых (женщины до 25 лет, мужчины до 29 лет) и самых старших (старше 40 лет) родительских возрастов. Наибольшие гендерные различия в показателях также наблюдаются у младших и старших когорт. В средних же значениях ожидаемого числа детей можно обнаружить линейную зависимость (с небольшими отклонениями в более молодых возрастных группах): с возрастом ожидаемое число детей у женщин и мужчин уменьшается.

Таблица 1. Среднее желаемое и ожидаемое число детей у женщин разных возрастных групп в 2012 и 2017 гг.

Возраст	Желаемое число детей		Ожидаемое число детей		Разница в оценках	
	2012 (1)	2017 (2)	2012 (3)	2017 (4)	по желаемому числу детей: (2) - (1)	по ожидаемому числу детей: (4) - (3)
до 25 лет	2,21	2,03	1,93	2,00	-0,17	0,08
25-29 лет	2,30	2,17	2,03	1,99	-0,13	-0,04
30-34 лет	2,34	2,29	2,07	2,01	-0,05	-0,05
35-39 лет	2,33	2,22	1,88	1,87	-0,11	-0,01
40 лет и старше	2,25	2,03	1,58	1,71	-0,23	0,13
Все женщины в возрасте 18-44 года	2,28	2,15	1,92	1,90	-0,13*	-0,02

Источник: Расчеты автора на основе данных РПН-2012 и РПН-2017.

*Примечания: * – Различия значимы на уровне 5%.*

Для определения статистической значимости использовали двухвыборочный t-тест с различными дисперсиями.

Такая дифференциация по возрасту объясняется, во-первых, ослаблением репродуктивной функции с возрастом, во-вторых – последовательностью процесса принятия решения о рождении еще одного ребенка: оно повторно взвешивается и переоценивается после каждого рождения.

По сравнению с 2012 г. показатель среднего желаемого числа детей в 2017 г. значительно уменьшился – на 0,13 у женщин и на 0,16 у мужчин (таблицы 1, 2). Разница между средними значениями по желаемому и ожидаемому числу детей сократилась на 0,11 у женщин и 0,12 у мужчин. Значимых изменений в средних оценках ожидаемого числа детей у женщин и мужчин за пятилетний период не произошло. Наибольшая разница в средних значениях данного показателя наблюдалась у самой молодой возрастной когорты – женщин и мужчин до 25 лет, что, по-видимому, свидетельствует о тенденции к откладыванию рождений на более поздний срок.

Результаты фокус-групп подтверждают полученные результаты, свидетельствующие о том, что общие представления о «правильном» составе семьи остаются довольно стабильными – родители и двое детей:

«В основном все говорят, что двое [детей] достаточно» (30-44 года, без ВО, доход средненизкий, 2 детей. Москва);

«Мне казалось, чем больше, тем лучше. А сейчас я понимаю, что детям надо уделять внимание, любовь, оптимально это двое детей» (35-44 года, ВО, доход средневысокий, 1 ребенок. Москва);

«Есть какой-то закон, что двоих детей нужно. Навязывание общества, может быть. И я пришла к мнению, что нужен второй ребенок. Я поняла, что хочу быть мамой двоих детей» (30-39 лет, ВО/без ВО, доход низкий, 2 детей. С. Белозерки, Тульская область);

«Двое – это комплект» (25-34 года, ВО, доход средневысокий, нет детей. Воронеж).

Таблица 2. Среднее желаемое и ожидаемое число детей у мужчин разных возрастных групп в 2012 и 2017 гг.

Возраст	Желаемое число детей		Ожидаемое число детей		Разница в оценках	
	2012 (1)	2017 (2)	2012 (3)	2017 (4)	по желаемому числу детей: (2) - (1)	по ожидаемому числу детей: (4) - (3)
до 25 лет	2,14	1,94	1,93	1,85	-0,20	-0,09
25-29 лет	2,30	2,13	2,02	1,99	-0,17	-0,03
30-34 лет	2,38	2,25	2,08	2,05	-0,13	-0,04
35-39 лет	2,38	2,25	1,99	2,00	-0,14	0,02
40 лет и старше	2,31	2,15	1,82	1,78	-0,16	-0,05
Все мужчины в возрасте 18-60 лет	2,30	2,14	1,97	1,93	-0,16**	-0,04

Источник: Расчеты автора на основе данных РПН-2012 и РПН-2017.

*Примечания: ** – Различия значимы на уровне 10%.*

Для определения статистической значимости использовался двухвыборочный t-тест с различными дисперсиями.

Независимо от возраста, уровня образования и дохода, идеальным вариантом для большинства женщин, не имеющих детей либо имеющих одного ребенка, считается рождение и воспитание двух разнополых детей:

«В основном все хотят двоих разнополых детей» (20-29 лет, ВО/без ВО, доход низкий, 1 ребенок. Пос. Рождественский, Тульская область);

«Двоих, желательно разнополых» (30–44 года, ВО/без ВО, доход средний, 1 ребенок. Екатеринбург);

«Двоих, мальчик и девочка» (25-34 года. ВО, доход средневысокий, без детей. Москва);

«Тоже двое: мальчик и девочка» (25-34 года, ВО, доход средневысокий, нет детей. Нижний Новгород).

Объяснений тому несколько:

«Мальчика рожает для мужа, а дочку рожает для себя» (35-44 года, ВО, доход средневысокий, 1 ребенок. Воронеж);

«Мне кажется, интереснее, когда и мальчик, и девочка» (20–29 лет, ВО/без ВО, доход средний, 1 ребенок. Екатеринбург).

При этом восприятие «многодетности» и отношение к ней меняются в позитивную сторону: многодетность больше не ассоциируется напрямую с неблагополучными слоями населения, социальной дезадаптированностью. Третий ребенок представляется признаком благополучной и обеспеченной семьи:

«Мой молодой человек хочет семь, трое лучше для начала. Мой молодой человек один был в семье, но у него много двоюродных. Но он уже состоявшийся, у него машина, мы над этим работаем сейчас» (21-24 года, ВО, доход средневысокий, нет детей. Москва);

«Мы с мужем изначально планировали троих – надо только квартиру побольше, а так должны потянуть» (20-29 лет, ВО, средний доход, 2 детей, Москва);

«...чем больше, тем лучше, если есть финансовая возможность» (30-44 года, ВО/ без ВО, доход средний, 2 детей. С. Тосно, Ленинградская область);

«Если позволяют финансы, можно и троих, и десятерых рожать...» (20-29 лет, ВО/без ВО, доход низкий, 1 ребенок. С. Белозерки, Самарская область);

«Конечно [хочется троих детей], живем раз в жизни, почему бы не родить. Здоровья и сил хватает, хорошо зарабатываем, сейчас ипотеку доплатим, будем думать об увеличении жилплощади» (30-44 года, ВО/без ВО, доход средний, 2 детей. Калачинск, Омская область).

Рождение третьего ребенка не вызывает ни вопросов, ни удивления, когда сами супруги/партнеры выросли в многодетной семье:

«...у нас традиция, у всех по трое детей, у папы два брата. Три нормально, но это предел» (35-44 года. ВО, доход средневысокий, 1 ребенок. Москва);

«Хотелось бы много [детей], я выросла в большой семье, понимаю, что это круто и здорово» (20-29 лет, ВО/без ВО, доход низкий, 1 ребенок. Пос. Рождественский, Тульская область);

«Вообще, хорошо бы троих. Весело в семье, много. Я вообще за семейные ценности, в доме должно быть много голосов, детей. Один это несерьезно» (25-34 года, ВО, доход средневысокий, нет детей. Воронеж);

«Я хочу троих, муж – пятерых. У его мамы пятеро детей, у его сестры пятеро, у старшего брата трое, сейчас четвертым беременна. А я хочу троих. Пять слишком много, с ума сойти» (20-29 лет, ВО/без ВО, доход низкий, 2 детей. С. Дедилово Тульская область).

МОТИВЫ РОЖДЕНИЯ РЕБЕНКА

На формирование репродуктивных намерений населения оказывают влияние два вида противодействующих друг другу факторов: мотивы, побуждающие к рождению ребенка, и факторы, сдерживающие рождение ребенка, т. е. влияющие на откладывание рождения детей. В таблице 3 представлены оценки женщинами и мужчинами значимости мотивов рождения второго и третьего ребенка.

Таблица 3. Значимость мотивов рождения второго и третьего ребенка для женщин и мужчин, %

Мотивы рождения второго и третьего ребенка	Второго		Третьего	
	женщины	мужчины	женщины	мужчины
Хотелось (хочется), чтобы имеющийся ребенок не чувствовал себя одиноким	68,7	62,5	-	-
Желание супруга(и) / партнера(ши) иметь второго / третьего ребенка	58,1	61,5	48,4	48,5
Хотелось (хочется), чтобы старший(ие) ребенок / дети научился(лись) заботиться о младших	54,8	51,0	54,0	50,0
С двумя / тремя детьми больше гарантий, что получишь от детей поддержку в старости, не останешься одиноким	49,1	47,9	49,9	46,3
Желание укрепить семью	48,6	49,9	46,6	44,3
Хотелось (хочется) снова иметь в семье маленького ребенка	44,4	37,4	47,3	41,5
Желание решить жилищные проблемы, используя государственную поддержку (например, «материнский (семейный) капитал», бесплатное предоставление земельного участка)	42,1	36,1	43,9	37,0
Первый ребенок очень хотел (хочет) брата или сестру	39,2	37,6	-	-
У моих родителей или у родителей супруга(и) / партнера(ши) было двое / трое детей	38,0	36,7	23,6	22,6
Повышение уровня жизни семьи	34,9	32,8	36,0	33,7
Двое / трое детей повышают авторитет человека в обществе	26,2	27,6	25,3	26,6
Второго / третьего ребенка иметь не собирались, но когда случилась беременность, решил(а) / (решили) не делать аборт	22,4	21,8	25,1	23,5
Мы не ограничиваем число детей в семье, их должно быть столько, сколько Бог даст	22,0	21,9	27,5	28,1
У многих друзей, знакомых двое / трое детей, мне (нам) не хотелось (не хочется) от них отставать	18,7	18,4	12,5	12,2
Желание иметь ребенка другого пола, если первые двое детей одного пола	-	-	46,8	44,4
Семьи с тремя и более детьми имеют значительную материальную помощь от государства	-	-	40,4	34,0
На третьего ребенка предоставляется ежемесячная денежная выплата в размере прожиточного минимума ребенка до достижения им возраста трех лет	-	-	40,2	33,2
Трое детей в будущем смогут больше помогать по дому, в подсобном хозяйстве	-	-	39,5	38,8

Источник: Расчеты автора на основе РПН-2017.

Примечания: Респондентам необходимо было отметить по каждой строке степень влияния, где 2 – «не повлияло», а 5 – «очень сильно повлияло». В таблице представлены % выбравших варианты ответов «повлияло», «сильно повлияло» и «очень сильно повлияло».

Вопрос задавали женщинам и мужчинам, которые в блоке о желаемом либо ожидаемом числе детей указали 2 и более / 3 и более.

Результаты ранжированы по значимости мотивов рождения второго ребенка для женщин.

Прочерк – вопрос не задавался.

В качестве основного мотива для рождения второго ребенка часто указывают желание родителей избежать чувства одиночества у их ребенка. Зачастую, если женщины или их партнеры/супруги были единственным ребенком в родительской семье, то,

вспоминая свои личные переживания, будущие родители хотят, чтобы их ребенок не чувствовал себя одиноким:

«Я всегда хотела сестру, а мама сделала аборт. Я жалею. Поэтому хочу, как минимум, двоих...» (25-34 года, без ВО, средний доход, 2 детей, Москва);

«...мы единственные были в семье, один ребенок вырастает эгоистом, надо еще одного обязательно» (25-34 года, ВО, доход средневысокий, 1 ребенок. Нижний Новгород);

«Я хочу двоих детей, просила у родителей братика или сестренку – мне не подарили. Поэтому я решила, что точно будут двое – про третьего подумаю» (20-24 года, без ВО, средненизкий доход, 1 ребенок. Воронеж);

«Я одна, у меня не было братьев и сестер, хотела, чтобы было два брата, мечтала девочку на руках носить» (20-29 лет, ВО/без ВО, доход низкий, 2 детей. С. Белозерки, Самарская область).

Основной мотив для рождения третьего ребенка - желание родителей, чтобы их старшие дети научились заботиться о младших. Высокую значимость данный мотив имеет и при рождении второго ребенка, так как родители опасаются, что их ребенок может вырасти эгоистом:

«...не хочу, чтобы дочка эгоисткой росла, вообще, спокойнее, когда у тебя двое детей» (35-44 года. ВО, доход средневысокий, 1 ребенок. Москва);

«У меня программа висела – мальчик и девочка. На второго дедушка подтолкнул – сказал один ребенок будет эгоистом...» (30-44 года, без ВО, средний доход, 2 детей. Москва).

Не менее значимым мотивом для рождения как второго, так и третьего ребенка является желание супруга(и)/партнера иметь еще одного ребенка другого пола, что также подтверждается участницами фокус-групп:

«Хотелось сына для папы, брата для дочки» (30-39 лет, ВО/без ВО, доход низкий, 2 детей. С. Белозерки, Самарская область);

«Двоих [планировали]. У меня до последнего была надежда, что девочка и мальчик у меня, а родились две девочки, решили третьего, мужу ведь надо» (20-29 лет, ВО/без ВО, доход средний, 3 детей. Калачинск, Омская область).

Немаловажным мотивом для рождения большего числа детей служат своеобразные «гарантии» поддержки от детей в старости, подкрепленные опытом своих родителей:

«...многодетной матери тем хорошо, что та девочка позвонит, та позвонит, они соберутся. Они становятся, как маленькая семья, маленькая республика» (30-39 лет, ВО/без ВО, доход низкий, 2 детей. С. Белозерки, Самарская область).

Во многих семьях рождение еще одного ребенка оказывает укрепляющее воздействие на семью. Неспроста при заключении нового брака супруги часто решают завести еще одного (общего) ребенка:

«...все мужчины хотят совместных детей» (30-39 лет, ВО/без ВО, доход низкий, 2 детей. С. Дедилово, Тульская обл.);

«Я думала, что будет только один [ребенок], прожила 6 лет со вторым мужем, получился еще один» (30-39 лет, ВО/без ВО, доход низкий, 2 детей. С. Белозерки, Самарская область).

Появление в семье маленького ребенка – это большая радость для родителей, особенно, когда старшие дети уже выросли:

«Он вырастет, будет большой, захочется еще ребеночка» (20–29, ВО/без ВО, доход средний, 1 ребенок. Екатеринбург).

Желание первого ребенка иметь брата или сестру также учитывается родителями при рождении второго ребенка:

«24 года, дочке 2 и 10, в будущем планируем еще ребенка, дочка просит» (20-29 лет, ВО/без ВО, доход низкий, 1 ребенок. С. Дедилово, Тульская область);

«...Я и для сына хотела братика или сестру, он тоже просит» (30-39, ВО/без ВО, доход низкий, 1 ребенок. С. Белозерки, Самарская область).

При этом, если у родителей женщины было больше двух детей, то это тоже является одним из мотивов рождения еще одного ребенка:

«У меня две сестры, я не представляю, как это быть одной в семье» (21-24 года, ВО, доход средневысокий, нет детей. Москва);

«Я после первого останавливаться не стала. Мальчик еще нужен. У нас у отца так заведено, что две девочки и мальчик. И надо же кому-то бизнес передать» (30-44 года, без ВО, средненизкий доход, 2 детей. Воронеж).

При планировании рождения еще одного ребенка родители также оценивают свои материальные возможности, и поддержка со стороны государства в этом случае играет немаловажную роль, особенно в случае рождения третьего ребенка (таблица 3).

Обращает на себя внимание тот факт, что появлению очередного ребенка в семье не всегда предшествует обдуманное мотивированное решение: нередко респонденты рассуждают о рождении детей, как о «даре свыше»:

«Если Бог даст, будет и семеро, я против аборт и бросания детей. Но я думаю, что будет один, хотя у меня есть сестра, я ее очень люблю, мы друг за друга горой» (20-24, без ВО, доход средний, нет детей. С. Госно, Ленинградская область);

«Если Бог даст, я ни одного аборта не делала, оставлю» (30-39, ВО/без ВО, доход низкий, 2 детей. С. Дедилово, Тульская область);

«Последнего как рожала, пока больше не хочу, Бог даст, будет третий» (30-44, ВО/без ВО, доход средний, 2 детей. Калачинск, Омская область);

«У русских поговорка: «Бог дал ребенка, Бог даст и на ребенка». По себе могу сказать так, я рожала, ничего не было, только мои родители» (30–44, ВО/без ВО, доход средний, 1 ребенок. Екатеринбург);

«Как Бог даст. Если будет, будет» (20-29 лет, ВО/без ВО, доход низкий, 1-2 ребенка. С. Белозерки, Самарская область);

«Если Бог даст, не буду отказываться. И в 45 родим, что делать» (35-44, ВО, доход средневысокий, 1 ребенок. Воронеж).

Однако нельзя не учитывать значимость еще одного мотива для рождения большего числа детей: это сильное желание женщины иметь ребенка от «своего» мужчины. Количественные исследования не могут его выявить, в то время как в качественных исследованиях он отмечается:

«Нельзя захотеть ребенка просто так, ниоткуда. Появляется мужчина в твоей жизни, и ты именно конкретно от этого человека хочешь...» (25-34 лет, ВО, средневысокий, нет детей. Воронеж);

«... я всю голову ему [мужу] забила, хочу-хочу бэбика, на мозги капала-капала. Теперь девочку, чтобы не скучно» (21-24 года, ВО, средневысокий, 2 детей. Воронеж).

СДЕРЖИВАЮЩИЕ ФАКТОРЫ РОЖДЕНИЯ РЕБЕНКА

Сдерживающие факторы или факторы откладывания рождения ребенка, на которые указывают участники опросов и фокус-групп, можно разделить на социально-экономические, связанные с благосостоянием семьи, ее материальными и социальными возможностями, и социально-психологические, связанные с представлениями о семейных и родительских ролях и жизненных этапах.

При принятии решения о рождении ребенка российские женщины и мужчины, как видно из таблицы 4, учитывают разные факторы, среди которых преобладают социально-экономические.

Подтверждают и приоритет факторов, связанных с благосостоянием семьи, ее материальными, социальными возможностями, жилищной обеспеченностью, причем как для бездетных, так и имеющих детей, и результаты фокус-групповых дискуссий:

«Мы живем на съемной квартире, пока не построится дом. Это главная причина, что скоро детей не будет» (20-24 года, студентка, доход средний, нет детей. Тосно, Ленинградская область);

«Хочется пока встать на ноги в плане материальном» (25-34 года, ВО, доход средневысокий, нет детей. Нижний Новгород);

«У гражданского мужа не очень большой заработок, а у нас еще ипотека, хочется сначала ее выплатить, потом беременеть» (35-44 года, ВО, доход средневысокий, 1 ребенок. Москва);

«Мне хотелось рожать второго, но у нас ипотека была, он сказал, я не смогу, не потяну» (35-44 года, ВО, доход средневысокий, 1 ребенок. Воронеж);

«У меня от денег зависит, если первые двое будут хорошо пристроены, бюджет будет позволять, тогда третьего» (20–29 лет, ВО/без ВО, доход средний, 1 ребенок. Екатеринбург);

«Если еще одного. В наше время сейчас сами видите, стоимость одежды, питания, коммунальные, сейчас садики и школы, все платное, садик стоит 2000, если месяц ходить. И жилплощадь надо увеличить, я не хочу, чтобы они в одной комнате ютились» (30-44 года, ВО/без ВО, доход средний, 2 детей. Калачинск, Омская область);

«Нет, не потяну по финансам. Это очень дорогое удовольствие. Дети подрастают, сейчас учеба платная будет, куда там третьего» (30-39 лет, ВО/без ВО, доход низкий, 2 детей. С. Дедилово, Тульская область);

«Изначально планировали с мужем троих, сначала всех подряд хотела, но у нас сейчас с жильем проблема, наша квартира маленькая для троих детей» (20-29 лет, без ВО, доход средненизкий, 2 детей. Москва).

Что касается социально-психологических факторов, то наиболее важными для российских женщин и мужчин являются желание пожить для себя и отсутствие партнеров/супругов. Наибольшие гендерные различия в оценках степени влияния социально-психологическим факторов на откладывание рождения наблюдаются в желании супруга(и) подождать с рождением ребенка, в неуверенности женщин и мужчин относительно прочности брака/партнерства (таблица 4). Так, в первом случае оценки выше у мужчин, чем у женщин, а во втором случае – наоборот.

Согласно полученным результатам фокус-групп, социально-психологические барьеры у женщин варьируются в зависимости от наличия детей. Барьеры для рождения первого ребенка часто основаны на ощущениях неготовности к появлению детей в семье (и материальной, и психологической), неуверенности в партнерских отношениях:

«Не чувствую уверенности в себе. Как-то внутренне не готова пока назвать себя мамой. Не ощущаю поддержки со стороны мужа, чтобы он говорил: «Хочу, давай». Хочется пока встать на ноги в плане материальном» (25-34 года, ВО, доход средневысокий, нет детей. Нижний Новгород).

«Мне кажется, сложно одного поднять. Воспитать, материальная часть очень важна. Квартиру оставить, чтобы он не с нами жил. Душевная и материальная часть. Для меня кажется сложновато воспитать целого человека...» (25-34 года, ВО, доход средневысокий, нет детей. Москва).

Барьеры для рождения второго и третьего ребенка более конкретные и прагматичные, основанные на опыте воспитания и ухода за старшим ребенком (детьми):

«...Для меня долгожданный ребенок, тяжелый ребенок, беременность, роды тяжелые, на второго не решусь» (20-29 лет, ВО/без ВО, доход низкий, 1 ребенок. с. Белозерки, Самарская область).

«Времени не хватает. Каждому ребенку надо уделять время... Одному уделяешь время, второму, сколько остается, а третьему тем более» (30-44 года, без ВО, доход средненизкий, 2 детей. Нижний Новгород).

Таблица 4. Факторы откладывания рождения ребенка

Факторы, влияющие на откладывание рождения детей	Женщины	Мужчины
Пока не позволяют материальные возможности	73,4	70,2
Необходимо найти более высоко оплачиваемую работу	65,8	69,4
Жилищные трудности, отсутствие собственного жилья	57,9	55,9
Хочется хоть какое-то время пожить для себя	48,9	51,4
Отсутствие супруга(ги) / партнера(ши)	48,7	48,2
Мне (супругу(е) / партнеру(ше)) трудно совмещать работу и уход за ребенком	36,2	33,1
Муж (жена) пока хочет подождать с рождением ребенка	35,5	41,8
Не уверен(а) в прочности брака / партнерства	32,2	27,1
Необходимость выплачивать кредиты, которые не позволяют мне супругу(е) / партнеру(ше) хотя бы на время оставить работу	31,3	30,4
Трудно устроить ребенка в дошкольную образовательную организацию	29,5	26,3
Нет надежды на то, что родственники смогут оказывать регулярную помощь в уходе за ребенком (или родственников нет)	29,0	23,9
Нет твердой уверенности в том, что мне / нам нужен еще ребенок	28,7	29,0
Младший ребенок пока слишком маленький	27,7	24,1
Нужно закончить образование	27,1	21,1
Не хочу (супруг(а) / партнер(ша) не хочет) оставлять работу хотя бы на время, стремлюсь (он / она стремится) к карьерному росту	26,7	27,0
Там, где я живу, нет благоприятных условий, облегчающих уход за ребенком (мало хороших магазинов, плохо развито медицинское и бытовое обслуживание, нерегулярно работает транспорт и т.д.)	23,6	22,2
Пока не позволяет состояние здоровья супруга(ги) / партнера(ши)	11,0	11,4

Источник: Расчеты автора на основе РПН-2017.

Примечания: Респондентам необходимо было отметить по каждой строке степень влияния, где 2 – «не влияет», а 5 – «очень сильно влияет». В таблице представлены % выбравших варианты ответов «влияет», «сильно влияет» и «очень сильно влияет».

Вопрос задавали женщинам и мужчинам, которые на вопрос «Собираетесь ли Вы иметь ребенка (первого, если нет детей, или еще одного)?» ответили «да, но позже, пока откладываю/ем».

Результаты ранжированы по наибольшему влиянию факторов для женщин.

Цветом выделены наиболее сильные расхождения в оценках мужчин и женщин.

Женщины, уже имеющие детей, более сознательно подходят к рождению еще одного, у них больше социально-психологических барьеров и сложностей. Они опасаются, что будут слишком уставать, что их будет «не хватать» морально и физически на двух или трех детей, одновременно им кажется проблемным совмещение занятости и воспитания:

«Во-первых, не готова морально. Еще поработать хочу, полгода, как работаю, с таким трудом вырвалась на работу. Я уже мечтала, когда смогу вырваться из дома, для меня сидеть дома это что-то невероятное...» (20-29 лет, ВО/ без ВО, доход средний, 1 ребенок, Тосно, Ленинградская область);

«Если вдруг получится, ребенок родится, но психика моя не может представить, что у меня три ребенка, как у Анны Савушкиной, она в сад то за одним, то за вторым бегаёт, у

нее самой психика не выдерживает, я видела ее состояние» (20-29 лет, ВО/без ВО, доход низкий, 2 детей. С. Дедилово, Тульская область).

Достаточно важным является комплекс барьеров, связанный с ожиданиями от партнера/супруга и его ролью, опасения, что он не вполне справится со своей главной обязанностью «обеспечивать семью» или не вполне «морально готов» быть отцом:

«Я мечтала пять лет о ребенке, но муж все нет» (20-29 лет, ВО/без ВО, доход низкий, 1 ребенок. С. Белозерки, Самарская область);

«Я готова была к рождению ребенка, пока мы жили в гражданском браке, а муж пока не созрел, хотя мы одного возраста» (30–44 года, ВО/без ВО, доход средний, 1 ребенок. Екатеринбург);

«У меня муж еще к первому ребенку не [был] готов. Но сейчас такие мужчины пошли, что ждать от них решения [родить] ребенка – будет демографический кризис, они не готовы к детям как таковым, особенно более одного, к двум. Редкий мужчина скажет, что он хочет пятерых, он готов» (30-44 года, без ВО, доход средневысокий, 2 детей. Нижний Новгород);

«Они [мужья] считают, что детей нужно воспитать, дать то и то, я согласна с этим. И троих перебор, двоих бы на ноги поставить, на троих не хватит уже» (20-29 лет, без ВО, доход средненизкий, 2 детей. Москва).

Негативное влияние на реализацию репродуктивных намерений российских женщин и мужчин может оказать такой фактор, как отсутствие помощи и поддержки со стороны родственников, в первую очередь – родителей:

«...постоянно упрасивать кого-то посидеть, бабушку и дедушку, все это классно, они любят внуков, но сейчас такое поколение бабушек и дедушек, что они хотят жить для себя, если рожаете, рожайте для себя. И в выходные в обязаловку посидеть мало кто захочет» (20-24 лет, студентка, доход средний, нет детей. Тосно, Ленинградская область).

Это подтверждают и количественные оценки: практически для каждой третьей женщины и каждого четвертого мужчины то, что родственники не могут оказывать регулярную помощь в уходе за ребенком (или родственников нет), является значимым фактором откладывания рождения детей (таблица 4).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На основании полученных количественных и качественных оценок можно говорить, что социальная норма относительно «правильного» размера российской семьи остается достаточно стабильной: в среднем женщины и мужчины желают иметь двух детей. Это в очередной раз подтверждает гипотезу, что двухдетность является общей нормой в развитых странах, в первую очередь европейских (Sobotka, Beaujouan 2014). Среднее ожидаемое число детей у российских женщин и мужчин тоже остается на уровне, близком к двум. При этом в обществе увеличивается поляризация между теми, кто намерен иметь только одного ребенка, и теми, кто хочет и планирует иметь большую (многодетную)

семью. В первом случае аргументы приводятся в пользу качества отношений «родитель-ребенок» и больших инвестиций (как материальных, так и духовных) в человеческий капитал ребенка. Во втором случае – это большая дружная семья, семейные ценности и в будущем благополучная старость. Следует отметить, что результаты фокус-групп зафиксировали, по крайней мере, на вербальном уровне, позитивные изменения в восприятии многодетной семьи и отношении к ней: третий ребенок представляется признаком благополучной и обеспеченной семьи.

Главными мотивами для рождения большего числа детей является стремление родителей к тому, чтобы их дети не чувствовали себя одинокими и научились заботиться о младших (не выросли эгоистами), что обеспечивает, по мнению родителей, больше гарантий получения поддержки от детей в старости. Не менее важные мотивы - намерение респондентов укрепить семью и желание со стороны их супругов/партнеров иметь еще одного ребенка. Материальные возможности и поддержка со стороны государства также играют немаловажную роль при планировании рождения еще одного ребенка (особенно третьего).

На репродуктивные намерения российских женщин и мужчин, судя по их ответам, в первую очередь, оказывают влияние социально-экономические факторы, связанные с благосостоянием семьи, ее материальными и социальными возможностями, жилищной обеспеченностью. При этом необходимо учитывать, что решение о рождении ребенка принимают оба супруга/партнера, и если нет уверенности в прочности брака /партнерства, или хотя бы один из супругов/партнеров морально, физически либо материально не готов к появлению (еще одного) ребенка в семье, то это также становится важным фактором откладывания рождений.

ЛИТЕРАТУРА

- Андреев Е.М., Бондарская Г.А. (2000). Можно ли использовать данные об ожидаемом числе детей в прогнозе численности населения? *Вопросы статистики*, 11, 56-62.
- Антонов А.И. (2009). Падение рождаемости, кризис семьи и неизбежность депопуляции в Европе в первой половине XXI века (социологический подход). *Демографические исследования*, 6, 3-5.
- Архангельский В. Н. (2006). Факторы рождаемости. М.: ТЕИС.
- Архангельский В. Н. (2018). Рождаемость и репродуктивное поведение в России период активизации поддержки семей с детьми // Демографическая и семейная политика в контексте целей устойчивого развития. Сборник статей IX Уральского демографического форума, Том 1. Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 7-25.
- Белова В.А. (1975). Число детей в семье. М.: Статистика.
- Бодрова В. (1997). Репродуктивные ориентации населения России. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, (3), 44-47.
- Бодрова В. (1999). Репродуктивные установки россиян как барометр социально-экономических процессов. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, 4 (42), 35-41.

- Борисов В.А. (1997). Желаемое число детей в российских семьях по данным микропереписи населения России 1994 года. *Вестник Московского университета. Социология и политология*, 18 (2), 29-64.
- Выборочное наблюдение репродуктивных планов населения (2012). Федеральная служба государственной статистики. URL: https://www.gks.ru/free_doc/new_site/RPN/Publisher/index.html (данные загружены 26.10.2019).
- Выборочное наблюдение репродуктивных планов населения (2017). Федеральная служба государственной статистики. URL: https://www.gks.ru/free_doc/new_site/RPN17/index.html (данные загружены 26.10.2019).
- Головляницина Е.Б. (2007). Роль социально-психологических факторов в репродуктивных намерениях. В Т. М. Малева, О. В. Синявская (Ред.) *Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе*, Вып. 1. М.: НИСП, 217-250.
- Захаров С., Чурилова Е., Агаджанян В. (2016). Рождаемость в повторных союзах в России: позволяет ли вступление в новый супружеский союз достичь идеала двухдетной семьи? *Демографическое обозрение*, 3 (1), 35-51.
- Захаров С. В., Вишневский А. Г., Сакевич В. И. (2006). Часть 3. Модернизация рождаемости. В А.Г. Вишневский (Ред.). *Демографическая модернизация России, 1900-2000*. М.: Новое издательство, 149-254.
- Захаров С.В. (2012). Какой будет рождаемость в России? *Демоскоп Weekly*, 23, 495-497.
- Землянова Е.В., Чумарина В.Ж. (2018). Откладывание деторождения российскими женщинами в современных социально-экономических условиях. *Социальные аспекты здоровья населения*, 64(6). URL: <http://vestnik.mednet.ru/content/view/1031/30/lang,ru/> (дата обращения 10.12.2019).
- Райдер Н., Уэстоф Ч. (1971). Тенденции изменения ожидаемого числа детей в США: 1955, 1960, 1965 гг. В А.Г. Волков и Л.Е. Дарский (Ред.), *Изучение мнений о величине семьи*. М.: Статистика, 67-92.
- Синявская О.В., Тындик А.О. (2009). Рождаемость в современной России: от планов к действиям? В Т. М. Малева, О. В. Синявская (Ред.) *Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе*, Вып. 2. М.: НИСП, 9-44.
- Тындик А.О. (2012). Репродуктивные установки и их реализация в современной России. *Журнал исследований социальной политики*, 10 (3), 361-376.
- Фрейка Т., Захаров С. В. (2014). Эволюция рождаемости за последние полвека в России: оптика условных и реальных поколений. *Демографическое обозрение*, 1 (1), 106-143.
- Balbo N., Billari F.C., Mills M. (2013). Fertility in advanced societies: A review of research. *European Journal of Population/Revue européenne de Démographie*, 29 (1), 1-38.
- Bongaarts J. (2001). Fertility and reproductive preferences in post-transitional societies. *Population and Development Review*, 27, 260-281.
- Caldwell J.C. (1982). *Theory of Fertility Decline*. London: Academic Press.
- Coombs L.C. (1979). Reproductive goals and achieved fertility: A fifteen-year perspective. *Demography*, 16 (4), 523-534.
- Iacovou M., Tavares L.P. (2011). Yearning, learning, and conceding: Reasons men and women change their childbearing intentions. *Population and development review*, 37 (1), 89-123.

- Jaffe D., Kogan L., Manor O., Gielchinsky Y., Dior U., Laufer N. (2015). Influence of late-age births on maternal longevity. *Annals of epidemiology*, 25 (6), 387-391.
- Kohler H.-P. (2001). *Fertility and Social Interactions: An Economic Perspective*. Oxford: Oxford University Press.
- Liefbroer A.C. (2009). Changes in family size intentions across young adulthood: A life-course perspective. *European Journal of Population/Revue européenne de Démographie*, 25 (4), 363-386.
- McLanahan S. (2004). Diverging destinies: How children are faring under the second demographic transition. *Demography*, 41 (4), 607-627.
- Morgan S.P. (1985). Individual and couple intentions for more children: A research note. *Demography*, 22 (1), 125-132.
- Morgan S.P. (2001). Should fertility intentions inform fertility forecasts. In *The Direction of Fertility in the United States* (pp. 153-165). U.S. Census Bureau Conference.
- Morgan S.P., Rackin H. (2010). The correspondence between fertility intentions and behavior in the United States. *Population and Development Review*, 36 (1), 91-118.
- Mosher W.D., Jones J., Abma J.C. (2012). Intended and Unintended Births in the United States: 1982–2010. *National Health Statistics Reports* 55, July 2012.
- Philipov D. (2009). Fertility intentions and outcomes: the role of policies to close the gap. *European Journal of Population/Revue européenne de Démographie*, 25 (4), 355.
- Rindfuss R. R., Morgan S.P., Swicegood G. (1988). *First Births in America: Changes in the Timing of Parenthood*. Berkeley: University of California Press.
- Selvaratnam T. (2014). *The Big Lie: Motherhood, Feminism, and the Reality of the Biological Clock*. Amherst, NY: Prometheus Books.
- Sobotka T., Beaujouan É. (2014). Two Is best? The persistence of a two-child family ideal in Europe. *Population and Development Review*, 40 (3), 391-419.
- Schmidt L., Sobotka T., Bentzen J.G., Nyboe Andersen A. (2011). Demographic and medical consequences of the postponement of parenthood. *Human Reproduction Update*, 18, (1), 29-43.
- van Peer C., Rabušić L. (2008). Will we Witness an Upturn in European Fertility in the Near Future? In *People, Population Change and Policies* (pp. 215-241). Springer, Dordrecht.
- Voas D. (2003). Conflicting preferences: a reason fertility tends to be too high or too low. *Population and Development Review*, 29 (4), 627-646.
- Westoff C.F. (1990). Reproductive intentions and fertility rates. *International Family Planning Perspectives*, 16 (3), 84-96.
- Westoff C.F., Ryder N.B. (1977). The predictive validity of reproductive intentions. *Demography*, 14 (4), 431-453.

FERTILITY INTENTIONS IN RUSSIA: MOTIVATION AND CONSTRAINTS

TATIANA GUDKOVA

This article examines the role of the various factors that influence the decision to have a child. The focus is on the reasons for deciding to have or not to have a (another) child and the socio-economic and socio-psychological factors influencing the postponement of childbearing.

A quantitative and qualitative assessment suggests that the desired family size in Russia remains relatively stable: women and men desire, on average, two children. The expected family size among Russian women and men also remains high, on average, nearly two children. The data of focus groups revealed an increasing polarization between those who intend to have only one child and those who intend to have a large family.

The study identified the main motivations to have another child - parents want their children not to feel lonely and to learn to care for the younger children. This provides, according to parents, more guarantees of support from children in old age. No less important are the intentions of men and women to strengthen their families and the desire of the spouse / partner to have another child. A family's economic and social capabilities and support from the government are essential in realizing fertility intentions. Socio-psychological factors, such as marital/ partnership instability and unwillingness of a spouse / partner to have a (another) child, have a key impact on the postponement of childbearing.

Key words: *fertility, fertility intentions, expected family size, desired family size, large family, childbearing motivations, postponement of childbearing, Russia.*

TATIANA GUDKOVA (tbgudkova@hse.ru), NATIONAL RESEARCH UNIVERSITY HIGHER SCHOOL OF ECONOMICS, RUSSIA.

THIS ARTICLE IS AN OUTPUT OF A RESEARCH PROJECT IMPLEMENTED AS PART OF THE BASIC RESEARCH PROGRAM AT THE NATIONAL RESEARCH UNIVERSITY HIGHER SCHOOL OF ECONOMICS (HSE UNIVERSITY).

DATE RECEIVED: NOVEMBER 2019.

REFERENCES

- Andreev E.M., Bondarskaya G.A. (2000). *Mozhno li ispol'zovat' dannyye ob ozhidayemom chisle detey v prognoze chislennosti naseleniya? [Is it possible to use data on expected number of children at the population forecasting?]. Voprosy Statistiki*, 11, 56-62. (In Russ.).
- Antonov A.I. (2009). *Padeniye rozhdayemosti, krizis sem'i i neizbezhnost' depopulyatsii v Evrope v pervoy polovine 21 veka (sotsiologicheskij podkhod) [Fertility decline, family crisis, and inevitability of depopulation in Europe in the first half of the 21st century (sociological approach)]. Demographic studies*, 6, 3-5. (In Russ.).
- Arkhangelskiy V.N. (2006). *Faktory rozhdayemosti [Fertility factors]. M.: TEIS* (In Russ.)
- Arkhangelskiy V.N. (2018). *Rozhdayemost' i reproduktivnoye povedeniye v Rossii period aktivizatsii podderzhki semey s det'mi [Fertility and reproductive behavior in Russia in the period of activating the support of families with children] // Demograficheskaya i semeynaya politika v kontekste tseley ustoychivogo razvitiya. Sbornik statey IX Ural'skogo demograficheskogo foruma, Vol. 1. Yekaterinburg: Institut ekonomiki UrO RAN* (In Russ.)
- Balbo N., Billari F.C., Mills M. (2013). *Fertility in advanced societies: A review of research. European Journal of Population/Revue européenne de Démographie*, 29 (1), 1-38.

- Belova V.A. (1975). Chislo detey v sem'ye [The number of children in the family]. M.: Statistika. (In Russ.).
- Bodrova V. (1997). Reproduktivnyye orientatsii naseleniya Rossii [Reproductive orientations of Russia's Population]. *Monitoring of public opinion: economic and social changes*, (3), 44-47. (In Russ.).
- Bodrova V. (1999). Reproduktivnyye ustanovki rossiyan kak barometr sotsial'no-ekonomicheskikh protsessov [Reproductive attitudes of Russian citizens as a barometer of socio-economic processes]. *Monitoring of public opinion: economic and social changes*, 4 (42), 35-41. (In Russ.).
- Bongaarts J. (2001). Fertility and reproductive preferences in post-transitional societies. *Population and Development Review*, 27, 260-281.
- Borisov V.A. (1997). Zhelayemoye chislo detey v rossiyskikh sem'yakh po dannym mikroperepisi naseleniya Rossii 1994 goda [The desired number of children in Russian families on data microcensus 1994]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Sotsiologiya i politologiya*, 18 (2), 29-64. (In Russ.).
- Caldwell J.C. (1982). *Theory of Fertility Decline*. London: Academic Press.
- Coombs L.C. (1979). Reproductive goals and achieved fertility: A fifteen-year perspective. *Demography*, 16 (4), 523-534.
- Frejka T., Zakharov S. (2014). Evolyutsiya rozhdayemosti v Rossii za polveka: optika uslovykh i real'nykh pokoleniy [Fertility trends in Russia during the past half century: period and cohort perspectives]. *Demographic Review*, 1(1), 106-143. (In Russ.).
- Golovyanitsina E.B. (2007). Rol' sotsial'no-psikhologicheskikh faktorov v reproduktivnykh namereniyakh [The role of socio-psychological factors in reproductive intentions]. In T. M. Maleva, O. V. Sinyavskaya (Eds.) *Roditeli i deti, muzhchiny i zhenshchiny v sem'ye i obshchestve [Parents and children, men and women in the family and society]*, Vol. 1. M.: NISP, 217-250. (In Russ.).
- Iacovou M., Tavares L.P. (2011). Yearning, learning, and conceding: Reasons men and women change their childbearing intentions. *Population and development review*, 37 (1), 89-123.
- Jaffe D., Kogan L., Manor O., Gielchinsky Y., Dior U., Laufer N. (2015). Influence of late-age births on maternal longevity. *Annals of epidemiology*, 25 (6), 387-391.
- Kohler H.-P. (2001). *Fertility and social interactions: An economic perspective*. Oxford: Oxford University Press.
- Liefbroer A.C. (2009). Changes in family size intentions across young adulthood: A life-course perspective. *European Journal of Population/Revue européenne de Démographie*, 25 (4), 363-386.
- McLanahan S. (2004). Diverging destinies: How children are faring under the second demographic transition. *Demography*, 41 (4), 607-627.
- Morgan S.P. (1985). Individual and couple intentions for more children: A research note. *Demography*, 22 (1), 125-132.
- Morgan S.P. (2001). Should fertility intentions inform fertility forecasts. In *The Direction of Fertility in the United States* (pp. 153-165). U.S. Census Bureau Conference.
- Morgan S.P., Rackin H. (2010). The correspondence between fertility intentions and behavior in the United States. *Population and Development Review*, 36 (1), 91-118.

- Mosher W.D., Jones J., Abma J.C. (2012). Intended and Unintended Births in the United States: 1982–2010. *National Health Statistics Reports* 55, July 2012.
- Philipov D. (2009). Fertility intentions and outcomes: the role of policies to close the gap. *European Journal of Population/Revue européenne de Démographie*, 25 (4), 355.
- Ryder, N.B., Westoff, C.F. (1967). The trend of expected parity in the United States: 1955, 1960, 1965. *Population Index*, 153-168.
- Rindfuss R. R., Morgan S.P., Swicegood G. (1988). *First Births in America: Changes in the Timing of Parenthood*. Berkeley: University of California Press.
- Schmidt L., Sobotka T., Bentzen J.G., Nyboe Andersen A. (2011). Demographic and medical consequences of the postponement of parenthood. *Human Reproduction Update*, 18, (1), 29-43.
- Selvaratnam T. (2014). *The Big Lie: Motherhood, Feminism, and the Reality of the Biological Clock*. Amherst, NY: Prometheus Books.
- Sinyavskaya O.V., Tyndik A.O. (2009). Rozhdayemost' v sovremennoy Rossii: ot planov k deystviyam? In T.M. Maleva, O.V. Sinyavskaya (Eds.) *Roditeli i deti, muzhchiny i zhenshchiny v sem'ye i obshchestve [Parents and children, men and women in the family and society]*, Vol. 2. M.: NISP, 9-44.
- Sobotka T., Beaujouan É. (2014). Two Is best? The persistence of a two-child family ideal in Europe. *Population and Development Review*, 40 (3), 391-419.
- Tyndik A.O. (2012). Reproductivnyye ustanovki i ikh realizatsiya v sovremennoy Rossii [Reproductive attitudes and their realization in modern Russia]. *The Journal of Social Policy Studies*, 10 (3), 361-376.
- van Peer C., Rabušić L. (2008). Will we Witness an Upturn in European Fertility in the Near Future? In *People, Population Change and Policies* (pp. 215-241). Springer, Dordrecht.
- Voas D. (2003). Conflicting preferences: a reason fertility tends to be too high or too low. *Population and Development Review*, 29 (4), 627-646.
- Vyborochnot nabludenit reproductivnykh planov naselenia (2012) [The sample survey of the reproductive plans of population]. Federalnaya sluzhba gosudarstvennoi statistiki. URL: https://www.gks.ru/free_doc/new_site/RPN/Publisher/index.html (data downloaded on 29.11.2019). (In Russ.).
- Vyborochnot nabludenit reproductivnykh planov naselenia (2017) [The sample survey of the reproductive plans of population]. Federalnaya sluzhba gosudarstvennoi statistiki. URL: https://www.gks.ru/free_doc/new_site/RPN17/index.html (data downloaded on 29.11.2019). (In Russ.).
- Westoff C.F. (1990). Reproductive intentions and fertility rates. *International Family Planning Perspectives*, 16 (3), 84-96.
- Westoff C.F., Ryder N.B. (1977). The predictive validity of reproductive intentions. *Demography*, 14 (4), 431-453.
- Zakharov S., Churilova E., Agadjanian V. (2016). Rozhdayemost' v povtornykh soyuzakh v Rossii: pozvolyayet li vstupeniye v novyy supruzheskiy soyuz dostich' ideala dvukhdetnoy sem'i? [Fertility in higher-order marital unions in Russia: does a new partnership allow for the realization of the two-child ideal?]. *Demographic Review*, 3 (1), 35-51. (In Russ.).
- Zakharov S.V., A.G. Vishnevsky, V.I. Sakevich (2006). Chast' 3. Modernizatsia rozhdaemosti [Part 3. Modernization of fertility] In A.G. Vishnevsky (ed.), *Demograficheskaya*

modernizatsiia Rossii, 1900-2000 [Demographic modernization of Russia] (pp. 149-254). Moscow: Novoe izdatel'stvo. (In Russ.).

Zakharov S.V. (2012). Kakoy budet rozhdayemost' v Rossii? [What will be fertility in Russia?]. *Demoscope weekly*, 23, 495-497.

Zemlyanova E.V., Chumarina V.Zh. (2018). Otkladyvaniye detorozhdeniya rossiyskimi zhenshchinami v sovremennykh sotsial'no-ekonomicheskikh usloviyakh. [Births' postponement by women in Russia within modern socio-economic context]. *Sotsial'nyye aspekty zdorov'ya naseleniya*, 64(6). URL: <http://vestnik.mednet.ru/content/view/1031/30/lang.ru/> (accessed 10.12.2019).

РАСОВОЕ ПРОФИЛИРОВАНИЕ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ИССЛЕДОВАНИЙ

КСЕНИЯ ГРИГОРЬЕВА

Немногочисленные исследования расового профилирования в России подтвердили существование этой проблемы. Однако её разработка, начатая в середине 2000-х годов, до настоящего времени продвинулась незначительно. Русскоязычный читатель практически не знаком с теоретическими и методологическими подходами к изучению расового профилирования, разработанными за рубежом. Эта статья призвана восполнить недостаток информации о зарубежных исследованиях расового профилирования и является первым обзором литературы по этой теме на русском языке. В статье рассматривается история изучения расовой дискриминации в системе уголовного правосудия в англоязычном научном мире, анализируется выделение расового профилирования в отдельную область исследований в начале 1990-х годов и её дальнейшее развитие в 2000-х годах. Представлены основные методологические подходы к изучению расового профилирования, их возможности и ограничения. Рассмотрены ключевые теоретические подходы к пониманию расового неравенства в правоохранительной деятельности. В заключение с учетом накопленного опыта приводится ряд рекомендаций по планированию будущих исследований. Обращается внимание на необходимость более четкого разграничения между преднамеренным расовым профилированием, санкционированным государством; политикой отдельных полицейских управлений; личной инициативой сотрудников полиции и статистической дискриминацией, отражающей социальное неравенство. При проведении количественных исследований рекомендуется использовать несколько источников данных и несколько аналитических методов. Подчеркивается необходимость избегать поспешности и предвзятости в выводах. При интерпретации полученных эмпирических данных рекомендуется учитывать все возможные концептуальные объяснения, включая расово нейтральные.

Ключевые слова: расовая дискриминация, уголовная юстиция, расовое профилирование, проблема знаменателя, индивидуальная и институциональная расовая предвзятость, осознанные и неосознанные расовые предрассудки.

Расовая дискриминация в правоохранительной системе – международно признанная проблема, привлекающая внимание исследователей по всему миру в течение многих лет. Расовое профилирование¹, являющееся одной из её разновидностей, – значительно более недавнее направление общественно-политических дискуссий и научных изысканий. Но, несмотря на относительную непродолжительность своего существования, эта исследовательская область стремительно развивается. Возникнув в первой половине 1990-х годов в США, она быстро приобрела популярность в англоязычном научном мире, а в начале 2000-х годов – и за его пределами.

КСЕНИЯ СЕРГЕЕВНА ГРИГОРЬЕВА (kseniagrigroryeva@yandex.ru), Институт социологии ФНИСЦ РАН, Россия.

Статья поступила в редакцию в октябре 2019 г.

¹ Расовое профилирование определяется как «использование правоохранительными органами, без объективных и разумных обоснований, таких признаков, как раса, цвет кожи, язык, религия, гражданство или национальное или этническое происхождение при контроле, слежении или проведении расследований» (ЕКРН 2007).

В России первое количественное эмпирическое исследование расового профилирования было проведено в 2005 г. (Этнически избирательный... 2006). Вслед за ним в 2006-2008 гг. было осуществлено этнографическое исследование взаимодействия полиции и этнических меньшинств (Воронков, Гладарев, Сагитова 2011).

Результаты первого проекта отразили значимый этнический дисбаланс в полицейских остановках пассажиров московского метрополитена, результаты второго – явную этническую дифференциацию в работе по меньшей мере некоторых сотрудников полиции Санкт-Петербурга и Казани, а также определенные, в основном косвенные, указания на существование этнически дискриминационных распоряжений полицейского руководства². Недавний анализ документальных источников подтвердил институциональный характер расового профилирования и выявил его распространение во многих российских регионах (Григорьева 2019). Тем не менее на сегодняшний день это явление остается мало исследованным в России.

За рубежом к настоящему моменту уже накоплен значительный объем эмпирических данных о расовом профилировании в разных странах мира, разработаны специфические теоретико-методологические подходы к его изучению и осмыслены их ограничения. К сожалению, российскому читателю они практически не известны.

Настоящая статья призвана восполнить эту лакуну и представляет собой первый углубленный обзор зарубежных исследований расового профилирования на русском языке.

РАСОВАЯ ДИСКРИМИНАЦИЯ В СИСТЕМЕ УГОЛОВНОЙ ЮСТИЦИИ: ИССЛЕДОВАНИЯ 1950-80-Х ГОДОВ

Изучение расового профилирования является одним из направлений исследования системы уголовного правосудия, имеющего богатую историю в англоязычном научном мире. Она началась в 50-е годы XX века, когда Американский фонд адвокатов при поддержке Фонда Форда осуществил первое большое эмпирическое исследование повседневной работы учреждений уголовной юстиции. Научная группа, находившаяся под влиянием подходов Чикагской социологической школы, сфокусировалась на наблюдении за тем, что в действительности происходило на улицах, в прокуратуре, судах и исправительных учреждениях. Результатом стало открытие ошеломляющих масштабов усмотрения на каждом этапе отправления уголовного правосудия. Полицейские, прокуроры и адвокаты, по свидетельствам наблюдателей, нередко не только игнорировали законодательные нормы, но и просто не знали их. В работе полиции повсеместно царил произвол, применялись незаконные аресты, умышленное жестокое обращение с подозреваемыми, в особенности с чернокожими. Вместе с тем полицейские зачастую чутко реагировали на

² Было приведено всего два таких распоряжения: распоряжение начальника уголовной милиции УВД ЗАО г. Москвы о заведении оперативных дел на некоторые этнические группы и нашумевшее распоряжение ГУВД Санкт-Петербурга и Ленобласти о массовых проверках грузин. Однако авторы указывали на широкое распространение распоряжений, содержащих признаки этнической дискриминации, ссылаясь на свидетельства респондентов из числа сотрудников правоохранительных органов и правозащитных организаций.

широкий круг социальных проблем, существующих в местном сообществе, выполняя миротворческую функцию и помогая регулировать мелкие споры, семейные и соседские ссоры и др. (Walker 1992). Исследование продемонстрировало неадекватность прежнего взгляда на уголовную юстицию³ и фактически привело к формированию новой академической дисциплины. Стали доминировать представления о сложности системы уголовного правосудия, её пронизанности дискреционными решениями⁴, взаимозависимости работы входящих в неё учреждений, слабости формального контроля и действия правовых норм.

Особое место в исследованиях уголовной юстиции очень скоро заняло изучение полиции. Помимо того, что она оказалась в центре внимания участников проекта Американского фонда адвокатов, многие из которых впоследствии были признаны ведущими экспертами в области уголовного правосудия и продолжали работу в данном направлении, интерес к полиции был вызван рядом неакадемических обстоятельств. В частности, этому способствовала проблематизация преступности в ходе американских президентских предвыборных кампаний 60-х годов, а также ряд резонансных решений Верховного суда США, направленных на защиту граждан от полицейского усмотрения⁵.

Наиболее популярным методом изучения полиции со времени реализации проекта Американского фонда адвокатов стало включенное наблюдение. Публикации результатов таких этнографических исследований, вышедшие из печати в 60-70-е годы⁶, впоследствии приобрели статус классических (Remington 1960; LaFave 1962; Goldstein 1963; Skolnick 1966; Bittner 1970). В центре анализа, как правило, находились общие проблемы полицейской деятельности, тем не менее некоторые авторы рассматривали и вопросы расовой предвзятости. Так, Дж. Сколник посвятил этому один из разделов своей монографии «Правосудие без суда: правоохранительная деятельность в демократическом обществе» (Skolnick 1966). Высказанные им идеи о связи расовых предрассудков с полицейской субкультурой, учете полицейскими не только расовых, но также классовых и гендерных характеристик подозреваемых, важности ситуативных факторов, ограничивающих влияние расовой предвзятости в реальной правоохранительной

³ Он характеризовался, с одной стороны, реформистской идеологией, а с другой стороны, своеобразным методологическим подходом, не выходящим за рамки анализа официальных данных. Основной проблемой уголовного правосудия считался малый процент дел, окончившихся обвинительными приговорами. Причины этого усматривались в политическом вмешательстве, низкой квалификации специалистов, нехватке данных и ресурсов. Предполагалось, что необходимо провести реформу системы уголовного правосудия с целью пресечения политического манипулирования и коррупции, заменить плохих специалистов хорошими, вооружить их необходимой информацией и ресурсами (Walker 1992).

⁴ Причем эта дискреционность стала рассматриваться амбивалентно, как нечто, что обладает не только и не столько негативным характером, сколько имеет позитивные функции в решении проблем локальных сообществ.

⁵ Решение по делу Мапп против Огайо 1961 г., запретившее использовать улики, полученные незаконным путем, в суде; решение по делу Эскобедо против Иллинойса 1964 г., согласно которому подозреваемые в совершении уголовных преступлений имеют право на адвоката во время полицейских допросов; решение по делу Миранда против Аризоны 1966 г., установившее обязанность полицейских перед допросом сообщать подозреваемому, что он имеет право хранить молчание и требовать присутствия адвоката.

⁶ Часть из них являлась публикацией итогов проекта Американского фонда адвокатов, о котором говорилось выше.

деятельности, оказали значительное влияние на последующие объяснительные модели специфики взаимодействия полиции и граждан из числа меньшинств.

Значимый вклад в исследование дискриминационного обращения полиции с меньшинствами внесли и основоположники так называемой «конфликтной перспективы» в изучении уголовной юстиции, вдохновленной марксистской теорией (Chambliss, Nagasawa 1969; Quinney 1970). Хотя они не ограничивались анализом расовой предвзятости полиции, поскольку в центре их интересов находились прежде всего вопросы классовой борьбы и использования правоохранительных органов как инструмента классового угнетения, сюжету расовой дискриминации в их работах также уделялось внимание. Примененный ими анализ официальных статистических данных об арестах в разбивке по расам для доказательства дискриминации афроамериканцев в системе уголовной юстиции впоследствии лег в основу исследования расовой предвзятости полиции. У. Чамблисс первым использовал концепцию самосбывающегося пророчества для объяснения того, как распространенные представления сотрудников правоохранительных органов о повышенной преступности чернокожих приводят к реальной перепредставленности последних в системе уголовного правосудия. Предложенные У. Чамблиссом и Р. Куинни объяснения дискриминационного обращения полицейских с меньшинствами (в том числе расовые предрассудки отдельных полицейских; повышенная «видимость» меньшинств; особенности их поведения, обусловленные культурными отличиями от большинства; распространенность в полицейском сообществе представлений об особой склонности некоторых этнических групп к преступной деятельности; «общественный запрос» белого большинства; намеренная государственная политика) во многом определили последующие направления исследований.

Повышению внимания к взаимодействию полиции и меньшинств в немалой степени способствовало Движение за гражданские права и расовые волнения в США, а также столкновения между полицией и чернокожей молодежью в Великобритании, распространившиеся в 80-е годы.

Исследования 70-80-х годов развивали идеи, заложенные в предшествующих работах. В частности, анализировалась связь расовой предвзятости полицейских и полицейской субкультуры (Colman, Gorman 1982); расовый дисбаланс в статистике допросов, обысков, арестов и тюремных заключений (Sherman 1980); распространенность представлений о повышенной преступности чернокожих среди сотрудников правоохранительных органов и общества в целом (Gilroy 1982).

Кроме того, в указанный период стали проводиться опросы о степени удовлетворенности полицейской деятельностью, которые использовались для анализа взаимоотношений полиции и общественности. Результаты этих опросов регулярно демонстрировали значимые различия в оценке правоохранительных органов белым и черным населением. Чернокожие (особенно молодые мужчины) были более пессимистичны в своих оценках полиции по сравнению с белыми (Lea 1986).

РАСОВОЕ ПРОФИЛИРОВАНИЕ: ВОЗНИКНОВЕНИЕ НОВОЙ ОБЛАСТИ ИССЛЕДОВАНИЯ

Преобразование расового профилирования в отдельную область исследования произошло в 1990-е годы и было связано с несколькими громкими судебными процессами в США. Первым из них стало дело «Нью-Джерси против Сото», в ходе которого 17 обвиняемых африканского происхождения заявили, что их аресты на одной из автомагистралей Нью-Джерси, осуществленные в период с 1988 по 1991 г., явились результатом дискриминационного применения полицией правил дорожного движения (ПДД). Для проверки этого утверждения научной группой под руководством известного специалиста в области статистики и социальной психологии Дж. Ламберта в 1993 г. было осуществлено первое количественное эмпирическое исследование с целью установить наличие или отсутствие расового профилирования в работе дорожной полиции. На основе информации, содержащейся в полицейской отчетности, была создана база данных остановок и арестов за 35 дней, случайным образом выбранных в период с апреля 1988 г. по май 1991 г. Затем исследовательская команда провела наблюдение на четырех участках автомагистрали, чтобы установить расовый состав участников дорожного движения. Наконец, для разрешения вопроса о том, существуют ли различия в частоте нарушений правил дорожного движения белыми и черными водителями, участник научной группы Ф. Ласт совершил десять поездок по автомагистрали на своем автомобиле с использованием круиз-контроля, поддерживая максимально разрешенную скорость. В ходе поездок он фиксировал расу водителей и количество транспортных средств, которые его обгоняли, нарушая скоростной режим, а также совершение других нарушений ПДД. Всего таким образом было обследовано 2096 автомобилей, 98,1% которых превысили допустимую скорость. При этом 15% автомобилистов, совершивших то или иное нарушение, являлись чернокожими, что соответствовало доле черных водителей, участвовавших в дорожном движении. На основании этих наблюдений был сделан вывод, что манера вождения черных и белых автомобилистов не имеет существенных различий. Вместе с тем сравнение показателей остановок и арестов в разбивке по расам и соотношения черных и белых водителей, движущихся по автомагистрали, выявило статистически значимый расовый дисбаланс в работе полиции. Основываясь на этих данных, подкрепленных показаниями двух бывших полицейских, свидетельствовавших, что их обучали делать «профильные остановки» на основе расы, а также выявленным нежеланием руководителей государственной полиции принимать меры для пресечения расовой предвзятости в работе своих подчиненных, суд пришел к выводу, что полиция действительно осуществляла расовое профилирование (*State v. Soto* 1996). Решение суда вызвало значительный общественный резонанс, а Дж. Ламберт вскоре был приглашен в качестве эксперта по сходному процессу в штате Мэриленд («Уилкинс против полиции штата Мэриленд»), где было проведено новое исследование по той же методике, давшее аналогичные результаты. Дело было решено в пользу истца. На полицию штата Мэриленд были наложены обязательства официально запретить использование расового профилирования, провести программу переобучения своих сотрудников, вести систематический сбор информации об остановках, обысках и арестах автомобилистов, которая бы обеспечивала возможность установления наличия/отсутствия расового дисбаланса (*Wilkins v. Maryland...* 1994). После этих судебных решений иски против

полиции по обвинению в расовом профилировании, неизменно сопровождавшиеся эмпирическими количественными исследованиями, стали подаваться и в других штатах.

На рубеже 1999-2000 годов общественно-политические дебаты вокруг расового профилирования в США приняли ожесточенный характер⁷. Репутации полиции был нанесен существенный урон. Власти отдельных штатов и руководители некоторых полицейских управлений, опасаясь возбуждения новых судебных разбирательств, начали обсуждать возможность добровольного сбора статистической информации о полицейских остановках и обысках. Только в 1999 г. соответствующие законодательные инициативы были выдвинуты в Арканзасе, Вирджинии, Иллинойсе, Калифорнии, Коннектикуте, Массачусетсе, Оклахоме, Северной Каролине, Огайо, Флориде и Южной Каролине (Harris 1999).

Везде, где принималось положительное решение, к работе привлекались исследовательские группы, создавались базы данных, которые впоследствии анализировались другими учеными и научными коллективами. Разработка нового исследовательского направления стремительно развивалась, и к началу 2000-х годов в США уже насчитывалось около трех десятков исследователей – специалистов в области изучения расового профилирования (Lamberth 2004).

Наивысшей точкой признания расового профилирования проблемой общенационального масштаба в США стало выступление Дж. Буша перед Конгрессом в феврале 2001 г., во время которого он заявил, что расовое профилирование является ошибкой и будет прекращено в Америке⁸. На международном уровне расовое профилирование было проблематизировано на Всемирной конференции по борьбе против расизма, расовой дискриминации, ксенофобии и связанной с ними нетерпимости в Дурбане, проходившей с 31 августа по 8 сентября 2001 г.

Теракт 11 сентября 2001 г. изменил направление общественно-политических дискуссий⁹, а объявление войны с терроризмом привело к распространению санкционированных государством практик расового профилирования в США, странах-членах ЕС и других странах мира. Это в свою очередь вызвало активизацию работы правозащитных организаций, создание новых международных рекомендаций по

⁷ Сходные процессы наблюдались в Великобритании, где в конце 90-х годов также разразился кризис общественного доверия к правоохранительным органам, связанный с расследованием убийства чернокожего подростка С. Лоуренса, по результатам которого в 1999 г. был опубликован правительственный доклад сэра У. Макферсона. В докладе утверждалось наличие институционального расизма в английской полиции, а в качестве одной из причин недовольства меньшинств указывались их непропорциональные остановки и обыски. Инспекция Её Величества по делам полиции рекомендовала провести исследование данного вопроса. В соответствии с указанной рекомендацией и рекомендациями, содержащимися в докладе У. Макферсона, английская полиция стала собирать статистические данные об остановках и обысках граждан с разбивкой по расе. В 2000 г. было проведено эмпирическое количественное исследование с целью установления наличия/отсутствия расового профилирования в работе правоохранительных органов (MVA, Miller 2000).

⁸ George W. Bush on Racial Profiling (2001). URL: <https://www.c-span.org/video/?c4524225/george-w-bush-racial-profiling>

⁹ На смену практически единодушному осуждению расового профилирования пришла поддержка этой практики значительной частью населения (Jones 2001; Dearden 2017) и некоторыми экспертами (Colb 2004; Posner 2006).

предотвращению расового профилирования (ЕКРН 2004; ЕКРН 2007) и дальнейший рост интереса научного сообщества к данному вопросу.

С начала 2000-х годов исследования расового профилирования стали приобретать всё большую популярность за пределами англоязычного научного мира, распространившись даже в тех странах, где проблемы этнической дискриминации в полицейской деятельности ранее не привлекали особого внимания (в том числе во Франции, Испании, Венгрии и Болгарии (см., например, (Goris, Jobard, Lévy 2009; Pap 2011; Miller et al. 2008)). В 2008 г. стартовало первое общеевропейское исследование по вопросам меньшинств и дискриминации, которое было нацелено, помимо прочего, на исследование расового профилирования (FRA 2010).

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ КОЛИЧЕСТВЕННЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ РАСОВОГО ПРОФИЛИРОВАНИЯ

Уже в начале 2000-х годов аналитиками были осознаны некоторые серьезные методологические проблемы, возникающие при проведении количественных исследований расового профилирования. Главной из них стала так называемая «проблема знаменателя» (MVA, Miller 2000; Walker 2001; Lamberth 2004), заключающаяся в том, что после сбора данных о количестве и процентном соотношении остановок и обысков граждан в разбивке по расам необходимо определить, является ли это соотношение адекватным ожидаемому или какая-то из групп необоснованно перепредставлена. Именно расчет ожидаемого соотношения полицейских остановок в разбивке по расам представляет собой основную аналитическую сложность.

Схема, разработанная Дж. Ламбертом в середине 90-х годов, была достаточно надежна, однако чрезвычайно трудоемка, дорогостояща и фактически не доступна для большинства исследовательских групп при отсутствии соответствующего финансирования (Harris 1999; Walker 2001). И даже когда научный коллектив имел возможность проводить включенные наблюдения, они были ограничены небольшим количеством мест, выбираемых неслучайным образом, а значит, полученные результаты не могли быть обобщены на другие районы или дороги, где наблюдений не проводилось (Alpert, Smith, Dunham 2004).

Альтернативный подход был предложен Д. Харрисом в 1999 г. и опробован в его исследовании, проведенном по заказу Генеральной Ассамблеи штата Огайо. Установив доленое соотношение штрафов¹⁰, выписанных черным и белым автомобилистам в четырех муниципалитетах Огайо, Д. Харрис использовал в качестве знаменателя данные переписи населения, скорректировав их по возрасту¹¹ и расовому распределению домохозяйств, владеющих автомобилями (Harris 1999). Однако, несмотря на кажущуюся логичность предложенной модели, она страдала массой неустраняемых недостатков:

¹⁰ Информация о штрафах была использована Д. Харрисом вследствие отсутствия информации об остановках водителей с разбивкой по расам.

¹¹ В расчет были включены только граждане, находящиеся в «возрасте вождения» (от 15 до 75 лет).

во-первых, в отличие от исследования Дж. Ламберта, не была учтена возможность межрасовых различий в манере вождения, и в том числе в частоте нарушений ПДД; во-вторых, данные переписи населения, даже скорректированные по возрасту и уровню владения автомобилями, не давали надежной информации обо всех участниках дорожного движения. В частности, эти данные не учитывали жителей соседних городов, которые проезжали по дорогам исследуемых муниципалитетов, и недокументированных граждан, не охватываемых переписью. Кроме того, данные переписи измеряли статические группы населения (домохозяйства), тогда как остановки водителей и пассажиров касались временного населения, которое перемещалось разными способами и разными путями (Lamberth 2004)¹². В итоге уже в начале 2000-х годов среди специалистов по расовому профилированию установился консенсус относительно ненадежности использования данных переписи населения¹³ в качестве контрольного показателя (Walker 2001; Lamberth 2004; Engel, Calnon 2004; Alpert, Smith, Dunham 2004).

В 2004 г. Дж. Альперт, М. Смит и Р. Данхэм предложили использовать данные об авариях для оценки расового состава участников дорожного движения. Опираясь на результаты исследований о ДТП, авторы пришли к выводу, что граждане, попавшие в аварию, но не являвшиеся её виновниками, представляют собой случайную выборку вождения. Поскольку стать участником ДТП не по своей вине может каждый, расовый состав невиновных участников аварий должен более или менее объективно отражать расовый состав водителей и может быть использован в качестве «знаменателя» (Alpert, Smith, Dunham 2004). Впрочем, и этот метод имел очевидные ограничения: разбивка данных об участниках ДТП по конкретным местам, времени и дням недели была затруднена вследствие относительно небольшого числа аварий, а значит, сравнение было возможно только на высоком уровне агрегирования и подходило далеко не ко всем исследованиям расового профилирования (Engel, Calnon 2004).

В отсутствие возможности проводить включенное наблюдение проблематичной становилась и оценка межрасовых различий в частоте нарушения правил дорожного движения. Некоторые полицейские управления в своих отчетах пытались рассчитать индексы преступности для представителей разных рас, однако все эти попытки проваливались по двум причинам. Во-первых, такие индексы нередко составлялись на основе агрегированных показателей преступности (а не нарушений ПДД), что явно выходило за рамки поведения на дорогах и не являлось аналитически обоснованным (Alpert, Smith, Dunham 2004). Во-вторых, статистика преступности в случае наличия расовой дискриминации в системе уголовной юстиции, могла отражать не реальную картину, а результат работы расово предвзятых сотрудников правоохранительных органов (Walker 2001).

¹² Исследование английской полиции, проведенное в 2000 г., эмпирически подтвердило предположение о том, что «показатели постоянного населения существенно отличаются от показателей населения, фактически доступного для остановки» (MVA, Miller 2000: III).

¹³ Аналогичные неустранимые ограничения были выявлены и при использовании данных о гражданах, имеющих водительские права.

Предположив, что проблемы, связанные с расчетом знаменателя¹⁴ и использованием официальных данных о преступности, могут быть непреодолимыми, С. Уолкер сделал попытку обойти их при помощи использовании систем раннего предупреждения¹⁵, существующих в полицейских управлениях. Идея С. Уолкера состояла в том, чтобы посредством сравнения показателей работы полицейских, действующих в одних и тех же или аналогичных условиях, выявить сотрудников правоохранительных органов, совершающих несоразмерное количество остановок, обысков, штрафов и арестов граждан из числа меньшинств (Walker 2001). Впрочем, по признанию самого автора, этот подход тоже имел по крайней мере два серьезных ограничения. Во-первых, он мог служить только для выявления расового дисбаланса в действиях отдельных офицеров, но не целых полицейских подразделений, поскольку в случае, если расовая дискриминация была официально санкционированной, все сотрудники должны были совершать несоразмерное количество остановок и обысков представителей меньшинств. Во-вторых, доступ к персонализированной информации о работниках правоохранительных органов был чрезвычайно затруднен и необходимые данные, скорее всего, не могли быть получены исследователями.

Другой попыткой обойти сложности с расчетом знаменателя и оценкой возможных расовых различий в частоте правонарушений стал так называемый тест на результат, который заключался в сравнении продуктивности остановок и обысков белых и черных автомобилистов (Knowles, Persico, Todd 1999; Ayres 2002). Предполагалось, что, если обыски чернокожих водителей систематически менее результативны, чем обыски белых, то можно заключить, что действия полиции неоправданны и предвзяты. Несмотря на популярность теста на результат, он также не был лишен ряда серьезных недостатков (Engel 2008). Главным и потенциально непреодолимым ограничением теста являлось лежащее в его основе допущение, что полицейские действуют абсолютно рационально и обладают всей полнотой информации, позволяющей им максимизировать свою полезность, что, очевидно, не соответствовало действительности.

Решение перечисленных методологических проблем не найдено до сегодняшнего дня. По этой причине наиболее надежным способом установления расового дисбаланса в полицейских остановках и обысках автомобилистов и пешеходов считается сочетание двух и более аналитических подходов.

¹⁴ Расчет знаменателя, как говорилось выше, представляет собой попытку вычисления ожидаемого соотношения непредвзятых полицейских остановок и обысков граждан в разбивке по расам для последующего сравнения этого гипотетического соотношения с реальным. Как правило, подобные расчеты пытаются установить либо долевое соотношение доступных для проверки черных и белых автомобилистов/пешеходов, либо ожидаемую частоту совершения правонарушений гражданами разных рас, либо оба этих показателя.

¹⁵ Системы раннего предупреждения (EW) служат для выявления сотрудников с «проблемным» поведением, в частности тех, на которых особенно часто поступают жалобы от граждан.

ПРОБЛЕМЫ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ РАСОВОГО ДИСБАЛАНСА В ПОЛИЦЕЙСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Помимо методологических сложностей в сборе и анализе данных, существуют не менее серьезные проблемы в их теоретической интерпретации. В 2004 г. Р. Энгель, Дж. Калнон и Т. Бернхард в статье «Теория и расовое профилирование: недостатки и будущие направления исследований» убедительно показали, что работы по расовому профилированию не могут считаться полноценными научными исследованиями, поскольку в них отсутствует теоретическая база (Engel, Calnon, Bernard 2004: 260). Лежащее в основе значительной части таких работ непроблематизируемое допущение, что расовый дисбаланс в действиях полиции является безусловным отражением расовой предвзятости, не выдерживает критики и полностью игнорирует другие, в том числе расово нейтральные, объяснения.

Сходные соображения были высказаны относительно исследований общественного мнения, авторы которых на основании суждений респондентов о правоохранительных органах делали выводы о работе полиции и о расово дифференцированном обращении полицейских с гражданами (Liu, Crank 2010). Подчеркивая тот факт, что изучение мнений о правоохранительных органах способно больше сказать о самих респондентах, чем о полиции, Я. Лю и Дж. Крэнк призвали отказаться от некритичного отождествления того, как люди оценивают полицейскую деятельность, с тем, какой она является на самом деле.

Вопрос о существовании расового профилирования, таким образом, не может быть окончательно разрешен, исходя из простого установления расового дисбаланса в правоохранительной деятельности или расовых различий в оценках правоохранительных органов.

Существует по меньшей мере два концептуальных подхода к объяснению дифференцированного воздействия полиции на меньшинства, не предполагающих обязательного наличия расовой дискриминации. Первый из них это так называемая «экологическая концепция». Авторы, придерживающиеся данного подхода, подчеркивают значение географического распределения полицейских сил и концентрации меньшинств в неблагополучных районах, что может обуславливать расовые диспропорции в количественных показателях правоохранительной деятельности (MVA, Miller 2000; Petrocelli, Piquero, Smith 2003; Terril, Reisig 2003; Weitzer 2010).

Вторая концепция, иногда называемая «интеракционистской», фокусирует внимание на особенностях поведения граждан из числа меньшинств, которые могут делать их подозрительными или неприятными в глазах полицейских. В работах авторов этого направления указывается, что расовые диспропорции в полицейской деятельности могут быть связаны с тем, что меньшинства чаще демонстрируют неуважение по отношению к сотрудникам правоохранительных органов (Engel, Sobol, Worden 2000; Reisig et al. 2004) или ведут себя «подозрительным»¹⁶ образом (Engel 2008).

¹⁶ Под «подозрительным» поведением подразумевается ряд невербальных поведенческих реакций, которые полицейских учат распознавать как указания на неискренность подозреваемых. Например, избегание зрительного контакта, частые неуместные улыбки, беспокойные движения рук, нервозность и др.

Объяснительные модели собственно расового профилирования включают в себя по крайней мере четыре различных направления. Дж. Ли разработал удачную классификацию, охватывающую большинство из них, предложив расположить все имеющиеся подходы на континууме двух полярностей: индивидуальная/институциональная и интенциональная/непроизвольная расовая избирательность (Lea 1986).

Подход, согласно которому причину расового профилирования следует искать в индивидуальном поведении отдельных офицеров полиции, называют концепцией «гнилого яблока». Авторы, работающие в рамках этого направления, акцентируют внимание на расовых предрассудках и негативных личностных характеристиках некоторых сотрудников правоохранительных органов (Donner 2013; Carton et al. 2016). Концепция «гнилого яблока» неоднократно подвергалась критике за то, что она сводит проблему неправомерного поведения полицейских (в частности, расового профилирования) к проступкам и личностным особенностям отдельных сотрудников полиции, оставляя за кадром организационные и институциональные факторы, которые могут его обуславливать (Vonanno 2015).

Альтернативной объяснительной моделью служит концепция «полицейской субкультуры». Она связывает расовое профилирование со спецификой отбора и процесса профессионализации сотрудников правоохранительных органов. Сторонники этой концепции отмечают, что в полицию набирают людей с консервативными и авторитарными взглядами, которые со временем ещё более укрепляются под воздействием профессиональной субкультуры (Colman, Gorman 1982; Twersky-Glasner 2005; Gatto et al. 2009; Lynch 2018). Утверждается, что полицейские как профессиональная группа характеризуются повышенным цинизмом, подозрительностью, предвзятостью, мачизмом, закрытостью и круговой порукой (Griffin, Ruiz 1999; Bannish, Ruiz 2003). Критики концепции «полицейской субкультуры» указывают на то, что многие сторонники данного подхода серьезно упрощают реальную картину и негативно стереотипизируют полицейских (Waddington 1999; Paoline, Myers, Worden 2000; Reiner 2016). Как справедливо замечает П. Веддингтон «соблазнительно легко приписать плохие результаты плохим людям» (Waddington 1999), однако подобное объяснение вряд ли может быть признано удовлетворительным, особенно в научном дискурсе.

Ещё одним подходом к объяснению расового профилирования является концепция институционального расизма. Она предполагает, что причины расовой предвзятости полиции следует искать в расовых предрассудках, глубоко укоренившихся в обществе в целом (Hollinsworth 1992; Holdaway, O'Neill 2007; Correll et al. 2014), или в дискриминационной государственной политике, яркими примерами которой могут служить войны с наркотиками и терроризмом (Chambliss 1994; Ramirez, Hoopes, Quinlan 2003; Fiala 2003; Bah 2006; Torres, Shahshahani, Tavaras 2015). Критики институциональной концепции отмечают, что поиск источников расового профилирования в неявных предрассудках, распространенных в обществе, обладает внутренней противоречивостью и ограниченной аналитической полезностью, а утверждения о намеренно дискриминационной государственной политике зачастую чрезмерно политизированы и лишены убедительных эмпирических доказательств (Anthias 1999; Phillips 2011).

Исследования авторов, работающих в трех перечисленных направлениях, как правило, можно легко разместить на обоих континуумах, предложенных Дж. Ли. Так, очевидно, что концепция «гнилого яблока» отражает индивидуальную перспективу, тогда как концепции «полицейской субкультуры» и «институционального расизма» фокусируются на институциональных аспектах расовой дискриминации. Кроме того, в рамках каждого из этих направлений можно обнаружить работы, где анализируется не только явная расовая предвзятость, но и подсознательные предрассудки, которые могут обуславливать расовое профилирование (Eberhardt et al. 2004; Smith, Alpert 2007; Satzewich, Shaffir 2009).

Однако существует как минимум одна объяснительная модель расовой предвзятости в полицейской деятельности, не укладывающаяся в классификацию Дж. Ли. Согласно этому подходу причина расового профилирования заключается в повышенной склонности отдельных меньшинств к совершению преступлений, а само профилирование представляет собой рациональную полицейскую стратегию, обусловленную ограниченностью ресурсов (Mac Donald 2001; 2002). Критики данного подхода подчеркивают противоречивость результатов эмпирических исследований, которые не позволяют подтвердить или опровергнуть тезис о расовых различиях в частоте правонарушений: в то время как некоторые авторы обнаруживают подобные различия (Lange, Johnson, Voas 2005; Mosher et al. 2008), другие – нет (Horton 2002; Lamberth 2004). Кроме того, критики справедливо указывают, что даже если межрасовые различия в частоте правонарушений существуют, основополагающий принцип равенства перед законом требует, чтобы с невинными гражданами любой расы обращались одинаково, а значит, расовое профилирование не может рассматриваться как допустимая правоохранительная стратегия (Thacher 2002; Harcourt 2004).

Выводы

Изучение расового профилирования – сравнительно новая, быстро развивающаяся область исследований, возникшая в англоязычном научном мире и распространившаяся далеко за его пределы. Несмотря на растущую популярность этого исследовательского направления, его разработка затруднена рядом методологических и теоретических проблем. Главными из них являются сложность эмпирического обнаружения расового дисбаланса в работе правоохранительных органов, связанная с продолжающимися поисками надежного «знаменателя», и недостаточность простого установления расовых диспропорций для однозначного заключения о наличии расового профилирования. Вследствие того, что в значительной части исследований указанные ограничения не были учтены, а выводы были слишком сильными и поспешными, их использование должно быть крайне осторожным¹⁷. Признание существующих ограничений при сборе и анализе количественных данных о расовом дисбалансе в полицейской деятельности тем более важно, что опубликование

¹⁷ Некоторые специалисты даже полагают, что результаты значительной части исследований расового профилирования не заслуживают доверия и бесполезны с практической точки зрения (Engel 2008; Liu, Crank 2010).

результатов таких исследований нередко имеет политические последствия и может привести к деградации взаимодействия общественности с правоохранительными органами.

Чтобы не повторять распространенных ошибок, допущенных на раннем этапе изучения расового профилирования, при планировании исследования следует учитывать накопленный опыт. И хотя к настоящему моменту универсальный рецепт успешного изучения расового профилирования ещё не создан, некоторые рекомендации можно сделать уже сейчас.

- При разработке исследовательского дизайна, выборе теоретической парадигмы и интерпретации полученных эмпирических данных следует четко определиться с объектом исследования. Не стоит смешивать намеренное расовое профилирование, санкционированное государством; политику отдельных полицейских управлений, не связанную с государственной политикой; инициативу отдельных сотрудников полиции; а также статистическую дискриминацию, являющуюся отражением социального неравенства.
- При сборе и анализе количественной информации необходимо использовать несколько источников данных и несколько аналитических методов. Это позволит сравнить полученные результаты и повысить надежность выводов.
- Не стоит делать поспешных заключений. Даже если полученные данные укладываются в избранную исследователем концептуальную рамку, необходимо рассмотреть все существующие альтернативные объяснения, в том числе расово нейтральные.

ЛИТЕРАТУРА

- Воронков В., Гладарев Б., Сагитова Л. (Ред.) (2011). *Милиция и этнические мигранты: практики взаимодействия*. СПб.: Алетейя. 638 с.
- Григорьева К.С. (2019). Этническая дискриминация в борьбе с преступностью и терроризмом - вопрос здравого смысла? *Социологическое обозрение*, 18(1), 107-139. URL: https://sociologica.hse.ru/data/2019/03/28/1187304505/SocOboz_18_1_107-139_Grigoryeva.pdf
- ЕКРН (2004). *Общеполитическая рекомендация Европейской комиссии по борьбе с расизмом и нетерпимостью №8: «По борьбе с расизмом в процессе противодействия терроризму»*. URL: <https://rm.coe.int/compilation-of-ecri-s-general-policy-recommendations-march-2018-russia/1680923e0a>
- ЕКРН (2007). *Общеполитическая рекомендация Европейской комиссии по борьбе с расизмом и нетерпимостью №11: «О борьбе с расизмом и расовой дискриминацией в работе правоохранительных органов»*. URL: <https://rm.coe.int/compilation-of-ecri-s-general-policy-recommendations-march-2018-russia/1680923e0a>
- Этнически избирательный подход в действиях милиции в московском метро* (2006). М.: Новая юстиция.
- Alpert G.P., Smith M.R., Dunham R.G. (2004). Toward a better benchmark: Assessing the utility of not-at-fault traffic crash data in racial profiling research. *Justice Research and Policy*, 6(1), 43-70. DOI: 10.3818/JRP.6.1.2004.43

- Anthias F. (1999). Institutional Racism, Power and Accountability. *Sociological Research Online*, 4(1). DOI: 10.5153/sro.239. URL: <http://www.socresonline.org.uk/4/lawrence//anthias.html>
- Ayres I. (2002). Outcomes tests of racial disparities in police practices. *Justice Research and Policy*, 4 (Special Issue), 131–142. URL: <https://pdfs.semanticscholar.org/19b3/ad37064fb5d4a32314bb9ba0e613e180f350.pdf>
- Bah A.B. (2006). Racial Profiling and the War on Terror: Changing Trends and Perspectives. *Ethnic Studies Review*, 29, 76-100. DOI: 10.1525/esr.2006.29.1.76
- Bannish H., Ruiz J. (2003). The Antisocial Police Personality: A View from the Inside. *International Journal of Public Administration*, 26(7), 831-881. DOI: 10.1081/PAD-120019322
- Bittner E. (1970). *The Functions of the Police in Modern Society*. Washington: U.S. Government Printing Office.
- Bonanno E.R. (2015). An Evidential Review of Police Misconduct: Officer versus Organization. *2015 Undergraduate Awards*, 9. URL: https://ir.lib.uwo.ca/ungradawards_2015/9
- Carton S., Helsby J., Joseph K., Mahmud A., Park Y., Walsh J., Cody C., Patterson E., Haynes L., Ghani R. (2016, August). Identifying Police Officers at Risk of Adverse Events. In *Proceedings of the 22nd ACM SIGKDD International Conference on Knowledge Discovery and Data Mining* (pp. 67-76). ACM. DOI: 10.1145/2939672.2939698.
- Chambliss W.J. (1994). Another Lost War: The Costs and Consequences of Drug Prohibition. *Social Justice*, 22(2), 101-125. URL: <https://www.jstor.org/stable/29766881>
- Chambliss W.J., Nagasawa R.H. (1969). On the Validity of Official Statistics A Comparative Study of White, Black, and Japanese High-School Boys. *Journal of Research in Crime and Delinquency*, 6(1), 71-77. DOI: 10.1177/002242786900600108
- Colb S.F. (2004). Profiling with Apologies. *Ohio State Journal of Criminal Law*, 1(2), 611-625. URL: <https://scholarship.law.cornell.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1803&context=facpub>
- Colman A.M., Gorman L.P. (1982). Conservatism, Dogmatism, and Authoritarianism in British Police Officers. *Sociology*, 16(4), 1-11. doi:10.1177/0038038582016001004
- Correll J., Hudson S.M., Guillermo S., Ma D.S. (2014). The Police Officer's Dilemma: A Decade of Research on Racial Bias in the Decision to Shoot. *Social and Personality Psychology Compass*, 8(5), 201–213. doi:10.1111/spc3.12099
- Dearden L. (2017). More than half British people support racial profiling of Muslims and Arabs for security reasons, survey reveals. *Independent*. URL: <https://www.independent.co.uk/news/uk/home-news/racial-profiling-british-people-muslims-arabs-support-security-anti-terrorism-attacks-survey-caabu-a7966666.html>
- Donner C.M. (2013). *Examining the link between self-control and misconduct in a multi-agency sample of police supervisors: A test of two theories*. (Doctoral dissertation). Retrieved from Graduate Theses and Dissertations. URL: <http://scholarcommons.usf.edu/etd/4470>
- Eberhardt J.L., Goff Ph.A., Purdie V.J., Davies P.G. (2004). Seeing Black: Race, Crime, and Visual Processing. *Journal of Personality and Social Psychology*, 87(6), 876–893. DOI: 10.1037/0022-3514.87.6.876

- Engel R.S. (2008). A Critique of the “Outcome Test” in Racial Profiling Research. *Justice Quarterly*, 25(1), 1-36. DOI: 10.1080/07418820701717177
- Engel R.S., Calnon J.M. (2004). Comparing Benchmark Methodologies for Police-Citizen Contacts: Traffic Stop Data Collection for the Pennsylvania State Police. *Justice Quarterly*, 7(1), 97–125. doi:10.1177/1098611103257686
- Engel R.S., Calnon J.M., Bernard T.J. (2004). Theory and Racial Profiling: Shortcomings and Future Directions in Research. *Justice Quarterly*, 19(2), 249-273. DOI: 10.1080/07418820200095231
- Engel R.S., Sobol J.J., Worden R.E. (2000). Further exploration of the demeanor hypothesis: The interaction effects of suspects' characteristics and demeanor on police behavior. *Justice Quarterly*, 17(2), 235-258. doi: 10.1080/07418820000096311
- Fiala I.J. (2003). Anything new? The racial profiling of terrorists. *Criminal Justice Studies: A Critical Journal of Crime, Law and Society*, 16(1), 53-58. doi:10.1080/08884310309610
- FRA (2010). *EU-MIDIS: European Union Minorities and Discrimination Survey: Main Results Report*. Luxembourg: Publications Office of the European Union. Retrieved from URL: <https://fra.europa.eu/en/publication/2012/european-union-minorities-and-discrimination-survey-main-results-report>
- Gatto J., Dambrun M., Kerbrat C., de Oliveira P. (2009). Prejudice in the police: On the processes underlying the effects of selection and group socialization. *European Journal of Social Psychology*, 40(2), 252 – 269. doi:10.1002/ejsp.617
- Gilroy P. (1982). The myth of black criminality. *Socialist Register*, 47-56. URL: <https://socialistregister.com › article › download>
- Goldstein H. (1963). Police Discretion: The Ideal Versus the Real. *Public Administration Review*, XXIII(3), 140-148. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2537432
- Goris I., Jobard F., Lévy R. (2009). *Police et minorités visibles: les contrôles d'identité à Paris*. New York: Open Society Institute.
- Griffin C., Ruiz J. (1999). The Sociopathic Police Personality: Is It a Product of the “Rotten Apple” or the “Rotten Barrel”? *Journal of Police and Criminal Psychology*, 14(1), 28–37. DOI: 10.1007/BF02813860
- Harcourt B.E. (2004). Rethinking Racial Profiling: A Critique of the Economics, Civil Liberties, and Constitutional Literature, and of Criminal Profiling More Generally. *University of Chicago Law Review*, 71(4), 1275 – 1381. DOI: 10.2139/ssrn.471901
- Harris D.A. (1999). The Stories, the Statistics, and the Law: Why "Driving While Black" Matters. *Minnesota Law Review*, 84(2), 265-326. URL: <https://ssrn.com/abstract=199508>
- Holdaway S., O'Neill M. (2007). Where has all the racism gone? Views of racism within constabularies after Macpherson. *Ethnic and Racial Studies*, 30(3), 397-415. DOI: 10.1080/01419870701217480
- Hollinsworth D. (1992). Cultural awareness training, racism awareness training or antiracism?: Strategies for combating institutional racism. *Journal of Intercultural Studies*, 13(2), 37-52. DOI: 10.1080/07256868.1992.9963389
- Horton A. (2002). Violent Crimes and Racial Profiling. *Journal of Human Behavior in the Social Environment*, 6(4), 87-106. doi:10.1300/J137v06n04_05

- Jones J.M. (2001). The Impact of the Attacks on America. *Gallup*. URL: <https://news.gallup.com/poll/4894/impact-attacks-america.aspx>
- Knowles J., Persico N., Todd P. (1999). Racial Bias in Motor Vehicle Searches: Theory and Evidence. *The Journal of Political Economy*, 109(1), 203-229. URL: <https://www.nber.org/papers/w7449.pdf>
- LaFave W.R. (1962). Detention for Investigation by the Police: An Analysis of Current Practices. *Washington University Law Review*, 1962(3), 331-399. URL: https://openscholarship.wustl.edu/law_lawreview/vol1962/iss3/6
- Lamberth J. (2004). *Ann Arbor Police Department Traffic Stop Data Collection Methods and Analysis Study: Report for the City of Ann Arbor*. Retrieved from URL: http://annarborchronicle.com/wp-content/uploads/2012/07/A2_FinalReport_012204_v6co.pdf
- Lange J.E., Johnson M.B., Voas R.B. (2005). Testing the racial profiling hypothesis for seemingly disparate traffic stops on the New Jersey Turnpike. *Justice Quarterly*, 22(2), 193-223. DOI: 10.1080/07418820500088952
- Lea J. (1986). Police racism: some theories and their policy Implications. In Matthews R. Young J. (Eds.), *Confronting Crime* (pp. 145-165). London: Sage Publications. URL: https://www.academia.edu/26225451/Police_racism_some_theories_and_their_policy_implications_1986_
- Liu Ya., Crank J. (2010). Attitudes toward the police: a critique and recommendations. *Criminal Justice Studies*, 23(2), 99-117. doi:10.1080/1478601X.2010.485454
- Lynch C.G. (2018). Don't let them kill you on some dirty roadway: survival, entitled violence, and the culture of modern American policing. *Contemporary Justice Review*, 21(1), 33-43. doi:10.1080/10282580.2018.1415045
- Mac Donald H. (2001). The Myth of Racial Profiling. *City Journal*. URL: <https://www.city-journal.org/html/myth-racial-profiling-12022.html>
- Mac Donald H. (2002). The Racial Profiling Myth Debunked. *City Journal*. URL: <https://www.city-journal.org/html/racial-profiling-myth-debunked-12244.html>
- Miller J., Gounev Ph., Pap A.L., Wagman D., Balogi A., Bezlov T., Simonovits B., Vargha L. (2008). Racism and Police Stops: Adapting US and British Debates to Continental Europe. *European Journal of Criminology*, 5(2), 161-189. DOI: 10.1177/1477370807087641
- Mosher C., Pickerill J.M., Pratt T., Lovrich N. (2008). The importance of context in understanding biased policing: state patrol traffic citations in Washington State. *Police Practice and Research: An International Journal*, 9(1), 43-57. DOI: 10.1080/15614260801969920
- MVA, Miller J. (2000). *Profiling Populations Available for Stops and Searches. Police Research Series Paper 131*. London: Home Office. Retrieved from <https://www.semanticscholar.org/paper/Profiling-populations-available-for-stops-and-Miller/1005d76d353c62fcd4bf334cfd6068079f09b13d>
- Paoline E.A., Myers S.M., Worden R.E. (2000). Police Culture, Individualism, and Community Policing: Evidence from Two Police Departments. *Justice Quarterly*, 17(3), 575-605. DOI: 10.1080/07418820000094671
- Pap A.L. (2011). Ethnic Profiling and Discrimination: The International Context and Hungarian Empirical Research Findings. *Acta Juridica Hungarica*, 52(4), 273-295. DOI: 10.1556/AJur.52.2011.4.1

- Petrocelli M., Piquero A.R., Smith M.R. (2003). Conflict theory and racial profiling: An empirical analysis of police traffic stop data. *Journal of Criminal Justice*, 31(1), 1–11. DOI: 10.1016/S0047-2352(02)00195-2
- Phillips C. (2011). Institutional racism and ethnic inequalities: an expanded multilevel framework. *Journal of social policy*, 40(1), 173-192. DOI: 10.1017/S0047279410000565
- Posner R.A. (2006). *Not a Suicide Pact: The Constitution in a Time of National Emergency*. New York: Oxford University Press.
- Quinney R. (1970). *The Social Reality of Crime*. Boston, MA: Little, Brown.
- Ramirez D.A., Hoopes J., Quinlan T.L. (2003). Defining Racial Profiling in a Post-September 11 World. *American Criminal Law Review*, 40(3), 1195-1233.
- Reiner R. (2016). Is police culture cultural? *Policing: a Journal of Policy and Practice*, 11(3), 236-241. DOI: 10.1093/police/paw046
- Reisig M.D., McCluskey J.D., Mastrofski S.D., Terrill W. (2004). Suspect disrespect toward the police. *Justice Quarterly*, 21(2), 241-268. DOI: 10.1080/07418820400095801
- Remington F.J. (1960). Law Relating to on the Street Detention, Questioning and Frisking of Suspected Persons and Police Arrest Privileges in General. *Journal of Criminal Law and Criminology*, 51(4), 386-394. URL: <https://scholarlycommons.law.northwestern.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=4963&context=jclc>
- Satzewich V., Shaffir W. (2009). Racism versus Professionalism: Claims and Counter-claims about Racial Profiling. *Canadian Journal of Criminology and Criminal Justice*, 51(2), 199-226. DOI: 10.3138/cjccj.51.2.199
- Sherman L.W. (1980). Causes of Police Behavior: The Current State of Quantitative Research. *Journal of Research in Crime and Delinquency*, 17(1), 69–100. DOI: 10.1177/002242788001700106
- Skolnick J.H. (1966). *Justice Without Trial: Law Enforcement in Democratic Society*. New York: John Wiley & Sons.
- Smith M.R., Alpert G.P. (2007). Explaining Police Bias: A Theory of Social Conditioning and Illusory Correlation. *Criminal Justice and Behavior*, 34(10), 1262 -1283. DOI: 10.1177/0093854807304484
- State v. Soto. (1966). 324 N.J. Super. 66 (N.J. Super. App. Div. 1996).
- Terrill W., Reisig M.D. (2003). Neighborhood Context and Police Use of Force. *Journal of Research in Crime and Delinquency*, 40(3), 291-321. DOI: 10.1177/0022427803253800
- Thacher D. (2002). *From racial profiling to racial inequality: Rethinking equity in police stops and searches*. Working paper, Ford School of Public Policy, University of Michigan. URL: <http://fordschool.umich.edu/research/papers/PDFfiles/02-006.pdf>
- Torres C., Shahshahani A., Tavaras T. (2015). Indiscriminate Power: Racial Profiling and Surveillance Since 9/11. *University of Pennsylvania Journal of Law and Social Change*, 18(4), 283-310. URL: <https://scholarship.law.upenn.edu/jlasc/vol18/iss4/1>
- Twersky-Glasner A. (2005). Police personality: What is it and why are they like that? *Journal of Police and Criminal Psychology*, 20(1), 56-67.

- Waddington P.A.J. (1999). Discretion, 'Respectability' and Institutional Police Racism. *Sociological Research Online*, 4(1). URL: <http://www.socresonline.org.uk/4/lawrence/waddington.html>
- Walker S. (1992). Origins of the contemporary criminal justice paradigm: The American bar foundation survey, 1953–1969. *Justice Quarterly*, 9(1), 47-76. doi: 10.1080/07418829200091251
- Walker S. (2001). Searching for the Denominator: Problems with Police Traffic Stop Data and an Early Warning System Solution. *Justice Research and Policy*, 3(1), 63-95. doi:10.3818/JRP.3.1.2001.63
- Weitzer R. (2010). Race and Policing in Different Ecological Contexts. In Rice S.K. (Ed.), *Race, Ethnicity, and Policing: New and Essential Readings*, (pp. 118-139). New York: New York University Press.
- Wilkins v. Maryland State Police (1994). Civ. No. MJG-93-468 USDC MD.

RACIAL PROFILING: THE HISTORY AND CURRENT STATE OF RESEARCH

KSENJA GRIGORYEVA

Studies of racial profiling in Russia have confirmed the existence of this problem. However, its development, which began in the mid-2000s, has so far progressed only slightly. The Russian-speaking reader is practically unfamiliar with the theoretical and methodological approaches to the study of racial profiling developed abroad. This article is intended to fill the lack of information about foreign studies of racial profiling and is the first review of the literature on this topic in Russian. The article examines the history of the study of racial discrimination in the criminal justice system in the English-speaking scientific world, and analyzes the transformation of racial profiling into a separate research area in the early nineties and its further development in the 2000s. The main methodological approaches to the study of racial profiling, their possibilities and limitations are presented. The key theoretical approaches to the understanding of racial disparities in law enforcement are considered. In conclusion, based on the understanding of the experience gained, a number of recommendations for planning future studies are given. Attention is drawn to the need to distinguish more clearly between intentional racial profiling authorized by the state; the policies of individual police departments; the personal initiative of police officers; and statistical discrimination reflecting social inequality. When conducting quantitative studies, it is recommended to use several data sources and several analytical methods. The need to be cautious in conclusions, avoiding haste and bias, is emphasized. When interpreting the empirical data obtained, it is recommended to consider all possible conceptual explanations, including racially neutral ones.

Key words: racial discrimination, criminal justice, racial profiling, the denominator problem, individual and institutional racial bias, conscious and unconscious racial prejudices.

KSENJA GRIGORYEVA (kseniagrigroryeva@yandex.ru), INSTITUTE OF SOCIOLOGY, FEDERAL CENTER OF THEORETICAL AND APPLIED SOCIOLOGY, RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES, RUSSIA.

DATE RECEIVED: OCTOBER 2019.

REFERENCES

- Alpert G.P., Smith M.R., Dunham R.G. (2004). Toward a better benchmark: Assessing the utility of not-at-fault traffic crash data in racial profiling research. *Justice Research and Policy*, 6(1), 43-70. DOI: 10.3818/JRP.6.1.2004.43
- Anthias F. (1999). Institutional Racism, Power and Accountability. *Sociological Research Online*, 4(1). DOI: 10.5153/sro.239. URL: <http://www.socresonline.org.uk/4/lawrence/anthias.html>
- Ayres I. (2002). Outcomes tests of racial disparities in police practices. *Justice Research and Policy*, 4 (Special Issue), 131–142. URL: <https://pdfs.semanticscholar.org/19b3/ad37064fb5d4a32314bb9ba0e613e180f350.pdf>
- Bah A.B. (2006). Racial Profiling and the War on Terror: Changing Trends and Perspectives. *Ethnic Studies Review*, 29, 76-100. doi: 10.1525/esr.2006.29.1.76
- Bannish H., Ruiz J. (2003). The Antisocial Police Personality: A View from the Inside. *International Journal of Public Administration*, 26(7), 831-881. DOI: 10.1081/PAD-120019322

- Bittner E. (1970). *The Functions of the Police in Modern Society*. Washington: U.S. Government Printing Office.
- Bonanno E.R. (2015). An Evidential Review of Police Misconduct: Officer versus Organization. *2015 Undergraduate Awards*, 9. URL: https://ir.lib.uwo.ca/ungradawards_2015/9
- Carton S., Helsby J., Joseph K., Mahmud A., Park Y., Walsh J., Cody C.,
- Chambliss W.J. (1994). Another Lost War: The Costs and Consequences of Drug Prohibition. *Social Justice*, 22(2), 101-125. URL: <https://www.jstor.org/stable/29766881>
- Chambliss W.J., Nagasawa R.H. (1969). On the Validity of Official Statistics A Comparative Study of White, Black, and Japanese High-School Boys. *Journal of Research in Crime and Delinquency*, 6(1), 71-77. DOI: 10.1177/002242786900600108
- Colb S.F. (2004). Profiling with Apologies. *Ohio State Journal of Criminal Law*, 1(2), 611-625. URL: <https://scholarship.law.cornell.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1803&context=facpub>
- Colman A.M., Gorman L.P. (1982). Conservatism, Dogmatism, and Authoritarianism in British Police Officers. *Sociology*, 16(4), 1-11. DOI: 10.1177/0038038582016001004
- Correll J., Hudson S.M., Guillermo S., Ma D.S. (2014). The Police Officer's Dilemma: A Decade of Research on Racial Bias in the Decision to Shoot. *Social and Personality Psychology Compass*, 8(5), 201–213. DOI: 10.1111/spc3.12099
- Dearden L. (2017). More than half British people support racial profiling of Muslims and Arabs for security reasons, survey reveals. *Independent*. URL: <https://www.independent.co.uk/news/uk/home-news/racial-profiling-british-people-muslims-arabs-support-security-anti-terrorism-attacks-survey-caabu-a7966666.html>
- Dissertations. URL: <http://scholarcommons.usf.edu/etd/4470>
- Donner C.M. (2013). *Examining the link between self-control and misconduct in a multi-agency sample of police supervisors: A test of two theories*. (Doctoral dissertation). Retrieved from Graduate Theses and
- Eberhardt J.L., Goff Ph.A., Purdie V.J., Davies P.G. (2004). Seeing Black: Race, Crime, and Visual Processing. *Journal of Personality and Social Psychology*, 87(6), 876–893. DOI: 10.1037/0022-3514.87.6.876
- ECRI (2004). *ECRI General Policy Recommendation N8 on combating racism while fighting terrorism*. Strasbourg: Council of Europe. URL: <https://www.coe.int/en/web/european-commission-against-racism-and-intolerance/recommendation-no.8>
- ECRI (2007). *ECRI General Policy Recommendation N11 on combating racism and racial discrimination in policing*. Strasbourg: Council of Europe. URL: <https://www.coe.int/en/web/european-commission-against-racism-and-intolerance/recommendation-no.11>
- Engel R.S. (2008). A Critique of the “Outcome Test” in Racial Profiling Research. *Justice Quarterly*, 25(1), 1-36. DOI: 10.1080/07418820701717177
- Engel R.S., Calnon J.M. (2004). Comparing Benchmark Methodologies for Police-Citizen Contacts: Traffic Stop Data Collection for the Pennsylvania State Police. *Justice Quarterly*, 7(1), 97–125. DOI: 10.1177/1098611103257686
- Engel R.S., Calnon J.M., Bernard T.J. (2004). Theory and Racial Profiling: Shortcomings and Future Directions in Research. *Justice Quarterly*. 19(2), 249-273. DOI: 10.1080/07418820200095231

- Engel R.S., Sobol J.J., Worden R.E. (2000). Further exploration of the demeanor hypothesis: The interaction effects of suspects' characteristics and demeanor on police behavior. *Justice Quarterly*, 17(2), 235-258. DOI: 10.1080/07418820000096311
- Fiala I.J. (2003). Anything new? The racial profiling of terrorists. *Criminal Justice Studies: A Critical Journal of Crime, Law and Society*, 16(1), 53-58. doi:10.1080/08884310309610
- FRA (2010). *EU-MIDIS: European Union Minorities and Discrimination Survey: Main Results Report*. Luxembourg: Publications Office of the European Union. Retrieved from URL: <https://fra.europa.eu/en/publication/2012/european-union-minorities-and-discrimination-survey-main-results-report>
- Gatto J., Dambrun M., Kerbrat C., de Oliveira P. (2009). Prejudice in the police: On the processes underlying the effects of selection and group socialization. *European Journal of Social Psychology*, 40(2), 252 – 269. DOI: 10.1002/ejsp.617
- Gilroy P. (1982). The myth of black criminality. *Socialist Register*, 47-56. URL: <https://socialistregister.com › article › download>
- Goldstein H. (1963). Police Discretion: The Ideal Versus the Real. *Public Administration Review*, XXIII(3), 140-148. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2537432
- Goris I., Jobard F., Lévy R. (2009). *Police et minorités visibles: les contrôles d'identité à Paris*. New York: Open Society Institute.
- Griffin C., Ruiz J. (1999). The Sociopathic Police Personality: Is It a Product of the “Rotten Apple” or the “Rotten Barrel”? *Journal of Police and Criminal Psychology*, 14(1), 28–37. DOI: 10.1007/BF02813860
- Grigoryeva K. (2019). Is Ethnic Discrimination a Matter of Common Sense in the Fight against Crime and Terrorism? *The Russian Sociological Review*, 18(1), 107-139 (In Russ.). URL: https://sociologica.hse.ru/data/2019/03/28/1187304505/SocOboz_18_1_107-139_Grigoryeva.pdf
- Harcourt B.E. (2004). Rethinking Racial Profiling: A Critique of the Economics, Civil Liberties, and Constitutional Literature, and of Criminal Profiling More Generally. *University of Chicago Law Review*, 71(4), 1275 – 1381. DOI: 10.2139/ssrn.471901
- Harris D.A. (1999). The Stories, the Statistics, and the Law: Why "Driving While Black" Matters. *Minnesota Law Review*, 84(2), 265-326. URL: <https://ssrn.com/abstract=199508>
- Holdaway S., O'Neill M. (2007). Where has all the racism gone? Views of racism within constabularies after Macpherson. *Ethnic and Racial Studies*, 30(3), 397-415. DOI: 10.1080/01419870701217480
- Hollinsworth D. (1992). Cultural awareness training, racism awareness training or antiracism?: Strategies for combating institutional racism. *Journal of Intercultural Studies*, 13(2), 37-52. DOI: 10.1080/07256868.1992.9963389
- Horton A. (2002). Violent Crimes and Racial Profiling. *Journal of Human Behavior in the Social Environment*, 6(4), 87-106. doi:10.1300/J137v06n04_05
- Jones J.M. (2001). The Impact of the Attacks on America. *Gallup*. URL: <https://news.gallup.com/poll/4894/impact-attacks-america.aspx>
- Knowles J., Persico N., Todd P. (1999). Racial Bias in Motor Vehicle Searches: Theory and Evidence. *The Journal of Political Economy*, 109(1), 203-229. URL: <https://www.nber.org/papers/w7449.pdf>

- LaFave W.R. (1962). Detention for Investigation by the Police: An Analysis of Current Practices. *Washington University Law Review*, 1962(3), 331-399. URL: https://openscholarship.wustl.edu/law_lawreview/vol1962/iss3/6
- Lamberth J. (2004). *Ann Arbor Police Department Traffic Stop Data Collection Methods and Analysis Study: Report for the City of Ann Arbor*. Retrieved from URL: http://annarborchronicle.com/wp-content/uploads/2012/07/A2_FinalReport_012204_v6co.pdf
- Lange J.E., Johnson M.B., Voas R.B. (2005). Testing the racial profiling hypothesis for seemingly disparate traffic stops on the New Jersey Turnpike. *Justice Quarterly*, 22(2), 193-223. DOI: 10.1080/07418820500088952
- Lea J. (1986). Police racism: some theories and their policy Implications. In Matthews R. Young J. (Eds.), *Confronting Crime* (pp. 145-165). London: Sage Publications. URL: https://www.academia.edu/26225451/Police_racism_some_theories_and_their_policy_implications_1986_
- Liu Ya., Crank J. (2010). Attitudes toward the police: a critique and recommendations. *Criminal Justice Studies*, 23(2), 99-117. doi:10.1080/1478601X.2010.485454
- Lynch C.G. (2018). Don't let them kill you on some dirty roadway: survival, entitled violence, and the culture of modern American policing. *Contemporary Justice Review*, 21(1), 33-43. DOI: 10.1080/10282580.2018.1415045
- Mac Donald H. (2001). The Myth of Racial Profiling. *City Journal*. URL: <https://www.city-journal.org/html/myth-racial-profiling-12022.html>
- Mac Donald H. (2002). The Racial Profiling Myth Debunked. *City Journal*. URL: <https://www.city-journal.org/html/racial-profiling-myth-debunked-12244.html>
- Miller J., Gounev Ph., Pap A.L., Wagman D., Balogi A., Bezlov T., Simonovits B., Vargha L. (2008). Racism and Police Stops: Adapting US and British Debates to Continental Europe. *European Journal of Criminology*, 5(2), 161-189. doi: 10.1177/1477370807087641
- Mosher C., Pickerill J.M., Pratt T., Lovrich N. (2008). The importance of context in understanding biased policing: state patrol traffic citations in Washington State. *Police Practice and Research: An International Journal*, 9(1), 43-57. DOI: 10.1080/15614260801969920
- MVA, Miller J. (2000). *Profiling Populations Available for Stops and Searches. Police Research Series Paper 131*. London: Home Office. Retrieved from <https://www.semanticscholar.org/paper/Profiling-populations-available-for-stops-and-Miller/1005d76d353c62fcd4bf334cfd6068079f09b13d>
- Paoline E.A., Myers S.M., Worden R.E. (2000). Police Culture, Individualism, and Community Policing: Evidence from Two Police Departments. *Justice Quarterly*, 17(3), 575-605. DOI: 10.1080/07418820000094671
- Pap A.L. (2011). Ethnic Profiling and Discrimination: The International Context and Hungarian Empirical Research Findings. *Acta Juridica Hungarica*, 52(4), 273-295. DOI: 10.1556/AJur.52.2011.4.1
- Patterson E., Haynes L., Ghani R. (2016, August). Identifying Police Officers at Risk of Adverse Events. In *Proceedings of the 22nd ACM SIGKDD International Conference on Knowledge Discovery and Data Mining* (pp. 67-76). ACM. DOI: 10.1145/2939672.2939698.

- Petrocelli M., Piquero A.R., Smith M.R. (2003). Conflict theory and racial profiling: An empirical analysis of police traffic stop data. *Journal of Criminal Justice*, 31(1), 1–11. DOI: 10.1016/S0047-2352(02)00195-2
- Phillips C. (2011). Institutional racism and ethnic inequalities: an expanded multilevel framework. *Journal of social policy*, 40(1), 173-192. doi:10.1017/S0047279410000565
- Posner R.A. (2006). *Not a Suicide Pact: The Constitution in a Time of National Emergency*. New York: Oxford University Press.
- Quinney R. (1970). *The Social Reality of Crime*. Boston, MA: Little, Brown.
- Ramirez D.A., Hoopes J., Quinlan T.L. (2003). Defining Racial Profiling in a Post-September 11 World. *American Criminal Law Review*, 40(3), 1195-1233.
- Reiner R. (2016). Is police culture cultural? *Policing: a Journal of Policy and Practice*, 11(3), 236-241. DOI: 10.1093/police/paw046
- Reisig M.D., McCluskey J.D., Mastrofski S.D., Terrill W. (2004). Suspect disrespect toward the police. *Justice Quarterly*, 21(2), 241-268. DOI: 10.1080/07418820400095801
- Remington F.J. (1960). Law Relating to on the Street Detention, Questioning and Frisking of Suspected Persons and Police Arrest Privileges in General. *Journal of Criminal Law and Criminology*, 51(4), 386-394. URL: <https://scholarlycommons.law.northwestern.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=4963&context=jclc>
- Satzewich V., Shaffir W. (2009). Racism versus Professionalism: Claims and Counter-claims about Racial Profiling. *Canadian Journal of Criminology and Criminal Justice*, 51(2), 199-226. DOI: 10.3138/cjccj.51.2.199
- Sherman L.W. (1980). Causes of Police Behavior: The Current State of Quantitative Research. *Journal of Research in Crime and Delinquency*, 17(1), 69–100. DOI: 10.1177/002242788001700106
- Skolnick J.H. (1966). *Justice Without Trial: Law Enforcement in Democratic Society*. New York: John Wiley & Sons.
- Smith M.R., Alpert G.P. (2007). Explaining Police Bias: A Theory of Social Conditioning and Illusory Correlation. *Criminal Justice and Behavior*, 34(10), 1262 -1283. DOI: 10.1177/0093854807304484
- State v. Soto. (1966). 324 N.J. Super. 66 (N.J. Super. App. Div. 1996).
- Terrill W., Reisig M.D. (2003). Neighborhood Context and Police Use of Force. *Journal of Research in Crime and Delinquency*, 40(3), 291-321. DOI: 10.1177/0022427803253800
- Thacher D. (2002). *From racial profiling to racial inequality: Rethinking equity in police stops and searches*. Working paper, Ford School of Public Policy, University of Michigan. URL: <http://fordschool.umich.edu/research/papers/PDFfiles/02-006.pdf>
- Torres C., Shahshahani A., Tavaras T. (2015). Indiscriminate Power: Racial Profiling and Surveillance Since 9/11. *University of Pennsylvania Journal of Law and Social Change*, 18(4), 283-310. URL: <https://scholarship.law.upenn.edu/jlasc/vol18/iss4/1>
- Twersky-Glasner A. (2005). Police personality: What is it and why are they like that? *Journal of Police and Criminal Psychology*, 20(1), 56-67.

- Voronkov V., Gladarev B., Sagitova L. (Eds.) (2011). *Militsiya i etnicheskiye migranty: praktiki vzaimodeystviya* [Police and Ethnic Migrants: Interaction Practices]. St Petersburg: Aleteya. (In Russ.).
- Waddington P.A.J. (1999). Discretion, 'Respectability' and Institutional Police Racism. *Sociological Research Online*, 4(1). URL: <http://www.socresonline.org.uk/4/lawrence/waddington.html>
- Walker S. (1992). Origins of the contemporary criminal justice paradigm: The American bar foundation survey, 1953–1969. *Justice Quarterly*, 9(1), 47-76.
DOI: 10.1080/07418829200091251
- Walker S. (2001). Searching for the Denominator: Problems with Police Traffic Stop Data and an Early Warning System Solution. *Justice Research and Policy*, 3(1), 63-95.
DOI: 10.3818/JRP.3.1.2001.63
- Weitzer R. (2010). Race and Policing in Different Ecological Contexts. In Rice S.K. (Ed.), *Race, Ethnicity, and Policing: New and Essential Readings*, (pp. 118-139). New York: New York University Press.
- Wilkins v. Maryland State Police (1994). Civ. No. MJG-93-468 USDC MD.

НОВЫЙ ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ПЕРЕХОД: НАИБОЛЬШИЙ ПРИРОСТ ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТИ ЖИЗНИ В НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ ПРОИСХОДИТ ЗА СЧЕТ СТАРШИХ ВОЗРАСТОВ

КАРЕН ЭГГЛСТОН, ВИКТОР ФУКС

В начале XX века в США и 16 других сопоставимых по экономическому развитию странах снижение смертности в возрастах старше 65 лет обеспечивало лишь 20% общего прироста ожидаемой продолжительности жизни. В начале XXI века эта доля составляла уже 80%, асимптотически приближаясь к 100%. Этот новый демографический переход предвещает ослабление влияния роста дожития на продолжительность трудовой жизни. Для стран с высоким уровнем дохода, находящихся на переднем крае перехода в долголетии, доля ожидаемой продолжительности трудовой деятельности в процентах к ожидаемой продолжительности жизни снижается. Если общество хочет сохранить положительную взаимосвязь между ростом продолжительности жизни и ростом благосостояния, ему необходима новаторская политика.

Ключевые слова: *новый демографический переход, переход в долголетии, ожидаемая продолжительность жизни, ожидаемая продолжительность трудовой деятельности.*

В классической трактовке «демографический переход» описывает процесс, который начался в Европе в 1800-х гг. со снижения смертности и продолжился, как правило с некоторой задержкой, снижением рождаемости (Davis 1945; Lee 2003). Согласно Ли и Реэру (2011:1), «этот исторический процесс - одно из самых важных изменений, повлиявших на человеческое общество за последние 500 лет». Демографический переход повлек за собой увеличение ожидаемой продолжительности жизни, которому сопутствовал рост производительности труда, что, в свою очередь, подстегнуло дальнейшее улучшение здоровья за счет положительных изменений в питании и уровне жизни (Fogel 1994; Barker 1990), а после Второй мировой войны и за счет прогресса в медицине (Cutler, Deaton, Lleras-Muney 2006). В то же время увеличение ожидаемой продолжительности жизни привело к тому, что все большая доля людей в каждой новой когорте живет достаточно долго для того, чтобы участвовать в производстве товаров и услуг. Снижение рождаемости также сопряжено с более высоким уровнем экономической активности женщин (Galor and Weil 1996; Costa 2000; Guinnane 2011).

КАРЕН Н. ЭГГЛСТОН (karene@stanford.edu), ДИРЕКТОР ПРОГРАММЫ ПОЛИТИКИ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ АЗИИ В СТЭНФОРДСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ И СОТРУДНИК АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОГО НАУЧНОГО ЦЕНТРА ИМЕНИ ДЖ. ШОРЕНСТАЙНА, США.

ВИКТОР Р. ФУКС (vfuchs@stanford.edu), ПРОФЕССОР ДЕПАРТАМЕНТОВ ЭКОНОМИКИ И ИССЛЕДОВАНИЙ ЗДОРОВЬЯ НАСЕЛЕНИЯ И ПОЛИТИКИ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ, СТЭНФОРДСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ; СТАРШИЙ НАУЧНЫЙ СОТРУДНИК СТЭНФОРДСКОГО ИНСТИТУТА ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ И ИССЛЕДОВАНИЙ, США.

ПЕРЕВОД СТАТЬИ: EGGLESTON K.N., FUCHS V.R. THE NEW DEMOGRAPHIC TRANSITION: MOST GAINS IN LIFE EXPECTANCY NOW REALIZED LATE IN LIFE. *JOURNAL OF ECONOMIC PERSPECTIVES*, 2012; 26 (3): 137-56.

ПЕРЕВОД ВЫПОЛНЕН Е. ПЕТУХОВОЙ И М. ВЕРГЕЛЕС.

Во время первоначального демографического перехода, снижение смертности, предшествующее снижению рождаемости, ведет к концентрации населения в рабочих возрастах; подобное изменение возрастной структуры способствует росту доходов, получившему название «демографический дивиденд» (Bloom, Canning, Sevilla 2003). Свифт (2011) отметил существенную двустороннюю положительную взаимосвязь между продолжительностью жизни и ВВП на душу населения в период между 1820 и 2001 гг. для 13 стран с высоким уровнем доходов.

В настоящее время США и многие другие страны переживают демографический переход нового типа. Продолжительность жизни теперь увеличивается за счет более поздних возрастов, а не на ранних этапах жизненного цикла, как это было прежде. В начале XX века в Соединенных Штатах и других развитых странах продолжительность жизни росла за счет снижения смертности в дорабочих и рабочих возрастах, менее 20% прироста приходилось на возраст старше 65 лет. Сейчас более 75% увеличения ожидаемой продолжительности жизни приходится на старшие возрастные группы, и эта доля асимптотически приближается к 100%. Выбор возраста 65 лет для иллюстрации этого нового демографического перехода произволен, но, если использовать возрастной рубеж в 60 или 70 лет, выводы будут аналогичными.

Новый демографический переход – это переход в *долголетия*. Как люди и общество в целом отреагируют на снижение смертности, если почти все оно произойдет в старших возрастах? Этот вопрос шире и касается более долговременных последствий, чем просто вопрос о меняющейся численности возрастных групп в разных когортах, когда внимание обычно фокусируется на экономических последствиях выхода на пенсию многочисленных «бэби-бумеров». Новый демографический переход имеет важные социально-экономические последствия вне зависимости от моделей рождаемости.

Когда рост ожидаемой продолжительности жизни происходит в основном за счет старших возрастов, то увеличивается не численность трудоспособного населения, а число пожилых людей, как правило, пенсионеров. Пенсионеры сильно зависят от трансфертов со стороны работающей части населения для обеспечения своей жизни, включая медицинское обслуживание. Таким образом, рост продолжительности жизни за счет снижения смертности в старших возрастах может нарушить экономический баланс между производством и потреблением, что, в свою очередь, может создать долгосрочные вызовы для государственной политики. Очевидные необходимые изменения (по крайней мере, «очевидные» для многих экономистов) – рост производительности, повышение нормы сбережений населения и возраста выхода на пенсию, однако, способы достижения этих целей неоднозначны и неопределенны.

В статье рассматривается временной период 1900-2007 гг. для США и 16 других «развитых стран», располагающих непрерывными рядами данных о смертности: Австралии, Бельгии, Канады, Дании, Англии и Уэльса, Финляндии, Франции, Исландии, Италии, Нидерландов, Северной Ирландии, Норвегии, Шотландии, Испании, Швеции и Швейцарии. Мы рассматриваем демографические показатели, в том числе ожидаемую продолжительность жизни при рождении и в возрасте 65 лет; ожидаемую долю доживающих до возраста 65 лет для каждой когорты, а также вклад снижения смертности

в возрастах старше 65 лет в увеличение ожидаемой продолжительности жизни. Для США мы также рассчитали ожидаемое число лет трудовой деятельности для каждой когорты, что позволяет нам исследовать, как изменения в смертности отражаются на трудовой деятельности в целом, а также какова доля периода трудовой активности по отношению ко всей продолжительности жизни. После рассмотрения результатов перехода в долголетию и изменения в уровне занятости населения в США и других странах с высоким уровнем дохода обсуждаются экономические и социальные изменения в Китае и других странах, находящихся на более ранних этапах демографического перехода. Статья завершается кратким обсуждением долгосрочных последствий нового демографического перехода.

ПЕРЕХОД В ДОЛГОЛЕТИИ

Для изучения долгосрочных тенденций ожидаемой продолжительности жизни мы обратились к таблицам смертности, размещенным в базе данных Human Mortality Database, которая содержит надежные демографические данные для отдельных стран и регионов, собранные авторитетной группой демографов (<http://www.mortality.org>). В первую очередь, мы использовали показатели таблиц смертности для календарных периодов – ожидаемую продолжительность жизни при рождении, которая представляет собой прогнозируемый средний возраст смерти для когорты, в которой сохраняются возрастные коэффициенты смертности, наблюдаемые в год ее рождения; показатели дожития от рождения до 65 лет; ожидаемая продолжительность жизни в 65 лет. Мы рассматриваем пятилетние таблицы смертности для календарных периодов с 1900 года (а при наличии данных – и более ранние) для каждой из 17 стран и регионов, для которых есть данные по крайней мере за последние 70 лет. Пятилетние интервалы помогают сглаживать годовые колебания демографических показателей.

Мы вычисляем изменения для девяти перекрывающихся 20-летних интервалов: 1907-1927 гг., 1917-1937 гг. и так далее до 1987-2007 гг.¹ (Годы, оканчивающиеся на «7», выбраны как средние точки каждого из пятилетних интервалов). Для расчета изменений числа лет жизни, прожитых после 65 лет, мы сначала умножаем долю доживших до 65 лет на ожидаемую продолжительность жизни в возрасте 65 лет для каждого пятилетнего интервала, и затем вычисляем разницу для каждого 20-летнего интервала. В заключение мы вычисляем изменения числа лет жизни, прожитых после 65 лет, как долю изменений в

¹ См. Приложение на стр. 155-182, где приведены пятилетние средние значения для каждой страны. Таблицы в Приложениях 1-3 показывают снижение коэффициента вариации между 17 странами с высоким уровнем доходов для демографических переменных, представленных на рисунках 1 и 2. Данные по США до 1933 года (с этого года они имеются в базе данных *The Human Mortality Database*) представлены таблицами смертности из Национальных отчетов по статистике естественного движения населения США (U.S. National Vital Statistics Reports). За период с 1900 по 1928 г. расчеты основаны на данных о регистрации смертей в штатах, позже - для всей страны (без разделения на расы). Для небольшой части наблюдений в начале века: в Австралии, Канаде и Северной Ирландии (1900-1919 гг.); в Испании в 1900 г.; в США в 1905 г., 1915 г. и 1925 г. – мы используем значения, рассчитанные на основе регрессионной зависимости между этими значениями для конкретных лет и стран и линейными временными тенденциями для каждой страны.

ожидаемой продолжительности жизни при рождении для каждой страны по каждому из девяти 20-летних интервалов.

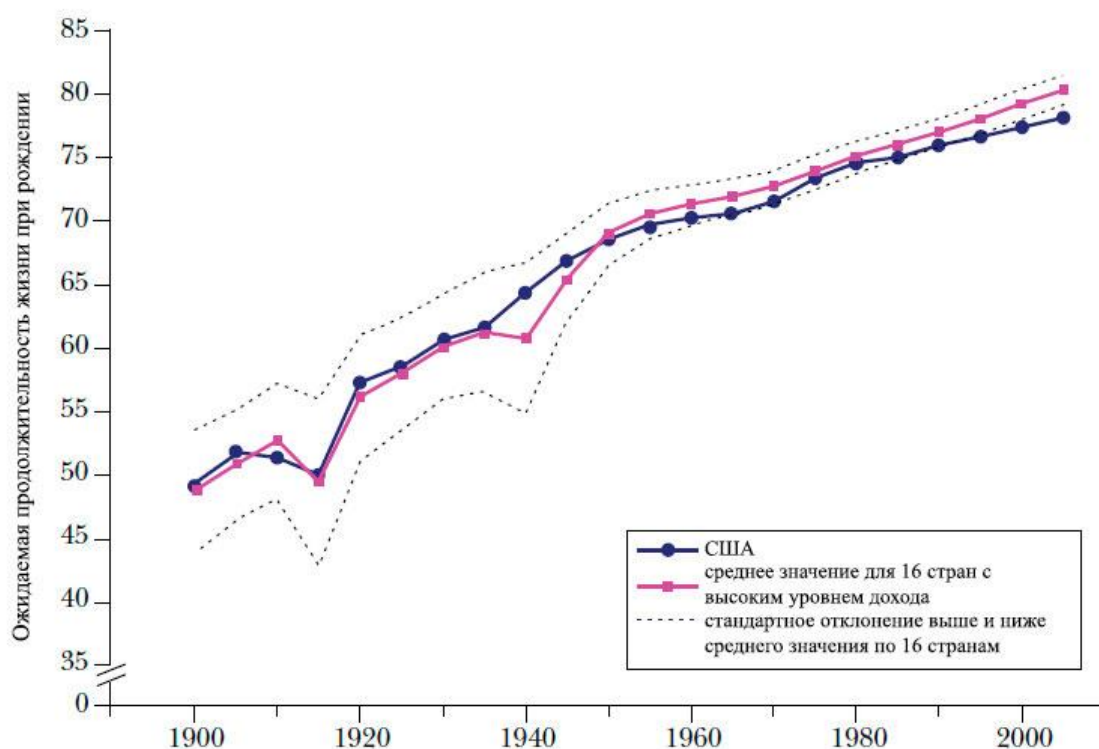
Рисунок 1А показывает, что в странах с высоким уровнем доходов ожидаемая продолжительность жизни при рождении увеличивалась почти непрерывно в течение более чем 100 лет. Как видно на рисунке 1Б, рост ожидаемой продолжительности жизни при рождении произошел в основном за счет снижения смертности младенцев, детей и молодых людей, что привело к резкому увеличению доли лиц, доживающих до 65 лет. Доля доживающих от рождения до возраста 65 лет в XX веке увеличилась более чем в 2 раза: с 40,9 % до 83,3 % за период с 1900-04 гг. по 2005-09 гг. для США. За тот же самый период произошло аналогичное увеличение вероятности дожития до 65 лет в 16 указанных выше странах с высоким уровнем доходов – с 42,0 до 87,8 %.

Также большую роль в «переходе в долголетию» сыграло увеличение ожидаемой продолжительности жизни в возрасте 65 лет, рост которой в последние десятилетия становится все более ощутимым (рис. 2А). Взаимосвязь между увеличением ожидаемой продолжительности жизни в возрасте 65 и долей лиц, доживающих до 65 лет, привела к исключительному усилению вклада снижения смертности в старших возрастах в общую динамику продолжительности жизни. Как следует из рисунка 2Б, этот вклад составлял 20% для каждого 20-летнего периода в начале XX века, а к концу века увеличился до 76% в США и 78% в 16 странах, асимптотически приближаясь к 100%. Наши результаты очень похожи на те, что были получены Ли и Тулджапуркармом в 1997 г. на основе данных о смертности в США в 1995 г.

Мы можем продемонстрировать смещение смертности к старшим возрастам, сравнив возрастное распределение снижения смертности в период между первой и второй половиной XX века на примере Англии и Уэльса как региона с наиболее надежными демографическими данными. На рисунке 3 показано, что между 1900-1904 гг. и 1950-1954 гг. наибольшим было снижение коэффициентов младенческой и детской смертности, в то время как между 1950-1954 гг. и 2000-2004 гг. смертность сильнее всего снижалась в возрастах старше 70 лет. Такая же модель снижения возрастных коэффициентов смертности в XX веке характерна для Швеции – еще одной страны с долговременной и достоверной статистикой².

² Подробную информацию о Швеции см. Приложения. Рис. 3 показывает незначительное увеличение показателей смертности в самых старших [90+] возрастных группах между 1900-1904 гг. и 1950-1954 гг., возможно связанное с малой численностью когорты, менее достоверными данными и/или дожитием менее здоровых лиц до этих возрастов.

А: Ожидаемая продолжительность жизни при рождении, лет

В: Ожидаемая доля доживающих до возраста 65 лет, %

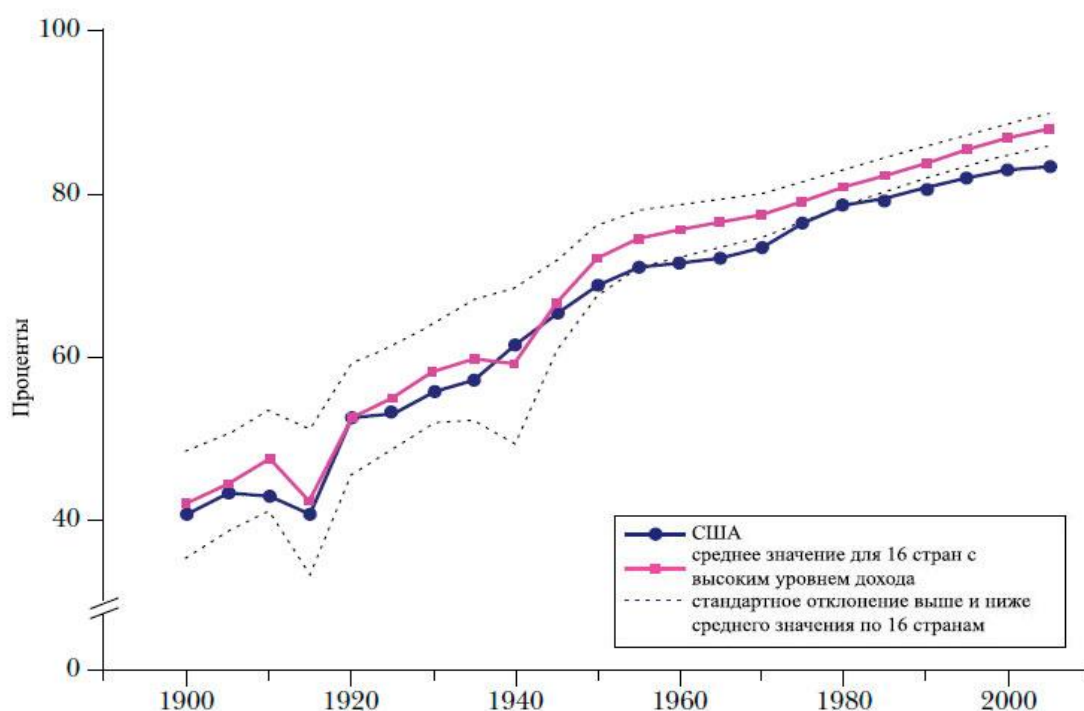
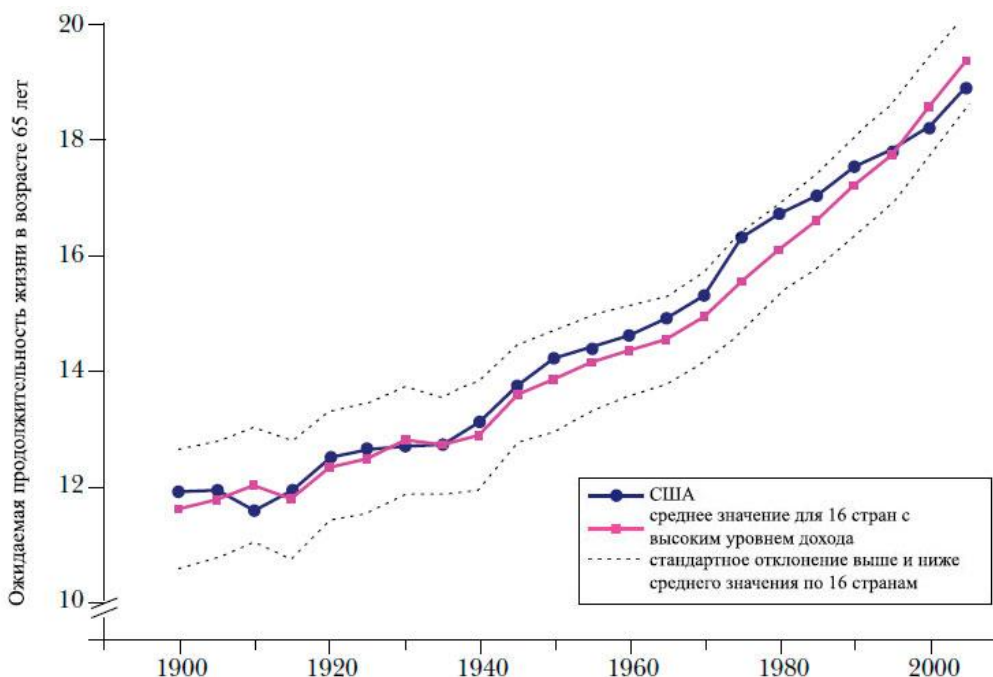

Рисунок 1. Ожидаемая продолжительность жизни при рождении и доля доживающих до 65 лет, США и 16 других стран с высоким уровнем дохода, с 1990 года

Источник: расчеты авторов по данным Human Mortality Database и другим источникам, детально описанным в приложении

А: Ожидаемая продолжительность жизни в возрасте 65 лет

В: Вклад снижения смертности в возрастах старше 65 лет в рост ожидаемой продолжительности жизни при рождении, %

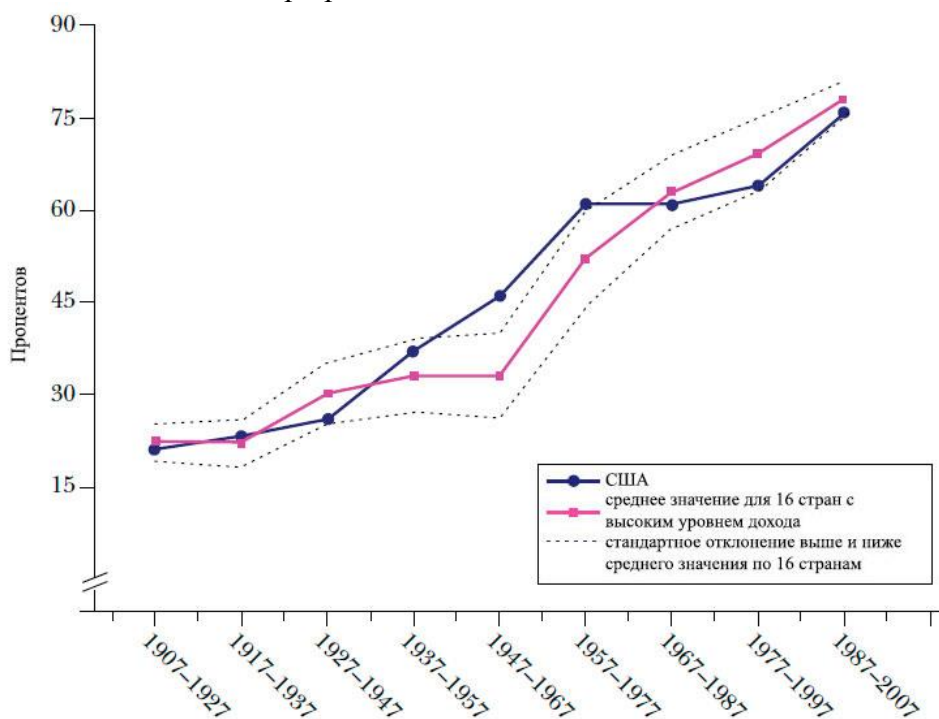

Рисунок 2. Ожидаемая продолжительность жизни в возрасте 65 лет и вклад снижения смертности в возрастах старше 65 лет в рост ожидаемой продолжительности жизни при рождении, США и 16 других стран с высоким уровнем дохода, с 1990 года

Источник: расчеты авторов по данным Human Mortality Database и иным источникам, детально описанным в приложении

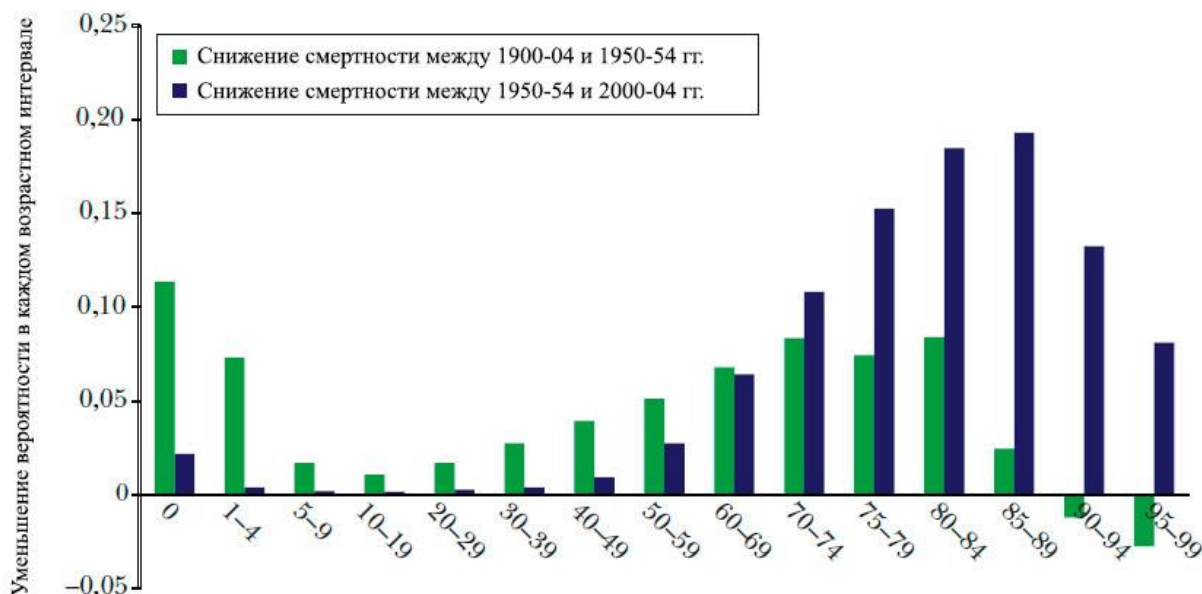

Рисунок 3. Снижение возрастных коэффициентов смертности в Англии и Уэльсе между 1900-04 и 1950-54 и между 1950-54 и 2000-2004

Источник: расчеты авторов по данным Human Mortality Database

Если возрастные показатели смертности меняются с течением времени, фактическое дожитие когорт будет отличаться от оценок ожидаемой продолжительности жизни при рождении. Необходимо помнить, что оценки ожидаемой продолжительности жизни при рождении (ожидаемая продолжительность жизни для календарных периодов) основаны на возрастных коэффициентах смертности в конкретном календарном году. Например, в период 1900-1904 гг. ожидаемая продолжительность жизни при рождении в Англии и Уэльсе составляла 48,6 года. Для реальной же когорты 1900-1904 годов рождения продолжительность жизни (средний возраст смерти) составила 53,8 года, так как на это когорту повлияло снижение смертности, показанное на рисунках 1-3. У когорты родившихся 17 лет спустя продолжительность жизни составила 62,4 года, в то время как ожидаемая продолжительность жизни при рождении для календарного периода достигла такого показателя только к 1935-1939 гг.³

Тем не менее, мы обнаружили, что оценки, основанные на когортных таблицах смертности, подготовленных Управлением социального обеспечения США (Bell, Miller 2005), также демонстрируют тенденцию к усилению вклада старших возрастов: для мужчин вклад возрастов старше 65 лет в общее увеличение продолжительности жизни между когортами 1900 и 1920 годов рождения составил 28%, для когорт 1980 и 2000 годов рождения прогнозируемый показатель составит уже 62%. Для женщин вклад возрастов 65+

³ Увеличение дожития было настолько значительным, что показатели дожития для календарных периодов и для когорт существенно отличаются друг от друга. Например, при возрастных коэффициентах смертности для Англии и Уэльса, зафиксированных в 1900-1904 гг., только 43,7% женщин и 36,4% мужчин дожили бы до 65 лет. Но на самом деле из представителей когорты родившихся в период 1900-1904 гг. до возраста 65 лет дожили 61,3% женщин и 49,6% мужчин.

в общее снижение смертности вырос с 30% (между когортами 1900 и 1920 годов рождения) до 69% (для когорт 1980 и 2000 годов рождения).

Рисунки 1 и 2 показывают, что для 17 рассматриваемых стран характерны общие демографические тенденции. Главное отличие США от остальных 16 государств заключается в том, что существует отставание в доли доживающих до 65 лет (линия США ниже линии среднего значения по 16 странам, как показано на рис. 1Б). Кроме того, в США наблюдался больший, по сравнению с другими странами, рост ожидаемой продолжительности жизни женщин в возрасте 65 лет между 1940 и 1970 гг. Относительные различия между странами, особенно в ожидаемой продолжительности жизни при рождении и в вероятности дожития до 65 лет, уменьшались с течением времени.

ПЕРЕХОД В ДОЛГОЛЕТИИ И ОЖИДАЕМОЕ ЧИСЛО ЛЕТ ТРУДОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Одно из наиболее значимых экономических последствий «перехода в долголетии» – изменение продолжительности трудовой деятельности, выражаемое в количестве лет, которое они могут оставаться на рынке труда, и особенно в их доле в общей продолжительности жизни. Можно выделить два фактора влияния ожидаемой продолжительности жизни на длительность трудовой деятельности. Во-первых, это уровень здоровья, позволяющий продолжать трудовую деятельность все более многочисленным пожилым людям. Во-вторых, это экономические, социальные и политические соображения, влияющие на срок выхода на пенсию.

Растущее долголетие может оказывать противоположное влияние на здоровье отдельных возрастных групп. Если высокий уровень дожития идет в ногу со снижением заболеваемости пожилых людей, то болезни будут отодвинуты к концу жизни согласно гипотезе «сжатия заболеваемости» (Fries 1980). С другой стороны, достижения медицины в основном направлены на тех, кто имеет очень слабое здоровье (Zeckhauser, Sato, Rizzo 1985), что может привести к тому, что пожилые люди будут жить в состоянии болезни в течение более длительного периода времени. О влиянии увеличения долгожительства на повозрастную заболеваемость можно судить на основе эмпирических данных. По данным Национального обследования «The National Long-Term Care Survey» доля пожилых американцев с серьезными формами инвалидности в период между 1982 и 1999 гг. снизилась с 26,2 до 19,7 % (Manton, Gu 2001). Миллиген и Уайз (Milligan and Wise 2011) обнаружили, что в нескольких европейских странах существует сильная корреляция между снижением смертности и ростом положительной самооценки здоровья. Таким образом, опираясь на эмпирические данные, можно предположить, что улучшение здоровья в терминах как увеличения дожития, так и снижения заболеваемости, приведет к повышению возрастных коэффициентов занятости населения. Изменения в структуре занятости, ведущие к снижению физической нагрузки на работе, также могут содействовать увеличению уровня занятости.

Более высокие доходы способствуют увеличению спроса на досуг – появляется стремление к сокращению количества рабочих часов в неделю и желание перестать

работать вообще во второй половине жизни (Costa 1998; Murphy, Topel 2006). Кроме того, несколько факторов могут привести к отрицательной взаимосвязи между снижением смертности и уровнем занятости, по крайней мере, для некоторых подгрупп. Например, сокращение селективного эффекта смертности может увеличить долю населения, менее востребованного на рынке труда (из-за недостаточной выносливости, амбиций, образования и т.п.), и таким образом уменьшить долю занятого населения в отдельных возрастных группах. С другой стороны, если компании имеют пирамидальные организационные структуры с большим количеством рабочих мест для новичков и меньшим числом вакансий на более высоких позициях – как, например, в армии, для которой характерна стратегия «расти или уходи» в отношении возраста и карьерного продвижения офицерского состава, – то улучшение выживаемости приведет к переизбытку людей на высоких должностях и более низким показателям занятости. Кроме того, резкое повышение занятости женщин, зарплаты которых, как правило, меньше мужских, может привести к некоторому уменьшению спроса на мужской труд.

В связи с этим возникает вопрос о том, какие из приведенных факторов преобладали в прошлом веке, и сохраняют ли они свою актуальность в будущем? Оценки показателя «ожидаемое число лет трудовой деятельности» могут помочь ответить на этот вопрос.

РАСЧЕТ ОЖИДАЕМОЙ ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТИ ТРУДОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Мы определяем «ожидаемую продолжительность трудовой деятельности» (XLFP, *expected labor force participation*) как итоговое ожидаемое количество лет, которое индивид проведет, занимаясь трудовой деятельностью, рассчитанное на основе показателей дожития для календарного периода и уровня занятости отдельных половозрастных групп населения:

$$XLFP_{jt} = \sum_{i=1}^{100} \pi_{ijt} L_{ijt},$$

где L_{ijt} – возрастные показатели занятости для возраста i и пола j в году t , взвешенные по вероятности дожития до возраста i (π_{ijt}). Отдельно рассматривать мужчин и женщин необходимо из-за бурного роста трудовой активности женщин, который пришелся на период между 1950 и 2000 гг. (Goldin 1986, 1990; Costa 2000). Расчеты основаны на данных об уровне занятости согласно переписям населения (1900-1930 гг.) и текущим обследованиям населения (Current Population Survey, 1942-2007 гг.). Как и в оценках продолжительности жизни, мы можем рассчитать как показатель «ожидаемого числа лет трудовой деятельности» для календарного периода, основанный на текущих оценках для каждого календарного года, так и реальную продолжительность трудовой жизни для когорты. Эти показатели будут различаться в том случае, если половозрастные коэффициенты занятости меняются во времени.

Изменение в ожидаемой продолжительности трудовой деятельности можно разложить на два фактора: изменение в уровне дожития до определенного возраста и

изменение половозрастных уровней занятости. Например, мы рассчитываем вклад снижения смертности, принимая неизменными половозрастные показатели занятости (зафиксированные на уровне 2007 г.). Так же мы рассчитываем эффект изменения уровня занятости, считая постоянными коэффициенты дожития⁴.

Наша работа продолжает исследования по ожидаемым рабочим часам (Hazan 2009) и продолжительности рабочей жизни (Smith 1982), включая оценки продолжительности рабочей жизни для американского населения в период с начала 1950-х до 1980-х гг., выполненные Бюро трудовой статистики США⁵. Насколько нам известно, наше исследование впервые дает оценки продолжительности трудовой жизни в США в период с 1900 по 2007 год; проводит декомпозицию изменений на обусловленные снижением смертности и изменением половозрастных уровней занятости; оно также оценивает долю продолжительности рабочей жизни в ожидаемой продолжительности жизни при рождении для широкого круга стран.

ОЖИДАЕМАЯ ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТЬ ТРУДОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В США С 1900 ГОДА

В начале XX века увеличение ожидаемой продолжительности жизни в основном происходило в результате существенного снижения смертности в молодых возрастах. Эти изменения вначале привели к росту коэффициента демографической нагрузки детьми, а затем к увеличению ожидаемой продолжительности трудовой деятельности, т.е. ожидаемого числа лет, в течение которых человек будет работать, если принять его занятость равной среднему уровню занятости для соответствующего пола и возраста в текущем году.

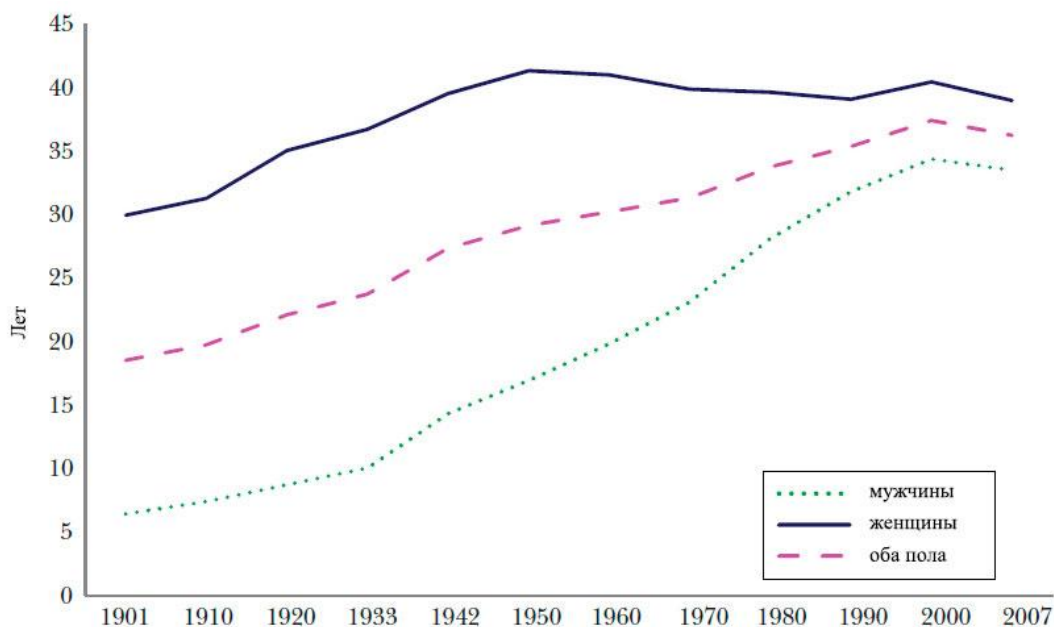
Рис. 4А показывает, что ожидаемая продолжительность трудовой деятельности при рождении для американских мужчин между 1900 и 1950 гг. увеличилась на треть – примерно от 30 до 40 лет. Однако, за последние полвека снижение смертности было скомпенсировано снижением возрастных коэффициентов занятости для мужчин, в результате чего ожидаемая продолжительность трудовой деятельности оставалась относительно постоянной и составляла около 40 лет. Так как ожидаемая продолжительность жизни при рождении продолжала увеличиваться, доля, которую составляет трудовая деятельность в ожидаемой продолжительности жизни, уменьшилась со временем, как показано на рисунке 4Б. Табл. 1 показывает, что в США между 1900 и 2000 гг., продолжительность трудовой деятельности мужчин увеличилась с 30 лет до 40,5

⁴ С декомпозицией, представленной на рис. 1Б и 2Б, можно подробно ознакомиться в Приложении 7. Альтернативные расчеты с использованием в качестве базового 1900 года (декомпозиции на рис. 1А и 2А) показывают аналогичные результаты.

⁵ Существует более ранняя работа в этой области, где Хант, Пикерсгилл и Рутемиллер (Hunt, Pickersgill, Rutenmiller 2001) оценивают продолжительность рабочей деятельности в США на основе показателей занятости в период 1998-1999 гг. Миллимет, Нисвайдоймай, Рю и Слотж (Millimet et al. 2003) используют регрессионный анализ. В похожем исследовании Хазан (Hazan 2009) оценивает количество отработанных за всю жизнь часов для американских мужчин, родившихся между 1840 и 1970 гг., и для всего населения США, родившегося между 1890 и 1970 гг.

года, женщин – с 6,4 до 34,4 года, а для всего населения – с 18,5 до 37,4 года. Это увеличение продолжительности трудовой деятельности составило две трети от общего прироста ожидаемой продолжительности жизни при рождении в XX веке – 28,2 года.

А: Ожидаемая продолжительность трудовой деятельности (XLFP), лет

Б: Отношение ожидаемой продолжительности трудовой деятельности к ожидаемой продолжительности жизни (XLFP/LE₀), %

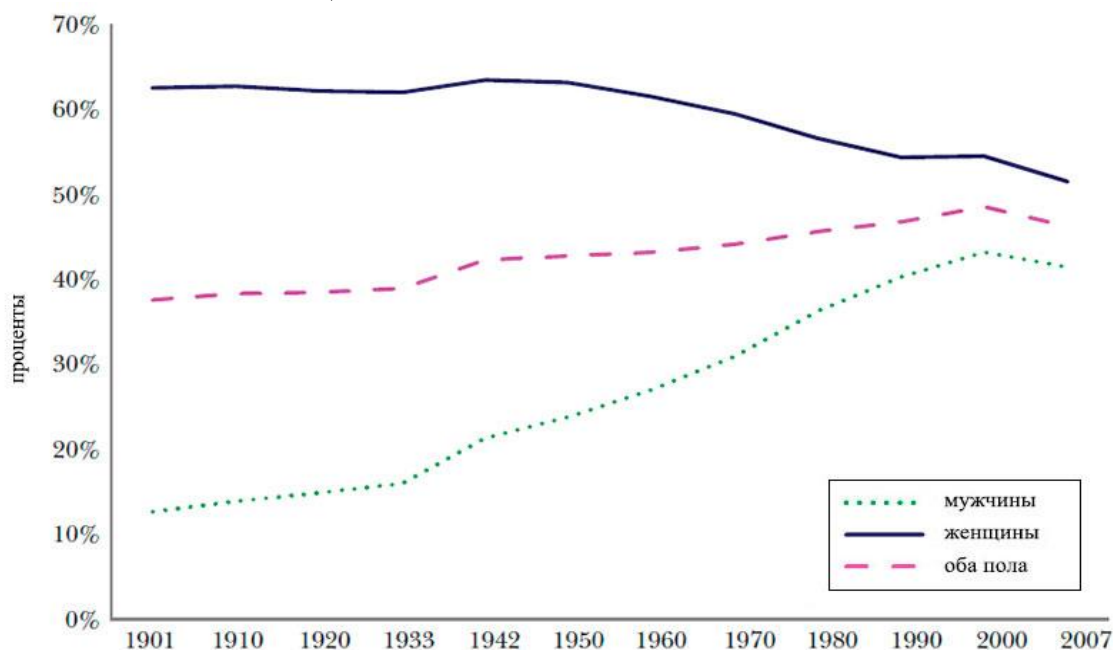

Рисунок 4. Ожидаемая продолжительность трудовой деятельности в США с 1990 года и ее отношение к ожидаемой продолжительности жизни при рождении

Источник: расчеты авторов по данным Human Mortality Database и иным источникам, детально описанным в приложении

Таблица 1. Ожидаемая продолжительность трудовой деятельности (XLFP) в США, по полу, 1900-2007

Год	Мужчины					Женщины		
	XLFP	XLFP при условии неизменности LFP	XLFP с поправкой на отработанные часы	XLFP с поправкой на отработанные часы к LE ₀	XLFP к LE ₀	XLFP	XLFP при условии неизменности LFP	XLFP к LE ₀
1900	30,0	25,7	37,28	62,6%	77,9%	6,4	22,7	12,7%
1910	31,3	27,1	39,96	62,8%	80,2%	7,4	24,1	13,9%
1920	35,1	30,4	37,65	62,2%	66,8%	8,7	26,3	14,9%
1933	36,7	32,3	40,40	62,0%	68,2%	10,0	28,3	16,0%
1942	39,5	34,1	42,66	63,5%	68,5%	14,3	30,1	21,3%
1950	41,3	35,6	38,22	63,2%	58,4%	16,9	31,3	23,8%
1960	41,0	36,3	36,79	61,5%	55,2%	19,8	32,0	27,0%
1970	39,9	36,4	34,67	59,5%	51,7%	23,1	32,2	31,0%
1980	39,6	37,4	n.a.	56,6%	n.a.	28,1	32,8	36,3%
1990	39,1	37,9	n.a.	54,4%	n.a.	31,8	33,1	40,3%
2000	40,5	38,7	n.a.	54,5%	n.a.	34,4	33,3	43,2%
2007	39,0	39,0	n.a.	51,6%	n.a.	33,5	33,5	41,5%
Изменение с 1900 г. на настоящий момент	9,0	13,3	-2,6	-11,0%	-26,1%	27,1	10,8	28,8%

Год	Оба пола				
	XLFP	XLFP при условии неизменности LFP	XLFP с поправкой на отработанные часы	XLFP к LE ₀	XLFP с поправкой на отработанные часы к LE ₀
1900	18,5	24,2	n.a.	37,6%	n.a.
1910	19,8	25,6	n.a.	38,4%	n.a.
1920	22,1	28,4	n.a.	38,5%	n.a.
1933	23,7	30,3	29,0	39,0%	47,5%
1942	27,4	32,2	29,2	42,3%	45,1%
1950	29,1	33,6	29,0	42,8%	42,5%
1960	30,2	34,2	28,8	43,2%	41,2%
1970	31,3	34,4	28,9	44,2%	40,7%
1980	33,8	35,2	n.a.	45,7%	n.a.
1990	35,4	35,6	n.a.	46,8%	n.a.
2000	37,4	36,0	n.a.	48,6%	n.a.
2007	36,3	36,3	n.a.	46,3%	n.a.
Изменение с 1900 г. на настоящий момент	17,7	12,0	n.a.	8,7%	n.a.

Источники: Расчеты автора на основе Human Mortality Database (1933-2007 гг.), дополненные данными из органов статистики по странам за 1900-1920 гг.; коэффициенты занятости рассчитаны по данным переписей населения (1900-1930гг.) и текущему обследованию населения (Current Population Survey, 1942-2007 гг.). Поправка на отработанные часы взята из работы Хазана (2009). Более подробная информация представлена в приложении.

Примечания: Ожидаемая продолжительность трудовой деятельности (XLFP) рассчитывается как сумма лет, которую индивид проведет, занимаясь трудовой деятельностью, основываясь на оценках занятости и дожития по полу и возрасту для календарного периода. XLFP для данного года - ожидаемое число лет, которое человек посвятит трудовой деятельности при среднем уровне занятости для каждого возраста в данном году. LE₀ - ожидаемая продолжительностью жизни при рождении. При расчете «XLFP при условии неизменности LFP» используются возрастно-половые коэффициенты занятости 2007 г. и меняющиеся показатели дожития между 1900 и 2007 гг.

Насколько это изменение объясняется просто увеличением средней продолжительности жизни? Если мы примем возрастные уровни занятости неизменными, в то время как смертность будет снижаться, то выяснится, что только рост ожидаемой продолжительности жизни с 1900 г. увеличил бы продолжительность трудовой деятельности на 13,3 года для мужчин и на 10,8 года для женщин (табл. 1).

Наибольший эффект от снижения смертности был достигнут в первой половине XX века. В самом деле, для мужчин, при расчете продолжительности трудовой деятельности с фиксированными значениями занятости, но меняющимися возрастными коэффициентами смертности, продолжительность трудовой деятельности составляла бы около 54% от ожидаемой продолжительности жизни при рождении с начала XX века до 1970-х годов (не показано в таблице). С того момента началось медленное, но неумолимое снижение этого показателя – сейчас он составляет около 50%.

Ожидаемое число лет трудовой деятельности, отражающее изменения и в смертности, и в занятости, также начало снижаться. Как показано в табл.1 и на рис. 4Б, отношение ожидаемой длительности трудовой жизни к ожидаемой продолжительности жизни ($XLFP/LE_0$) уменьшилось для американских мужчин с 62,6% в 1900 г. до 51,6% в 2007 г. То же самое отношение для женщин увеличивалось с 12,7% в 1900 г. до 43,2% в 2000 г., после чего немного снизилось до 41,5% в 2007 г. Для всего американского населения в целом этот показатель достиг максимума в 48,6% в 2000 г. и снизился до 46,3% в 2007г.

Начиная с 1950 года, снижение смертности и возрастных коэффициентов занятости мужчин компенсируют друг друга. Например, в период между 1950 и 2007 гг., коэффициенты занятости мужчин в возрасте 45-54 лет снизились с 95,8% до 88,2%, но вероятность дожития до 50 лет выросла с 84,1% до 92,2%, так что общая ожидаемая продолжительность трудовой деятельности в возрасте 45-55 лет осталась на уровне 8 лет⁶. Для женщин увеличение ожидаемой продолжительности трудовой деятельности в основном связано с увеличением возрастных коэффициентов занятости, особенно после 1950 года. И напротив, если мы примем возрастные уровни занятости женщин за константу, в то время как показатели смертности будут изменяться ($XLFP$ при условии неизменности LFP), то окажется, что отношение ожидаемого числа лет трудовой деятельности к ожидаемой продолжительности жизни при рождении медленно, но постоянно уменьшалось – от 45% в первые несколько десятилетий XX в. приблизительно до 40% к настоящему времени (не показано в таблице).

Увеличение занятости женщин с конца 1950-х гг. может рассматриваться как единовременный переход от неоплачиваемого домашнего труда к выходу на работу за пределы дома (Goldin 1990; Costa 2000). Если это так, то уменьшение ожидаемой

⁶ Для подробного ознакомления с данными, использованными для вычислений по всему диапазону возрастов, как для мужчин, так и женщин, см. таблицу в Приложении 7, которая предлагает альтернативную декомпозицию изменений продолжительности рабочей деятельности для мужчин и женщин. Эта таблица приложения также показывает, что удержание возрастных коэффициентов занятости на постоянном уровне (в 1900 г. или в 2007 г.) привело бы к большему увеличению продолжительности трудовой жизни, чем есть на самом деле.

продолжительности трудовой деятельности женщин в США с 2000 года будет отражать завершение некоторого сдвига и установление тенденции, схожей с таковой у мужчин, – снижения доли продолжительности трудовой деятельности в ожидаемой продолжительности жизни в целом.

Рассмотрение общего снижения интенсивности работы, а именно уменьшения количества часов работы в год для среднестатистического работника на полную ставку, усиливает вывод о снижении доли продолжительности трудовой жизни в ожидаемой продолжительности жизни при рождении. Хазан (Hazan 2009) оценил общее количество рабочих часов в течение жизни для прошлого столетия для доживших до возраста 5 лет. Мы адаптировали данные Хазана для расчета ожидаемой продолжительности рабочей деятельности с поправкой на отработанные часы (результаты представлены в Приложении 1).

Определение векового тренда в продолжительности трудовой деятельности для других стран с высоким уровнем доходов невозможно, так как нет надежного источника сопоставимых на международном уровне данных о занятости населения до 1980 года. Учитывая сходство в тенденциях смертности и занятости между этими странами по имеющимся годам, можно предположить, что тенденция к снижению продолжительности трудовой деятельности и уменьшению ее доли в ожидаемой продолжительности жизни, выявленная для США, соответствует общему и устойчивому тренду, характерному для всех стран, после достижения высокого уровня ожидаемой продолжительности жизни. За единственным исключением Нидерландов, отношение числа лет трудовой жизни к ожидаемой продолжительности жизни во всех рассматриваемых странах с 1980 года снижается⁷. Поправка на сокращение количества рабочих часов сделала бы эту тенденцию еще более выраженной.

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ПЕРЕХОД В ЗАВИСИМОСТИ ОТ ЭТАПОВ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Демографический переход трассирует путь развития, на котором, на ранних стадиях перехода, страны располагаются примерно в соответствии с уровнем дохода на душу населения. Для многих развивающихся стран в настоящее время характерна ранняя фаза демографического перехода. Например, в табл. 2 показано, что в период между 1990 и 2010 гг., доля лет, прожитых после 65, в процентном отношении от увеличения ожидаемой жизни при рождении, составила чуть более одной трети во Вьетнаме и Бразилии, и менее одной четверти в Бангладеш – это сопоставимо с тем, что было в странах с высоким уровнем доходов в прошлом столетии.

Улучшение здоровья и увеличение ожидаемой продолжительности жизни при рождении могут способствовать повышению уровня жизни бедных слоев населения во всем

⁷ В таблицах Приложения приведены расчеты ожидаемой продолжительности рабочей жизни для 15 стран с 1980 года (см. Приложение 8). Миллиген и Уайз (Milligan, Wise 2011:17), рассматривая возраст, в котором смертность мужчин составила 1,5% в 1977 г. и в 2007 г., установили, что в этом возрасте были заняты почти 90% британских мужчин в 1977 г., но только 30% к 2007 г.

мире (World Health Organization 2002). Данные о занятости населения развивающихся стран не всегда сравнимы между собой и во времени. Тем не менее, на основе существующих данных, можно продемонстрировать важность снижения смертности для увеличения ожидаемой продолжительности трудовой деятельности. Например, в 1980 г. только 70% индонезийских мужчин доживали до 45 лет; к 2007 г. уже 90%. Это снижение смертности добавило 10 лет к продолжительности рабочей жизни индонезийских мужчин в период между 1980 и 2007 годом. В результате этот показатель вырос до 43,7 года, что составило 64,5% от ожидаемой продолжительности жизни при рождении в 2007 г.

Таблица 2. Переход в долголетию в Азии и некоторых развивающихся странах

Страна	Прирост числа лет, прожитых после 65, в процентах к увеличению ожидаемой продолжительности жизни при рождении, 1990-2010	
	Мужчины	Женщины
Япония	72,7%	87,0%
Южная Корея	45,4%	57,1%
Китай	51,9%	40,6%
Филиппины	26,2%	36,0%
Индонезия	26,1%	35,7%
Бразилия	34,2%	35,0%
Вьетнам	32,5%	34,7%
Индия	23,6%	25,8%
Бангладеш	20,7%	25,4%

Источник: расчеты авторов на основе таблиц смертности для каждой страны, подготовленных Центром международных программ Бюро переписи населения США.

Китай и Индия представляют собой особенно важные примеры, учитывая большую численность их населения и относительно быстрое экономическое развитие. В Индии за последние два десятилетия прирост числа лет, прожитых после 65 лет как доля от увеличения ожидаемой продолжительности жизни при рождении, составил лишь четверть (табл. 2). Для Китая – 52% у мужчин и 41% у женщин в период 1990-2010 гг.

Сегодняшнее положение в Китае отражает стремительность демографического перехода, начавшегося там с 1970-х гг. и способствовавшего достижению относительно высокого уровня здоровья жителей страны, несмотря на низкий доход на душу населения к концу эпохи Мао (Banister 1987; Wang 2011). Действительно, несмотря на высокий уровень смертности, связанный с Великим китайским голодом (1959-1961 гг.), рост ожидаемой продолжительности жизни в Китае с примерно 35-40 лет в 1949 г. до 65,5 года в 1980 г. стал самым стремительным устойчивым ростом, который был зафиксирован когда-либо в мировой истории⁸. Улучшение здоровья и рост численности трудоспособного населения способствовали беспрецедентному экономическому росту Китая за последние четверть века. По оценкам Уанга и Мейсона (2008), в период с 1982 по 2000 г. около 15% роста производительности труда в расчете на душу населения в Китае было связано с демографическим дивидендом. По оценке Блума и Уильямсона (Bloom, Williamson 1998),

⁸ Бабиарц, Миллер, Эгглстон, Чжан (Babiarz et al. 2015). предлагают следующие объяснения этого роста: улучшение питания, нужные для населения меры в области здравоохранения, более доступное медицинское обслуживание и рост образования. По их мнению, во время правления Мао достижения в сферах образовании и здравоохранении способствовали снижению общего коэффициента смертности на 25-32%; также в этот период резко сократились показатели младенческой смертности и смертности детей до 5 лет.

от одной четверти до одной трети роста во время «восточноазиатского экономического чуда» произошло благодаря демографическому дивиденду). Темп снижения смертности в Китае немного замедлился, но все еще остается высоким: ожидаемая продолжительность жизни между 1990 и 2010 гг. увеличилась с 69,9 до 76,8 года для женщин и с 66,9 до 72,5 года для мужчин.

Быстрый демографический переход к относительно низкой смертности и низкой рождаемости в Китае повлек за собой старение населения (Peng 2011). Многие политические вызовы связаны с установлением в Китае социальных и экономических институтов, соответствующих переходу к рыночной экономике со средним доходом при значительной численности пожилого населения (Eggleston, Tuljapurkar 2010; Chen, Eggleston, Li 2011). Еще одна проблема Китая заключается в увеличении распространенности хронических заболеваний, что замедляет новый демографический переход. Китай догнал страны с высоким уровнем доходов по распространенности хронических заболеваний благодаря ряду негативных факторов: стремительной урбанизации, диетам с высоким содержанием жиров и калорий, снижению физической активности, широкому распространению курения среди мужского населения. Например, стандартизированный по возрасту показатель распространенности диабета среди взрослого населения в Китае составил 9,7% в 2007-2008 гг., что более чем в 3 раза превышает этот же показатель в 1994 году (Yang et al. 2010); для сравнения, в США распространенность диабета составляет 8,3% для всего населения в 2010 г. и 11,3% среди взрослых (CDC 2011), что выше среднего значения по странам ОЭСР (OECD, 2011 г.).

Временные рамки и скорость перехода к долголетию различны в разных странах и регионах. Например, в Японии с 1950 по 1970 гг. только 13,1% прироста ожидаемой продолжительности жизни мужчин приходилось на возрастные группы старше 65 лет; для женщин этот показатель составлял 17,3%. В течение 1990-2009 гг. Япония стала лидером нового демографического перехода с долей прироста ожидаемой продолжительности жизни, реализованной в возрасте старше 65 лет, достигающей 72,7% у мужчин и 87% у женщин (табл. 2).

Первоначальный и новый демографические переходы неразрывно связаны с эволюцией социальных и экономических институтов (Aoki 2011). Данные говорят о том, что ни одна страна с развитой экономикой не может рассчитывать на то, что рост продолжительности жизни будет способствовать росту доходов в расчете на душу населения при сложившихся на данный момент институтах⁹. Например, Ли и Мейсон (2011) сравнивают «средний возраст потребления» и «средний возраст получения трудового дохода» в большом количестве стран, для которых они и их коллеги из разных стран собрали подробные данные о доходах поколений, включая стоимость активов и средства, полученные по социальным программам поддержки (но не включая наследство или

⁹ Они рассчитывают средние возраста потребления и получения трудового дохода следующим образом: «средний возраст потребления вычисляется путем умножения каждого возраста на совокупное потребление в этом возрасте, суммирования этих произведений по возрастам, и деления полученной суммы на общее потребление во всех возрастах. Аналогичный расчет для среднего возраста получения трудового дохода». (Lee, Mason 2011:123).

нерыночный труд). Они обнаружили, что в развивающихся странах поток нетто-трансфертов направлен строго вниз – от старших возрастов к младшим. Тем не менее во времена радикальных изменений, обусловленных новым демографическим переходом, «направление трансфертов между поколениями изменилось с нисходящего на восходящее, по крайней мере, в нескольких основных богатых странах», в том числе в Германии, Австрии и Японии (Lee, Mason 2011: 116). Хотя оценки Ли и Мейсона основаны на поперечных, а не на продольных данных, связь с переходом в долголетии очевидна: для 13 стран, которые присутствуют и в нашем, и в их анализе, существует сильная отрицательная корреляция (-0,89) между долей роста продолжительности жизни за последние 20 лет, реализованной в возрастных группах старше 65 лет, и разницей между средним возрастом получения дохода и средним возрастом потребления. Другими словами, чем больше рост средней продолжительности жизни сосредоточен в пенсионных возрастах, тем с большей вероятностью межпоколенческие трансферты будут двигаться вверх, а не вниз.

Для более широкой группы, состоящей из 107 стран, Блум, Каннинг и Финк (Bloom, Canning, Fink 2010) рассчитали гипотетические годовые темпы роста доходов на душу населения в период между 1960 и 2005 гг. и – с помощью демографических прогнозов – между 2005 и 2050 гг. Результаты варьируются в зависимости от уровня экономического развития. Они обнаружили, что в большинстве стран, не входящих в ОЭСР, снижение демографической нагрузки детьми будет компенсировано ростом демографической нагрузкой пожилыми. Однако, согласно демографическим прогнозам на период 2005-2050 гг., в половине стран проявление подобной тенденции будет очень медленным. Среди 26 проанализированных стран-членов ОЭСР в 25 из них (исключение – Турция) экономический рост будет более низким – в среднем 2,1%, а не 2,8% в год, если исходить из предполагаемых демографических изменений с 2005 по 2050 г.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ НОВОГО ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО ПЕРЕХОДА

Исторически сложилось так, что взрослые люди всегда производили больше, чем потребляли, обеспечивая таким образом и своих детей. Казалось бы, при сохранении такой модели поведения, увеличение доли населения в старших возрастах в результате демографического перехода могло бы снять ограничения с социального бюджета вследствие увеличения числа рабочих лет. Тем не менее, «произошла забавная вещь: общества придумали выход на пенсию ... и в настоящее время экономические последствия старения населения вызывают тревогу» (Lee, Mason 2011: 115).

Выход на пенсию – относительно новое явление в истории человечества, которое можно рассматривать как ответ на многие экономические и социальные изменения. Можно выделить следующие факторы: переход от samozанятости на фермах или малых предприятиях к наемному труду; быстрые технологические изменения, приводящие к устареванию человеческого капитала (наряду с компенсаторными опциями, которые часто недоплачивают в начале и переплачивают в конце карьеры, как это описано в Lazear 1981);

введение различных программ в области здравоохранения и социального обеспечения, которые помогают пожилым людям, но дестимулируют их трудовую деятельность; увеличение дохода, приведшее к повышению спроса на отдых, с уменьшением предельной стоимости все более короткой рабочей недели, за которой следует блок отдыха в конце жизни; и, в периоды высокой безработицы, обеспокоенность общества по поводу возможностей трудоустройства для молодых работников.

Приведет ли новый демографический переход к замедлению экономического роста? Рассчитывая прожить более долгую жизнь, люди могут принять решение работать дольше, откладывать больше, и/или инвестировать в человеческий капитал в достаточных количествах и инновационными способами для того, чтобы увеличение продолжительности жизни по-прежнему приводило к увеличению благосостояния. Как утверждают Блум, Каннинг и Финк (Bloom, Canning, Fink 2010) «проблема старения населения является скорее следствием жестких и устаревших стратегий и институтов, чем демографических изменений как таковых» (стр. 607).

Однако незаметно, чтобы США и другие страны с высоким уровнем дохода, которые продвинулись еще дальше в демографическом переходе, меняли свою политику и институты в ответ на «переход в долголетию». Хотя и США, и Франция увеличили пенсионный возраст, системы социального обеспечения в странах с высоким уровнем дохода скорее способствуют более раннему выходу на пенсию (Gruber, Wise 1998). Между 1965 и 2005 гг. корреляция между изменениями в ожидаемой продолжительности жизни при рождении у мужчин и изменением пенсионного возраста оказалась отрицательной: -0,21 (Bloom, Canning, Fink 2010: 591). Эта тенденция не может сохраняться бесконечно: увеличение продолжительности жизни на пенсии не согласуется с продолжающимся ростом доходов на душу населения, если нет значительного увеличения сбережений, инвестиций и производительности труда. Как это ни парадоксально, но то же самое явление, что привело к росту ВВП на душу населения, – рост продолжительности жизни, может привести к снижению ВВП на душу населения.

Успешная навигация в условиях нового демографического перехода требует сочетания мер, направленных на стимулирование роста сбережений и инвестиций (в том числе в человеческий капитал) в начале жизни и увеличения рабочего времени на более поздних ее этапах. Можно выделить два фактора, которые могут поспособствовать движению общества в этом направлении: улучшение здоровья и сокращение трансфертов, получаемых пожилыми людьми от молодых.

Государственная политика должна поощрять большую занятость пожилых людей, устраняя трудности, с которыми сталкиваются работодатели при найме работников старшего возраста, а также дополнительно стимулировать индивидов продолжать работать. Шовен отмечает, что «люди не могут рассчитывать на финансирование своей пенсии в течение 20-25 лет, имея 35-летний стаж работы» (цитируется по Haven 2011). «Это просто не будет работать. Ни в Греции, [ни] в Соединенных Штатах. В конце концов, встанет необходимость повысить пенсионный возраст». Однако, только увеличения занятости пожилых недостаточно: даже если увеличить занятость лиц старше 65 лет вдвое по сравнению с уровнем 2007 года (12,6% для женщин и 20,5% для мужчин), это не позволит

достичь отношения ожидаемой продолжительности рабочей жизни к ожидаемой продолжительности жизни, характерного для 2000 года. Необходимо также увеличение занятости мужчин 50-64 лет.

Государственная политика может также стремиться к повышению производительности труда с акцентом на образование и наращивание человеческого капитала в начале жизненного цикла, а также на инвестиции для снижения заболеваемости и улучшения способности работать в более позднем возрасте. Будет ли заболеваемость и дальше отодвигаться во все более поздние возраста, зависит от того, будут ли усовершенствованы медицинские технологии и улучшены социально-экономические детерминанты здоровья так, чтобы компенсировать неблагоприятные тренды, такие как ожирение. Потенциально многообещающе здесь выглядят вложения в общественное здравоохранение и медицинские технологии, которые снижают заболеваемость и улучшают качество жизни, а также в медицинские инновации, уменьшающие затраты на лечение. (Одним из примеров подобной политики, совместимой с обеими целями, было бы расширение паллиативной помощи, которая могла бы заменить дорогое лечение в больнице в конце жизни, особенно в странах, где концепция хосписа является относительно новой, таких как Китай).

Наконец, увеличение нормы сбережений, инвестиций и основного капитала может помочь в возникновении эндогенного экономического роста (Lucas 1988; Romer 1990). В США в течение многих десятилетий уровень личных сбережений населения был низким. Увеличение сбережений физических лиц до выхода на пенсию сможет смягчить потенциальное неблагоприятное воздействие роста продолжительности жизни на экономический рост. Странам необходимо будет внести структурные изменения в такие программы, как, например, Medicare и Social Security в США, чтобы поддержать приемлемый уровень жизни и здоровья.

Общества с высоким уровнем доходов в настоящее время сталкиваются с новым демографическим переходом: переходом в долголетию. Они должны решить, как реагировать на снижение смертности, если оно будет происходить во второй фазе жизни. Дополнительное увеличение ожидаемой продолжительности жизни приведет к дальнейшему снижению доли ожидаемой продолжительности трудовой деятельности в общей ожидаемой продолжительности жизни при рождении, если только занятость лиц средних и старших возрастов заметно не вырастет. Несомненно, увеличение продолжительности жизни имеет большое значение, независимо от его отношения к доходу на душу населения (Murphy, Topel 2006). Первоначальный демографический переход преподнес обществу «демографический подарок» в виде более высоких доходов на душу населения (Bloom, Williamson 1998) без особой необходимости принятия политических мер, но новый демографический переход требует политически трудных решений, если общество хочет сохранить положительную взаимосвязь между ростом продолжительности жизни и ростом благосостояния.

ЛИТЕРАТУРА

- Aoki M. (2011). The five-phases of economic development and institutional evolution in China and Japan. *Presidential Lecture at the XVIth World Congress of the International Economic Association*.
- Banister J. (1987). *China's changing population*. Stanford University Press.
- Barker D.J. (1990). The fetal and infant origins of adult disease. *British Medical Journal*, 301(6761), 1111.
- Bell F.C., Miller M.L. (2005). Life tables for the United States social security Asia 1900–2100. *Actuarial Study. 120. Social Security Administration Office of the Chief Actuary*, SSA Pub. No. 11-11536.
- Bloom D.E., Canning D., Fink G. (2010). Implications of population ageing for economic growth. *Oxford Review of Economic Policy*, 26(4), 583–612.
- Bloom D.E., Canning D., Sevilla J. (2003). *The demographic dividend: a new perspective on the economic consequences of population change*. Monograph Reports, MR-1274. Monica, CA: RAND Corporation. URL: http://www.rand.org/pubs/monograph_reports/MR1274
- Bloom D.E., Williamson J.G. (1998). Demographic transitions and economic miracles in emerging Asia. *World Bank Economic Review*, 12(3), 419–55.
- Chen Q., Eggleston K.N., Li L. (2012). Demographic change, intergenerational transfers, and the challenges for social protection systems in the People's Republic of China. *D.Park, S. Lee, Mason A., eds. Aging, Economic Growth, and Old-Age Security in Asia*. Edward Elgar Publishing: 161-202
- Diabetes Fact Sheet (2011). National Atlanta, GA: CDC. URL: http://www.cdc.gov/diabetes/pubs/pdf/ndfs_2011.pdf.
- Costa D.L. (1998). *The Evolution of retirement: an American economic history, 1880–1990*. University of Chicago Press.
- Costa D.L. (2000). From mill town to board room: the rise of women's paid labor. *Journal of Economic Perspectives*, 14(4), 101–122.
- Cutler D., Deaton A., Lleras-Muney A. (2006). The determinants of mortality. *Journal of Economic Perspectives*, 20(3), 97–120.
- Davis K. (1945). The world demographic transition. *Annals of the American Academy of Political and Social Science*, 237(1), 1–11.
- Eggleston K.N., Tuljapurkar S., eds. (2010). *Aging Asia: economic and social implications of rapid demographic change in China, Japan, and South Korea*. Shorenstein APRC; distributed by Brookings Institution Press.
- Fogel R.W. (1994). Economic growth, population theory, and physiology: the bearing of long-term processes on the making of economic policy. *American Economic Review*, 84(3), 369–395.
- Fries J.F. (1980). Aging, natural death, and the compression of morbidity. *New England Journal of Medicine*, 303(3), 130–135.
- Fuchs V.R. (1999). 'Provide, provide': the economics of aging. *Rettenmaier A.J., Saving T.R., eds. Medicare Reform: Issues and Answers*. University of Chicago Press, 15–36.
- Galor O., Weil D.N. (1996). The gender gap, fertility, and growth. *American Economic Review*, 86(3), 374–87.

- Gruber J., Wise D.A. (1998). *Social security programs and retirement around the world*. University of Chicago Press.
- Goldin C. (1986). The female labor force and American economic growth: 1890 to 1980. Engerman S., Gallman R., eds. *Long-term factors in American economic growth, conference on income and wealth*. 51. University of Chicago Press, 557–604.
- Goldin C. (1990). *Understanding the gender gap: an economic history of American women*. Oxford University Press.
- Guinnane T.W. (2011). The historical fertility transition: a guide for economists. *Journal of Economic Literature*, 49(3), 589–614.
- Haven C. (2011). Stanford economist: how do we ‘get off this path of deficits as far as the eye can see?’ *Stanford Report, August 2*. URL: <http://news.stanford.edu/news/2011/august/shoven-debt-qanda-080211.html>.
- Hazan M. (2009). Longevity and lifetime labor supply: evidence and implications. *Econometrica*, 77(6), 1829–63.
- HMD (2012). The Human Mortality Database. University of California, Berkeley (USA), and Max Planck Institute for Demographic Research (Germany). URL: <http://www.mortality.org/>; <http://www.humanmortality.de/>.
- Hunt T., Pickersgill J., Rutemiller H. (2001). Recent trends in median years to retirement and worklife expectancy for the civilian U.S. population (Prepared Using 1998/99 BLS Labor Force Participation Rates). *Journal of Forensic Economics*, 14(3), 203–227.
- Lazear E.P. (1981). Agency, earnings profiles, productivity, and hours restrictions. *American Economic Review*, 71(4), 606–620.
- Lee R.D. (2003). The demographic transition: three centuries of fundamental change. *Journal of Economic Perspectives*, 17(4), 167–190.
- Lee R.D., Reher D.S. (2011). Introduction: the landscape of demographic transition and its aftermath. *Population and Development Review*. 37 (Issue Supplement s1): 1–7.
- Lee R.D., Mason A. (2011). Generational economics in a changing world. *Population and Development Review*. 37 (Issue Supplement s1), 115–142.
- Lee R.D., Tuljapurkar S. (1997). Death and taxes: longer life, consumption, and social security. *Demography*, 34(1), 67–81.
- Lucas R.E. (1988). On the mechanics of economic development. *Journal of Monetary Economics*, 22(1), 3–42.
- Manton K.G., Gu X. (2001). Changes in the prevalence of chronic disability in the United States black and nonblack population above age 65 from 1982 to 1999. *PNAS*, 98(11), 6354–59.
- Babiarz KS, Eggleston K, Miller G, Zhang Q. (2015). An exploration of China's mortality decline under Mao: A provincial analysis, 1950–80. *Popul Stud (Camb)*, 69(1), 39–56.
- Milligan K., Wise D.A. (2011). Social security and retirement around the world: historical trends in mortality and health, employment, and disability insurance participation and reforms—introduction and summary. *NBER Working Paper 16719*.
- Millimet D.L., Nieswiadomy M., Ryu H., Slotte D. (2003). Estimating worklife expectancy: an econometric approach. *Journal of Econometrics*, 113(1), 83–113.

- Murphy K.M., Topel R.H. (2006). The value of health and longevity. *Journal of Political Economy*, 114(4), 871–904.
- OECD (2011). Health at a Glance: OECD Indicators. Organization for Economic Cooperation and Development. URL: <http://www.oecd.org/dataoecd/6/28/49105858.pdf>.
- Peng X. (2011). China's demographic history and future challenges. *Science*, 333(6042), 581–587.
- Romer P.M. (1990). Endogenous techno-logical change. *Journal of Political Economy*, 98(5), S71–S102.
- Smith S.J. (1982). New worklife estimates reflect changing profile of labor force. *Monthly Labor Review*, 105(3), 15–20.
- Swift R. (2011). The relationship between health and GDP in OECD countries in the very long run. *Health Economics*, 20(3), 306–322.
- Wang F. (2011). The future of a demographic overachiever: long-term implications of the demographic transition in China. *Population and Development Review*, 37(Supplement), 173–90.
- Wang F., Mason A. (2008). The demographic factor in China's transition. *Brandt L., Rawski T.G., eds. China's Great Economic Transformation*. Cambridge University Press, 136–66.
- World Health Organization (2002). *Macroeconomics and Health: Investing in Health for Economic Development: Report of the Commission on Macroeconomics and Health*. World Health Organization (WHO).
- Yang W. et al. (2010). Prevalence of diabetes among men and women in China. *New England Journal of Medicine*, 362(12), 1090–1101.
- Zeckhauser R.J., Sato R., Rizzo J. (1985). Hidden Heterogeneity in Risk: Evidence from Japanese Mortality. *Health Intervention and Population Heterogeneity: Evidence from Japan and the United States*. National Institute for Research Advancement, 23–131.

THE NEW DEMOGRAPHIC TRANSITION: MOST GAINS IN LIFE EXPECTANCY NOW REALIZED LATE IN LIFE

KAREN EGGLESTON, VICTOR FUCHS

The share of increases in life expectancy realized after age 65 was only about 20 percent at the beginning of the 20th century for the United States and 16 other countries at comparable stages of development; but that share was close to 80 percent by the dawn of the 21st century, and is almost certainly approaching 100 percent asymptotically. This new demographic transition portends a diminished survival effect on working life. For high-income countries at the forefront of the longevity transition, expected lifetime labor force participation as a percent of life expectancy is declining. Innovative policies are needed if societies wish to preserve a positive relationship running from increasing longevity to greater prosperity.

Key words: new demographic transition, longevity transition, life expectancy, expected labour force participation.

KAREN N. EGGLESTON (karene@stanford.edu), STANFORD UNIVERSITY, USA.

VICTOR R. FUCHS (vfuchs@stanford.edu), STANFORD UNIVERSITY, USA.

TRANSLATION OF THE ARTICLE: EGGLESTON K.N., FUCHS V.R. THE NEW DEMOGRAPHIC TRANSITION: MOST GAINS IN LIFE EXPECTANCY NOW REALIZED LATE IN LIFE. JOURNAL OF ECONOMIC PERSPECTIVES, 2012; 26 (3): 137-56.

TRANSLATED BY E. PETUKHOVA AND M. VERGELES.

REFERENCES

- Aoki M. (2011). The five-phases of economic development and institutional evolution in China and Japan. *Presidential Lecture at the XVIth World Congress of the International Economic Association*.
- Banister J. (1987). *China's changing population*. Stanford University Press.
- Barker D.J. (1990). The fetal and infant origins of adult disease. *British Medical Journal*, 301(6761), 1111.
- Bell F.C., Miller M.L. (2005). Life tables for the United States social security Asia 1900–2100. *Actuarial Study. 120. Social Security Administration Office of the Chief Actuary*, SSA Pub. No. 11-11536.
- Bloom D.E., Canning D., Fink G. (2010). Implications of population ageing for economic growth. *Oxford Review of Economic Policy*, 26(4), 583–612.
- Bloom D.E., Canning D., Sevilla J. (2003). *The demographic dividend: a new perspective on the economic consequences of population change*. Monograph Reports, MR-1274. Monica, CA: RAND Corporation. URL: http://www.rand.org/pubs/monograph_reports/MR1274
- Bloom D.E., Williamson J.G. (1998). Demographic transitions and economic miracles in emerging Asia. *World Bank Economic Review*, 12(3), 419–55.
- Chen Q., Eggleston K.N., Li L. (2012). Demographic change, intergenerational transfers, and the challenges for social protection systems in the People's Republic of China. *D.Park, S. Lee, Mason A., eds. Aging, Economic Growth, and Old-Age Security in Asia*. Edward Elgar Publishing: 161-202

- Diabetes Fact Sheet (2011). National Atlanta, GA: CDC. URL: http://www.cdc.gov/diabetes/pubs/pdf/ndfs_2011.pdf.
- Costa D.L. (1998). *The Evolution of retirement: an American economic history, 1880–1990*. University of Chicago Press.
- Costa D.L. (2000). From mill town to board room: the rise of women’s paid labor. *Journal of Economic Perspectives*, 14(4), 101–122.
- Cutler D., Deaton A., Lleras-Muney A. (2006). The determinants of mortality. *Journal of Economic Perspectives*, 20(3), 97–120.
- Davis K. (1945). The world demographic transition. *Annals of the American Academy of Political and Social Science*, 237(1), 1–11.
- Eggleston K.N., Tuljapurkar S., eds. (2010). *Aging Asia: economic and social implications of rapid demographic change in China, Japan, and South Korea*. Shorenstein APRC; distributed by Brookings Institution Press.
- Fogel R.W. (1994). Economic growth, population theory, and physiology: the bearing of long-term processes on the making of economic policy. *American Economic Review*, 84(3), 369–395.
- Fries J.F. (1980). Aging, natural death, and the compression of morbidity. *New England Journal of Medicine*, 303(3), 130–135.
- Fuchs V.R. (1999). ‘Provide, provide’: the economics of aging. *Rettenmaier A.J., Saving T.R., eds. Medicare Reform: Issues and Answers*. University of Chicago Press, 15–36.
- Galor O., Weil D.N. (1996). The gender gap, fertility, and growth. *American Economic Review*, 86(3), 374–87.
- Gruber J., Wise D.A. (1998). *Social security programs and retirement around the world*. University of Chicago Press.
- Goldin C. (1986). The female labor force and American economic growth: 1890 to 1980. *Engerman S., Gallman R., eds. Long-term factors in American economic growth, conference on income and wealth*. 51. University of Chicago Press, 557–604.
- Goldin C. (1990). *Understanding the gender gap: an economic history of American women*. Oxford University Press.
- Guinnane T.W. (2011). The historical fertility transition: a guide for economists. *Journal of Economic Literature*, 49(3), 589–614.
- Haven C. (2011). Stanford economist: how do we ‘get off this path of deficits as far as the eye can see?’ *Stanford Report, August 2*. URL: <http://news.stanford.edu/news/2011/august/shoven-debt-qanda-080211.html>.
- Hazan M. (2009). Longevity and lifetime labor supply: evidence and implications. *Econometrica*, 77(6), 1829–63.
- HMD (2012). The Human Mortality Database. University of California, Berkeley (USA), and Max Planck Institute for Demographic Research (Germany). URL: <http://www.mortality.org/>; <http://www.humanmortality.de/>.
- Hunt T., Pickersgill J., Rutemiller H. (2001). Recent trends in median years to retirement and worklife expectancy for the civilian U.S. population (Prepared Using 1998/99 BLS Labor Force Participation Rates). *Journal of Forensic Economics*, 14(3), 203–227.

- Lazear E.P. (1981). Agency, earnings profiles, productivity, and hours restrictions. *American Economic Review*, 71(4), 606–620.
- Lee R.D. (2003). The demographic transition: three centuries of fundamental change. *Journal of Economic Perspectives*, 17(4), 167–190.
- Lee R.D., Reher D.S. (2011). Introduction: the landscape of demographic transition and its aftermath. *Population and Development Review*. 37 (Issue Supplement s1): 1–7.
- Lee R.D., Mason A. (2011). Generational economics in a changing world. *Population and Development Review*. 37 (Issue Supplement s1), 115–142.
- Lee R.D., Tuljapurkar S. (1997). Death and taxes: longer life, consumption, and social security. *Demography*, 34(1), 67–81.
- Lucas R.E. (1988). On the mechanics of economic development. *Journal of Monetary Economics*, 22(1), 3–42.
- Manton K.G., Gu X. (2001). Changes in the prevalence of chronic disability in the United States black and nonblack population above age 65 from 1982 to 1999. *PNAS*, 98(11), 6354–59.
- Babiarz KS, Eggleston K, Miller G, Zhang Q. (2015). An exploration of China's mortality decline under Mao: A provincial analysis, 1950–80. *Popul Stud (Camb)*, 69(1), 39–56.
- Milligan K., Wise D.A. (2011). Social security and retirement around the world: historical trends in mortality and health, employment, and disability insurance participation and reforms—introduction and summary. *NBER Working Paper 16719*.
- Millimet D.L., Nieswiadomy M., Ryu H., Slottje D. (2003). Estimating worklife expectancy: an econometric approach. *Journal of Econometrics*, 113(1), 83–113.
- Murphy K.M., Topel R.H. (2006). The value of health and longevity. *Journal of Political Economy*, 114(4), 871–904.
- OECD (2011). Health at a Glance: OECD Indicators. Organization for Economic Cooperation and Development. URL: <http://www.oecd.org/dataoecd/6/28/49105858.pdf>.
- Peng X. (2011). China's demographic history and future challenges. *Science*, 333(6042), 581–587.
- Romer P.M. (1990). Endogenous technological change. *Journal of Political Economy*, 98(5), S71–S102.
- Smith S.J. (1982). New worklife estimates reflect changing profile of labor force. *Monthly Labor Review*, 105(3), 15–20.
- Swift R. (2011). The relationship between health and GDP in OECD countries in the very long run. *Health Economics*, 20(3), 306–322.
- Wang F. (2011). The future of a demographic overachiever: long-term implications of the demographic transition in China. *Population and Development Review*, 37(Supplement), 173–90.
- Wang F., Mason A. (2008). The demographic factor in China's transition. *Brandt L., Rawski T.G., eds. China's Great Economic Transformation*. Cambridge University Press, 136–66.
- World Health Organization (2002). *Macroeconomics and Health: Investing in Health for Economic Development: Report of the Commission on Macroeconomics and Health*. World Health Organization (WHO).

Yang W. et al. (2010). Prevalence of diabetes among men and women in China. *New England Journal of Medicine*, 362(12), 1090–1101.

Zeckhauser R.J., Sato R., Rizzo J. (1985). Hidden Heterogeneity in Risk: Evidence from Japanese Mortality. *Health Intervention and Population Heterogeneity: Evidence from Japan and the United States*. National Institute for Research Advancement, 23–131.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ДАННЫЕ И МЕТОДЫ

Для стран и регионов, для которых в базе данных *Human Mortality Database* имеются таблицы смертности и только для гражданского, и для всего населения (Франция, Англия и Уэльс), мы использовали таблицы смертности для всего населения. Начальное наблюдение для каждой страны может быть основано на данных за период менее 5 лет. Подобным же образом для ряда стран (например, Бельгии, Франции, Италии) ожидаемая продолжительность жизни за 2005-09 гг. рассчитана по данным не за весь 5-летний период. Исходные годы рядов для стран или регионов следующие: Австралия – 1921; Бельгия – 1841; Канада – 1921; Дания – 1835; Финляндия – 1878; Франция – 1816; Исландия – 1838; Италия – 1872; Нидерланды – 1850; Норвегия – 1846; Испания – 1908; Швеция – 1751; Швейцария – 1876; Англия и Уэльс (Великобритания) – 1841; Шотландия (Великобритания) – 1855; Северная Ирландия (Великобритания) – 1922; США – 1933. Последний год для каждой страны или региона – 2007, но для Италии и Испании – 2006; для Дании, Финляндии, Исландии, Нидерландов, Норвегии и Швеции – 2008-2009; для Великобритании (Англии и Уэльса, Шотландии и Северной Ирландии) – 2009.

Чтобы сгладить ежегодные изменения и учесть незначительные различия в продолжительности периода, за который доступны данные по отдельным странам, изменения в ожидаемой продолжительности жизни при рождении рассчитывались как разность средних значений для пятилетних интервалов в начале и в конце каждого 20-летнего периода. Так изменение за период 1987-2007 гг. рассчитывается как разность ожидаемой продолжительности жизни в 1985-1989 и в 2005-2009 гг.

Данные для США до 1933 г. взяты из US National Vital Statistics Reports, Vol. 58, № 21, 28 июня, 2010 «Таблица 12. Ожидаемая продолжительность жизни при рождении, в годах, по признакам расы и полу: регистрация смертей за 1900-1928 гг. и 1929-2006 гг.».

Сопоставление показателей дожития до 65 лет и продолжительности жизни для когорт и для календарных периодов также основано на показателях из базы данных *Human Mortality Database (HMD)*, в частности, из когортных таблиц смертности для Англии и Уэльса.

Показатели дожития для некоторых развивающихся стран, не представленных в *HMD* (например, для Китая, Индии, Индонезии и Бразилии в таблице 2), были заимствованы из таблиц смертности, подготовленных Центром международных программ Бюро цензов США, который выполняет оценки численности населения и строит прогнозы для всех стран мира в своей базе *International Data Base (IDB)*. С основными результатами IDB можно ознакомиться на веб-сайте Бюро цензов США, подробные же таблицы смертности с разбивкой по полу и годам, использованные для анализа в этой статье, не общедоступны. Авторы благодарят доктора Джудит Банистер за помощь при получении и

проверке этих данных, а также выражают признательность и благодарность Лорейн Вест, Даниэлю Гудкайнду и Андреа Миль (Бюро цензов США) за любезное предоставление таблиц смертности из IDB.

Мы также рассчитали XLFP – ожидаемое число лет, в течение которых человек будет работать, если его экономическая активность в соответствующей половозрастной группе будет соответствовать средней в данном году. Мы вычислили вероятность дожития π_{ijt} в средней точке каждого возрастного интервала для мужчин и женщин, используя таблицы смертности соответствующих стран, как это описано выше. Коэффициенты занятости (LFP), как правило, доступны только для определенных возрастных групп, поэтому мы аппроксимировали L_{ijt} , используя средние значения коэффициентов LFP для данной возрастно-половой группы в соответствующем году, предполагая, что LFP в возрасте до 15 лет и после 75 лет равны нулю.

Для расчета XLFP мы использовали данные текущего обследования населения США (Current Population Survey, CPS) за 1950-2010 гг., LFP вычислен для 6 возрастных групп: 16-24, 25-34, 35-44, 45-54, 55-64, 65 и старше¹; для более широкого круга стран LFP рассчитан с использованием данных МОТ (доступны только с 1980 года) для 5 возрастных групп: 15-24, 25-34, 35-54, 55-64 и 65+. В табл. 1, где приведены расчеты XLFP за 1900 г., использованы таблицы смертности 1901 г. по штатам (Мэн, Нью-Гемпшир, Вермонт, Массачусетс, Род-Айленд, Коннектикут, Нью-Йорк, Нью-Джерси, Индиана, Мичиган и округ Колумбия) и данные переписи 1900 г. для расчета LFP (Данные исторической статистики США «Выпуски D 29-41: участие в рабочей силе по полу и возрасту, 1890-1970 гг.»). Из-за отсутствия данных по LFP в 1910 г., авторы использовали среднее арифметическое показателей LFP для каждого пола за 1901 и 1920 гг. Данные о дожитии за 1910 г. (без разбивки по расам) взяты из таблиц смертности для штатов, ведущих учет смертей. При расчетах XLFP за 1920 г. и LFP использовались данные переписи 1920 г. и данные по штатам, имевшим регистрацию смертей за 1920 г. (Мэн, Нью-Гемпшир, Вермонт, Массачусетс, Род-Айленд, Коннектикут, Нью-Йорк, Нью-Джерси, Пенсильвания, Огайо, Индиана, Иллинойс, Мичиган, Висконсин, Миннесота, Миссури, Небраска, Делавэр, Мэриленд, Вирджиния, Северная Каролина, Южная Каролина, Флорида, Кентукки, Теннесси, Миссисипи, Луизиана, Монтана, Колорадо, Юта, Вашингтон, Орегон, Калифорния и округ Колумбия, учитывалось только белое население). Для расчета XLFP и LFP по возрасту за 1933 г. использовались данные переписи 1930 г. и таблицы смертности из базы HMD за 1933 г.; для 1942 г. были взяты данные CPS за 1942 г., а для показателей LFP – таблицы смертности из базы HMD за 1942 г. (так как методы сбора данных и возрастные интервалы, используемые при переписи 1940 г. не сопоставимы с CPS 1942 г. и более поздними).

Для расчета показателя XLFP с поправкой на отработанные часы, мы отталкиваемся от оценок Хазана (2009), которые зависят от вероятности для новорожденного дожить до 5

¹ Расчеты LFP по США произведены Фуллертоном (Fullerton H. Jr. Labor force participation: 75 years of change, 1950–98 and 1998–2025, *Monthly Labor Review December*, 1999: 3-12) подведение итогов LFP до 1998 года на основе исторических данных текущего обследования населения и статистического обзора Current Population Survey 2011, «Таблица 585. Рабочая сила граждан и прогнозы коэффициентов их участия».

лет (в некоторых случаях до более старшего возраста). Фокусируя внимание на социальных ожиданиях, касающихся продолжительности трудовой жизни, мы должны учитывать значительные улучшения в младенческой и детской выживаемости за последнее столетие. Поэтому, чтобы скорректировать ожидаемую продолжительность трудовой деятельности на число отработанных часов, мы сначала умножаем полученные Хазаном оценки ожидаемого числа отработанных за жизнь часов на показатель дожития до 5 лет за соответствующий год или для соответствующей возрастной когорты. Затем мы пересчитываем количество отработанных за жизнь часов в число лет при круглогодичной полной занятости, что соответствует 2080 отработанным часам в год (40 часов в неделю, 52 недели в год). В результате, временной ряд числа лет ожидаемой трудовой деятельности мужчин с учетом предельно возможного числа отработанных часов показывает увеличение на 5 лет в период между 1900 и 1940 гг., а затем снижение на 8 лет с 1970 г. Корректировка на рабочие часы приводит к еще более драматичному и более раннему снижению ожидаемой продолжительности трудовой деятельности мужчин по отношению к общей ожидаемой продолжительности жизни.

Ограниченность данных исключает подобные расчеты для женщин, но Хазан (2009 г.) приводит оценки ожидаемого числа отработанных часов для всего населения до 1970 года. Используя эти показатели с поправкой на выживаемость, взятые из базы *Human Mortality Database* (доступны для всего населения США с 1933 г.), мы показали, что ожидаемая трудовая жизнь среднего американца с поправкой на число отработанных часов между 1933 и 1970 гг. оставалась относительно стабильной. Другими словами, на протяжении большей части прошлого века, увеличение дожития и рост участия в рабочей силе женщин были компенсированы снижением отработанных рабочих часов и возрастными коэффициентами участия в рабочей силе мужчин. В результате показатели ожидаемое число лет трудовой деятельности среднего американца оставались неизменными. Между тем, выживаемость продолжает увеличиваться. Соответственно, доля рабочей жизни в общей продолжительности жизни для всего населения США упала с 47,5% в 1930 г. до 40,7% к 1970 г.

Переход от календарных к когортным показателям подтверждает и усиливает вывод о сокращении продолжительности рабочей жизни. Так, если исходить из сделанных Хазаном (2009: рис. 8) когортных оценок ожидаемого количества рабочих часов в течение жизни, то для когорты 1900 года рождения ожидаемая длительность трудовой деятельности составила 64,7% от ожидаемой продолжительности жизни; для тех, кто родился всего 30 лет спустя, ожидаемая длительность трудовой деятельности увеличилась на 2 дополнительных года, но ее доля по отношению к ожидаемой продолжительности жизни сократилась до 53,1%.

Страны могут различаться по тому, как они учитывают самозанятых или проходящих военную службы, что оказывает влияние на сопоставимость оценок занятости населения в целом. МОТ пытается учесть такие различия. В частности, согласно определению МОТ, «уровень занятости – мера, показывающая долю населения трудоспособного возраста, которое активно присутствует на рынке труда, либо работая, либо находясь в поиске работы; она отражает относительный размер предложения рабочей

силы, доступной для производства товаров и услуг. Разбивка рабочей силы по полу и возрастным группам дает представление о распределении экономически активного населения внутри страны... Производится гармонизация коэффициентов занятости для того, чтобы учесть различия в национальных особенностях сбора данных и применяемой методологии, а также а других специфических для каждой страны факторах (например, требований к военной службе).»

Для США и ряда других стран мы сравнили оценки XLFP, полученные на основе однолетних и пятилетних (усредненных за 5 календарных лет) данных о дожитии и не нашли значимых различий.

ТАБЛИЦЫ И РИСУНКИ

Приложение 1. Таблица 1А. Ожидаемая продолжительность жизни при рождении с 1900 года, США и 16 других стран с высоким уровнем дохода, женщины

	1900-1904	1905-1909	1910-1914	1915-1919	1920-1924	1925-1929	1930-1934	1935-1939	1940-1944	1945-1949	1950-1954
Австралия	52,5	53,9	59,8	54,4	64,1	65,1	67,2	67,7	68,6	70,9	72,2
Бельгия	50,4	51,9	53,1	51,6	57,3	58,5	60,6	62,2	61,7	65,6	70,1
Канада	51,0	53,2	55,3	53,6	58,6	59,7	62,4	64,1	66,3	69,0	71,5
Дания	55,6	57,3	59,6	58,4	61,3	62,5	63,8	65,3	67,7	69,5	72,2
Финляндия	46,2	48,5	50,6	47,6	53,2	55,3	57,9	59,6	60,2	64,5	69,3
Франция	49,0	50,7	52,7	50,1	55,9	56,9	59,9	61,9	58,6	65,4	69,9
Исландия	52,4	53,1	57,8	57,8	58,8	61,2	63,8	65,8	67,5	71,3	74,3
Италия	43,3	44,8	48,1	42,0	50,3	52,8	56,7	57,8	57,6	62,6	68,1
Нидерланды	51,5	54,4	57,1	55,1	61,2	63,7	66,1	67,8	66,3	68,9	73,1
Норвегия	56,7	57,7	59,6	57,5	62,2	64,3	66,3	68,1	68,7	71,9	74,4
Испания	36,7	42,2	43,1	40,7	44,7	49,9	52,6	53,3	55,3	62,1	66,4
Швеция	55,3	57,7	59,4	57,3	62,3	63,4	64,9	66,5	69,2	71,0	73,1
Швейцария	50,6	52,6	55,3	55,4	59,5	61,9	63,7	65,3	67,1	68,6	71,6
Англия и Уэльс	50,4	53,3	55,4	55,0	60,1	61,3	63,1	65,1	66,3	69,8	72,1
Шотландия	49,3	51,1	53,0	52,5	56,8	58,5	59,9	61,8	62,9	66,4	69,5
Северная Ирландия	46,9	49,1	51,3	49,7	55,2	56,2	58,7	59,4	61,3	66,2	69,6
<i>Среднее значение (станд. отклонение)</i>	49,9(4,9)	52,0(4,3)	54,4(4,7)	52,4(5,3)	57,6(5,0)	59,4(4,3)	61,7(4,0)	63,2(4,1)	64,1(4,4)	67,7(3,1)	71,1(2,2)
<i>Коэффициент вариации</i>	0,10	0,08	0,09	0,10	0,09	0,07	0,06	0,07	0,07	0,05	0,03
США	50,7	53,4	53,2	53,6	58,5	60,2	62,6	63,8	66,8	69,5	71,7
	1955-1959	1960-1964	1965-1969	1970-1974	1975-1979	1980-1984	1985-1989	1990-1994	1995-1999	2000-2004	2005-2009
Австралия	73,5	74,2	74,4	75,1	77,0	78,6	79,3	80,6	81,6	82,8	83,8
Бельгия	72,1	73,2	73,8	74,7	75,9	77,2	78,5	79,7	80,5	81,3	82,1
Канада	73,2	74,5	75,6	76,6	78,0	79,3	80,1	80,8	81,3	82,1	82,8
Дания	73,7	74,4	75,2	76,3	77,2	77,5	77,6	77,9	78,5	79,5	80,6
Финляндия	71,3	72,5	73,3	75,0	76,9	78,3	78,7	79,5	80,6	81,6	82,8
Франция	72,4	74,1	75,1	76,2	77,6	78,8	80,1	81,4	82,2	83,1	84,1
Исландия	75,4	76,1	76,4	77,2	79,3	79,9	80,1	80,9	81,1	82,4	83,1
Италия	70,6	72,3	73,7	75,1	76,7	78,0	79,5	80,6	81,7	83,0	83,9
Нидерланды	74,6	75,7	76,3	77,0	78,3	79,4	79,9	80,2	80,5	80,9	82,0
Норвегия	75,5	75,9	76,7	77,6	78,4	79,3	79,4	80,1	81,0	81,7	82,7
Испания	69,8	72,2	73,9	75,3	77,1	79,1	80,1	81,1	82,1	83,1	83,8
Швеция	74,6	75,4	76,4	77,6	78,4	79,4	80,1	80,8	81,7	82,2	82,9
Швейцария	73,2	74,4	75,4	76,8	78,5	79,4	80,6	81,3	82,2	83,1	84,0
Англия и Уэльс	73,5	74,2	74,9	75,4	76,2	77,2	78,0	79,0	79,7	80,8	81,9
Шотландия	71,3	72,2	73,1	73,8	74,5	75,5	76,3	77,2	78,0	78,9	79,9
Северная Ирландия	71,8	72,7	73,6	73,8	74,6	75,9	77,2	78,3	79,2	80,4	81,2
<i>Среднее значение (станд. отклонение)</i>	72,9(1,7)	74,0(1,4)	74,9(1,2)	75,8(1,2)	77,2(1,4)	78,3(1,3)	79,1(1,2)	79,9(1,3)	80,8(1,3)	81,7(1,3)	82,6(1,2)
<i>Коэффициент вариации</i>	0,02	0,02	0,02	0,02	0,02	0,02	0,02	0,02	0,02	0,02	0,01
США	73,0	73,6	74,1	75,2	77,0	77,9	78,4	79,0	79,4	79,8	80,5

Источник: база данных Human Mortality Database и статистика естественного движения населения США (до 1933 года).

Приложение 1. Таблица 1В. Ожидаемая продолжительность жизни при рождении с 1900 года, США и 16 других стран с высоким уровнем дохода, мужчины

	1900-1904	1905-1909	1910-1914	1915-1919	1920-1924	1925-1929	1930-1934	1935-1939	1940-1944	1945-1949	1950-1954
Австралия	49,4	54,5	55,8	51,3	60,2	61,2	63,4	63,6	64,6	66,4	66,7
Бельгия	47,0	48,6	49,5	48,1	53,7	54,9	56,6	57,9	55,1	60,2	65,1
Канада	49,3	51,3	52,8	48,5	56,4	57,2	59,9	61,4	62,8	65,1	66,6
Дания	52,2	54,4	56,5	55,8	59,6	60,9	62,0	63,2	65,6	67,2	69,6
Финляндия	43,5	45,4	47,4	39,3	48,5	50,3	52,8	53,5	42,0	56,3	62,7
Франция	45,5	46,8	43,8	32,1	51,8	52,5	54,8	56,0	47,6	59,5	64,1
Исландия	48,0	47,1	52,1	52,6	52,3	58,4	59,9	60,7	62,6	67,6	69,9
Италия	42,9	44,1	47,3	32,5	48,9	51,0	54,4	55,0	48,9	58,4	64,4
Нидерланды	48,6	52,0	54,9	53,2	59,7	62,2	64,7	66,3	62,6	64,2	70,6
Норвегия	53,5	55,1	56,3	54,2	59,8	61,5	63,5	64,8	63,2	68,3	70,8
Испания	35,0	40,2	41,1	38,9	42,2	46,8	49,0	45,3	48,5	56,6	61,8
Швеция	52,7	55,4	56,7	54,6	60,0	61,2	62,9	63,9	66,4	68,5	70,3
Швейцария	47,9	49,6	52,0	51,9	58,6	59,9	61,3	62,8	64,5	67,0	70,0
Англия и Уэльс	46,6	49,5	50,8	40,3	56,1	57,3	59,0	60,8	58,2	63,3	66,9
Шотландия	46,2	48,3	49,9	49,0	53,4	54,7	56,3	57,8	55,7	61,9	64,9
Северная Ирландия	47,0	49,0	50,5	46,2	54,3	55,3	57,2	57,7	58,7	63,5	66,0
<i>Среднее значение (станд. отклонение)</i>	47,2(4,4)	49,5(4,3)	51,1(4,6)	46,8(7,8)	54,6(5,1)	56,5(4,6)	58,5(4,4)	59,3(5,3)	57,8(7,5)	63,2(4,0)	66,7(2,9)
<i>Коэффициент вариации</i>	0,09	0,09	0,09	0,17	0,09	0,08	0,08	0,09	0,13	0,06	0,04
США	47,9	50,5	49,9	47,5	56,3	56,9	58,8	59,6	61,9	64,2	65,8
	1955-1959	1960-1964	1965-1969	1970-1974	1975-1979	1980-1984	1985-1989	1990-1994	1995-1999	2000-2004	2005-2009
Австралия	67,5	67,8	67,7	68,3	70,0	71,7	72,9	74,5	76,0	77,8	79,1
Бельгия	66,7	67,3	67,6	68,2	69,3	70,5	71,8	73,0	74,0	75,2	76,5
Канада	67,7	68,4	68,9	69,6	70,7	72,3	73,5	74,6	75,6	77,2	78,2
Дания	70,4	70,4	70,5	70,9	71,3	71,4	71,8	72,5	73,5	74,9	76,1
Финляндия	64,6	65,5	65,7	66,5	68,1	70,0	70,6	71,8	73,3	74,8	75,9
Франция	65,9	67,2	67,6	68,6	69,5	70,6	71,9	73,1	74,4	75,8	77,1
Исландия	71,0	71,1	71,1	71,2	73,4	73,8	75,1	76,2	76,8	78,6	79,5
Италия	66,1	66,9	67,9	69,1	70,1	71,4	72,9	74,0	75,4	77,2	78,5
Нидерланды	71,2	71,2	71,0	71,1	71,9	72,8	73,4	74,1	75,0	76,1	77,8
Норвегия	71,4	71,1	71,2	71,3	72,1	72,6	72,7	74,1	75,4	76,6	78,1
Испания	65,1	67,2	68,5	69,7	71,1	72,8	73,3	73,8	74,9	76,3	77,2
Швеция	71,2	71,5	71,8	72,1	72,3	73,4	74,2	75,3	76,7	77,8	78,8
Швейцария	68,1	68,7	69,6	70,6	71,9	72,7	73,8	74,5	76,1	77,7	79,0
Англия и Уэльс	67,9	68,2	68,7	69,2	70,0	71,3	72,3	73,6	74,7	76,2	77,7
Шотландия	65,9	66,2	67,0	67,4	68,2	69,4	70,3	71,5	72,4	73,6	75,1
Северная Ирландия	67,6	67,8	68,2	67,3	68,0	69,6	71,1	72,6	73,9	75,5	76,4
<i>Среднее значение (станд. отклонение)</i>	68,0(2,3)	68,5(1,9)	68,9(1,8)	69,4(1,7)	70,5(1,6)	71,6(1,4)	72,6(1,3)	73,7(1,2)	74,9(1,2)	76,3(1,3)	77,6(1,3)
<i>Коэффициент вариации</i>	0,03	0,03	0,03	0,02	0,02	0,02	0,02	0,02	0,02	0,02	0,02
США	66,6	66,8	66,8	67,5	69,4	70,7	71,3	72,2	73,4	74,5	75,4

Источник: база данных Human Mortality Database и статистика естественного движения населения США (до 1933 года).

Приложение 1. Таблица 1С. Ожидаемая продолжительность жизни при рождении с 1900 года, США и 16 других стран с высоким уровнем дохода, оба пола

	1900-1904	1905-1909	1910-1914	1915-1919	1920-1924	1925-1929	1930-1934	1935-1939	1940-1944	1945-1949	1950-1954
Австралия	50,9	56,2	57,6	54,1	62,0	63,0	65,3	65,6	66,6	68,5	69,3
Бельгия	48,8	50,3	51,3	49,9	55,6	56,8	58,7	60,0	58,2	62,9	67,6
Канада	50,2	52,3	54,0	50,7	57,5	58,5	61,2	62,8	64,5	66,9	69,0
Дания	54,0	55,9	58,1	57,2	60,5	61,8	63,0	64,3	66,7	68,4	70,9
Финляндия	44,9	47,0	49,0	43,2	50,9	52,8	55,3	56,5	50,0	60,4	66,1
Франция	47,3	48,7	47,9	39,5	53,9	54,8	57,4	59,0	52,8	62,5	67,1
Исландия	50,3	50,1	55,0	55,2	55,5	59,9	61,9	63,3	65,0	69,5	72,1
Италия	43,1	44,5	47,8	36,6	49,6	52,0	55,6	56,5	53,0	60,5	66,3
Нидерланды	50,0	53,2	56,0	54,2	60,5	62,9	65,4	67,1	64,4	66,5	71,8
Норвегия	55,1	56,5	58,0	55,9	61,1	62,9	64,9	66,4	65,9	70,1	72,6
Испания	36,0	41,3	42,2	39,8	43,5	48,4	50,8	49,1	51,8	59,4	64,2
Швеция	54,1	56,6	58,1	56,0	61,2	62,3	63,9	65,2	67,8	69,8	71,7
Швейцария	49,2	51,1	53,7	53,7	58,0	60,3	61,8	63,3	65,0	66,6	69,4
Англия и Уэльс	48,6	51,5	53,2	46,9	58,2	59,4	61,2	63,1	62,2	66,6	69,6
Шотландия	47,8	49,8	51,6	50,8	55,3	56,7	58,3	59,9	59,5	64,3	67,3
Северная Ирландия	47,0	49,1	50,9	47,8	54,7	55,8	58,0	58,6	60,0	64,9	67,9
<i>Среднее значение (станд. отклонение)</i>	<i>48,6(4,6)</i>	<i>50,9(4,3)</i>	<i>52,8(4,5)</i>	<i>49,5(6,6)</i>	<i>56,1(5,0)</i>	<i>58,0(4,4)</i>	<i>60,2(4,1)</i>	<i>61,3(4,7)</i>	<i>60,8(6,0)</i>	<i>65,5(3,5)</i>	<i>68,9(2,5)</i>
<i>Коэффициент вариации</i>	<i>0,10</i>	<i>0,09</i>	<i>0,09</i>	<i>0,13</i>	<i>0,09</i>	<i>0,08</i>	<i>0,07</i>	<i>0,08</i>	<i>0,10</i>	<i>0,05</i>	<i>0,04</i>
США	49,2	51,9	51,5	50,2	57,4	58,5	60,6	61,6	64,3	66,8	68,6
	1955-1959	1960-1964	1965-1969	1970-1974	1975-1979	1980-1984	1985-1989	1990-1994	1995-1999	2000-2004	2005-2009
Австралия	70,4	70,9	71,0	71,6	73,5	75,2	76,2	77,7	78,9	80,5	81,6
Бельгия	69,4	70,2	70,7	71,4	72,6	73,8	75,2	76,4	77,4	78,4	79,5
Канада	70,3	71,3	72,1	73,0	74,2	75,8	76,8	77,8	78,6	79,8	80,7
Дания	72,1	72,4	72,9	73,6	74,3	74,5	74,8	75,3	76,1	77,3	78,5
Финляндия	68,0	69,1	69,6	70,8	72,6	74,3	74,8	75,7	77,1	78,4	79,5
Франция	69,3	70,7	71,4	72,4	73,6	74,8	76,2	77,4	78,6	79,7	80,8
Исландия	73,2	73,6	73,7	74,1	76,3	76,8	77,6	78,6	79,0	80,6	81,3
Италия	68,4	69,6	70,8	72,1	73,5	74,8	76,3	77,4	78,8	80,3	81,5
Нидерланды	72,9	73,4	73,6	74,0	75,0	76,1	76,7	77,3	77,9	78,7	80,1
Норвегия	73,5	73,5	73,9	74,4	75,2	75,9	76,0	77,2	78,3	79,3	80,6
Испания	67,6	69,8	71,3	72,6	74,3	76,1	76,8	77,5	78,6	79,8	80,6
Швеция	72,9	73,4	74,1	74,8	75,3	76,4	77,2	78,1	79,3	80,2	81,0
Швейцария	70,7	71,6	72,6	73,7	75,2	76,2	77,3	78,0	79,4	80,6	81,7
Англия и Уэльс	70,8	71,3	72,0	72,5	73,3	74,5	75,4	76,5	77,4	78,7	80,0
Шотландия	68,7	69,3	70,1	70,7	71,5	72,6	73,5	74,6	75,4	76,4	77,7
Северная Ирландия	69,8	70,3	70,9	70,6	71,4	72,9	74,3	75,7	76,8	78,1	78,8
<i>Среднее значение (станд. отклонение)</i>	<i>70,5(1,9)</i>	<i>71,3(1,6)</i>	<i>71,9(1,4)</i>	<i>72,6(1,4)</i>	<i>73,9(1,4)</i>	<i>75,0(1,2)</i>	<i>75,9(1,2)</i>	<i>76,9(1,1)</i>	<i>78,0(1,2)</i>	<i>79,2(1,2)</i>	<i>80,2(1,2)</i>
<i>Коэффициент вариации</i>	<i>0,03</i>	<i>0,02</i>	<i>0,02</i>	<i>0,02</i>	<i>0,02</i>	<i>0,02</i>	<i>0,02</i>	<i>0,01</i>	<i>0,01</i>	<i>0,02</i>	<i>0,01</i>
США	69,7	70,2	70,6	71,5	73,3	74,6	75,0	75,9	76,6	77,4	78,1

Источник: база данных Human Mortality Database и статистика естественного движения населения США (до 1933 года).

Приложение 2. Таблица 2А. Ожидаемая продолжительность жизни в возрасте 65 лет с 1900 года, США и 16 других стран с высоким уровнем дохода, женщины

	1900-1904	1905-1909	1910-1914	1915-1919	1920-1924	1925-1929	1930-1934	1935-1939	1940-1944	1945-1949	1950-1954
Австралия	12,9	13,0	13,2	13,0	14,0	14,0	14,3	14,2	14,3	14,7	14,9
Бельгия	11,9	11,8	12,1	11,7	12,5	12,5	12,9	13,1	13,0	13,8	14,2
Канада	12,8	13,0	13,2	13,0	13,7	13,5	14,0	14,1	14,2	14,9	15,3
Дания	12,9	12,9	13,2	13,0	12,9	12,9	13,0	13,1	13,4	14,1	14,4
Финляндия	11,7	12,0	12,2	11,4	12,3	12,5	12,7	12,4	12,7	13,2	13,2
Франция	11,5	11,5	11,8	11,7	12,4	12,4	12,9	13,1	12,6	14,1	14,6
Исландия	13,1	13,1	13,7	13,4	13,4	15,0	15,6	14,9	15,2	16,0	16,5
Италия	10,8	11,0	11,4	10,9	11,8	12,0	12,8	12,6	12,4	13,6	14,1
Нидерланды	12,2	12,3	12,7	12,3	12,8	12,9	13,3	13,4	13,1	14,0	14,8
Норвегия	14,3	14,3	14,5	14,1	14,6	14,7	14,8	14,8	15,3	15,7	15,9
Испания	10,2	10,5	10,7	10,7	11,2	11,9	12,3	12,2	12,8	14,2	14,4
Швеция	13,5	13,7	13,8	13,6	13,9	13,8	13,8	13,6	14,2	14,3	14,6
Швейцария	10,5	10,6	11,0	11,0	11,5	11,9	12,3	12,6	13,2	13,5	14,3
Англия и Уэльс	11,7	11,9	12,4	12,2	13,0	12,8	13,2	13,4	13,9	14,5	14,6
Шотландия	11,7	12,1	12,2	12,1	12,5	12,4	12,7	12,7	13,2	13,6	13,6
Северная Ирландия	11,5	11,7	11,9	11,6	12,1	12,3	12,4	12,4	12,9	13,6	13,8
<i>Среднее значение (станд. отклонение)</i>	12,1(1,1)	12,2(1,1)	12,5(1,0)	12,2(1,0)	12,8(0,9)	13,0(1,0)	13,3(1,0)	13,3(0,8)	13,5(0,9)	14,2(0,8)	14,6(0,8)
<i>Коэффициент вариации</i>	0,09	0,09	0,08	0,08	0,07	0,07	0,07	0,06	0,07	0,05	0,06
США	12,2	12,5	12,0	12,5	12,8	13,3	13,4	13,4	13,9	14,7	15,4
	1955-1959	1960-1964	1965-1969	1970-1974	1975-1979	1980-1984	1985-1989	1990-1994	1995-1999	2000-2004	2005-2009
Австралия	15,4	15,8	15,9	16,3	17,4	18,2	18,5	19,3	20,1	20,9	21,7
Бельгия	14,7	14,9	15,1	15,6	16,2	17,0	17,9	18,7	19,3	19,8	20,5
Канада	15,9	16,4	17,1	17,6	18,4	19,0	19,3	19,8	20,0	20,6	21,2
Дания	15,1	15,3	15,9	16,8	17,4	17,7	17,9	17,8	17,9	18,4	19,2
Финляндия	13,6	13,8	14,0	15,1	16,3	17,2	17,5	18,1	18,9	19,8	20,9
Франция	15,3	15,9	16,4	16,9	17,7	18,4	19,3	20,3	20,8	21,5	22,3
Исландия	16,6	16,6	16,7	17,4	18,9	18,7	19,0	19,5	19,5	20,4	20,6
Италия	14,7	15,2	15,6	16,3	16,8	17,4	18,4	19,2	20,0	20,8	21,4
Нидерланды	15,3	15,9	16,4	16,8	17,7	18,5	18,8	19,0	19,1	19,4	20,3
Норвегия	16,1	16,0	16,5	16,9	17,6	18,2	18,5	18,8	19,4	20,0	20,7
Испания	14,7	15,5	15,9	16,2	17,1	18,2	18,8	19,6	20,2	20,9	21,4
Швеция	15,2	15,6	16,2	17,1	17,6	18,3	18,8	19,3	19,8	20,2	20,7
Швейцария	14,8	15,4	15,8	16,7	17,8	18,4	19,3	19,9	20,4	21,1	21,7
Англия и Уэльс	15,1	15,4	15,9	16,2	16,6	17,1	17,5	18,1	18,5	19,3	20,2
Шотландия	14,0	14,4	14,9	15,4	15,8	16,2	16,4	16,9	17,4	18,1	18,9
Северная Ирландия	14,3	14,7	15,2	15,3	15,9	16,4	16,9	17,7	18,1	18,9	19,8
<i>Среднее значение (станд. отклонение)</i>	15,0(0,8)	15,4(0,7)	15,8(0,8)	16,4(0,8)	17,2(0,9)	17,8(0,8)	18,3(0,9)	18,9(0,9)	19,3(1,0)	20,0(1,0)	20,7(0,9)
<i>Коэффициент вариации</i>	0,05	0,05	0,05	0,05	0,05	0,05	0,05	0,05	0,05	0,05	0,04
США	15,8	16,2	16,5	17,1	18,2	18,6	18,7	19,1	19,2	19,4	20,1

Источник: база данных Human Mortality Database и статистика естественного движения населения США (до 1933 года).

Приложение 2. Таблица 2В. Ожидаемая продолжительность жизни в возрасте 65 лет с 1900 года, США и 16 других стран с высоким уровнем дохода, мужчины

	1900-1904	1905-1909	1910-1914	1915-1919	1920-1924	1925-1929	1930-1934	1935-1939	1940-1944	1945-1949	1950-1954
Австралия	10,8	11,0	11,2	11,0	12,3	12,3	12,6	12,4	12,3	12,4	12,3
Бельгия	10,8	10,7	10,8	10,9	11,4	11,3	11,7	11,7	11,3	12,3	12,4
Канада	12,1	12,2	12,4	12,2	13,0	12,7	13,1	13,1	12,9	13,3	13,5
Дания	11,7	12,0	12,3	12,5	12,7	12,6	12,7	12,6	13,0	13,6	13,8
Финляндия	10,8	10,9	11,0	9,9	10,9	10,8	11,1	10,9	10,7	11,1	11,1
Франция	10,5	10,3	10,5	10,4	11,0	10,8	11,1	11,0	10,4	12,0	12,1
Исландия	10,9	11,3	12,2	12,0	11,5	13,3	13,5	12,9	13,8	14,8	14,7
Италия	10,7	10,8	11,2	10,7	11,5	11,4	12,0	11,9	11,4	12,8	13,0
Нидерланды	11,6	11,7	12,1	11,7	12,4	12,5	12,9	12,9	12,5	13,2	14,1
Норвегия	13,4	13,5	13,5	13,3	13,7	13,8	13,9	13,8	14,3	14,8	14,8
Испания	9,2	10,0	10,0	9,7	10,1	10,4	10,8	10,2	10,7	12,0	12,4
Швеция	12,6	12,9	12,9	12,8	13,3	13,2	13,2	13,0	13,5	13,6	13,7
Швейцария	10,1	10,0	10,2	10,2	10,7	10,9	11,2	11,3	11,7	12,0	12,5
Англия и Уэльс	10,6	10,7	11,0	10,6	11,4	11,2	11,4	11,5	11,8	12,2	11,8
Шотландия	10,5	10,8	10,8	10,4	10,9	10,8	11,1	11,0	11,4	11,9	11,5
Северная Ирландия	11,0	11,0	11,2	10,9	11,5	11,6	11,6	11,5	11,9	12,4	12,3
<i>Среднее значение (станд. отклонение)</i>	11,1(1,0)	11,2(1,0)	11,5(1,0)	11,2(1,1)	11,8(1,0)	11,8(1,1)	12,1(1,0)	12,0(1,0)	12,1(1,2)	12,8(1,1)	12,9(1,1)
<i>Коэффициент вариации</i>	0,09	0,09	0,09	0,10	0,09	0,09	0,08	0,08	0,10	0,08	0,09
США	11,5	11,3	11,2	11,3	12,2	11,9	12,0	11,9	12,2	12,7	12,9
	1955-1959	1960-1964	1965-1969	1970-1974	1975-1979	1980-1984	1985-1989	1990-1994	1995-1999	2000-2004	2005-2009
Австралия	12,4	12,4	12,2	12,5	13,3	14,0	14,6	15,5	16,4	17,6	18,6
Бельгия	12,6	12,5	12,2	12,3	12,5	13,1	13,7	14,5	15,1	15,9	16,8
Канада	13,5	13,6	13,7	13,8	14,2	14,7	15,1	15,7	16,1	17,2	18,0
Дания	13,9	13,6	13,5	13,7	13,8	13,8	14,1	14,2	14,6	15,4	16,3
Финляндия	11,4	11,5	11,3	11,7	12,3	13,0	13,4	14,1	14,8	15,9	16,9
Франция	12,4	12,7	12,7	13,1	13,5	14,2	14,9	15,8	16,2	17,1	17,9
Исландия	14,9	15,1	14,8	14,8	16,1	15,5	15,9	16,4	16,5	17,8	18,2
Италия	13,1	13,1	13,0	13,3	13,3	13,8	14,6	15,3	15,9	16,9	17,7
Нидерланды	14,1	14,1	13,8	13,6	13,7	14,0	14,2	14,5	14,9	15,7	16,8
Норвегия	14,7	14,2	14,0	13,9	14,2	14,3	14,4	14,9	15,5	16,4	17,4
Испания	12,6	13,0	13,2	13,4	14,0	14,8	15,3	15,8	16,2	16,9	17,4
Швеция	13,9	13,8	13,9	14,1	14,1	14,5	15,0	15,6	16,2	17,0	17,7
Швейцария	12,8	12,9	13,0	13,5	14,1	14,6	15,2	15,7	16,5	17,5	18,3
Англия и Уэльс	11,9	12,0	12,1	12,3	12,6	13,1	13,6	14,3	15,1	16,3	17,5
Шотландия	11,5	11,4	11,6	11,6	11,9	12,4	12,7	13,3	14,0	15,1	16,2
Северная Ирландия	12,3	12,3	12,3	12,0	12,3	12,6	13,1	13,9	14,6	15,8	16,9
<i>Среднее значение (станд. отклонение)</i>	13,0(1,1)	13,0(1,0)	13,0(1,0)	13,1(0,9)	13,5(1,0)	13,9(0,9)	14,4(0,9)	15,0(0,9)	15,5(0,8)	16,5(0,8)	17,4(0,7)
<i>Коэффициент вариации</i>	0,08	0,08	0,07	0,07	0,08	0,06	0,06	0,06	0,05	0,05	0,04
США	13,0	12,9	12,9	13,1	13,9	14,3	14,7	15,3	15,8	16,5	17,3

Источник: база данных Human Mortality Database и статистика естественного движения населения США (до 1933 года).

Приложение 2. Таблица 2С. Ожидаемая продолжительность жизни в возрасте 65 лет с 1900 года, США и 16 других стран с высоким уровнем дохода, оба пола

	1900-1904	1905-1909	1910-1914	1915-1919	1920-1924	1925-1929	1930-1934	1935-1939	1940-1944	1945-1949	1950-1954
Австралия	11,8	12,0	12,2	12,0	13,1	13,1	13,5	13,4	13,3	13,6	13,6
Бельгия	11,4	11,3	11,5	11,3	12,0	12,0	12,4	12,4	12,2	13,1	13,4
Канада	12,4	12,6	12,8	12,6	13,4	13,1	13,6	13,6	13,5	14,1	14,4
Дания	12,4	12,5	12,8	12,8	12,8	12,8	12,8	12,9	13,2	13,9	14,1
Финляндия	11,3	11,5	11,7	10,8	11,7	11,8	12,0	11,8	11,8	12,3	12,4
Франция	11,0	10,9	11,3	11,1	11,8	11,7	12,1	12,2	11,7	13,3	13,5
Исландия	12,1	12,4	13,1	12,8	12,6	14,3	14,7	14,0	14,6	15,5	15,8
Италия	10,8	10,9	11,3	10,8	11,6	11,8	12,5	12,3	12,0	13,2	13,6
Нидерланды	11,9	12,0	12,4	12,0	12,6	12,7	13,1	13,1	12,8	13,6	14,5
Норвегия	13,9	14,0	14,0	13,8	14,2	14,3	14,4	14,3	14,8	15,3	15,4
Испания	9,8	10,3	10,4	10,3	10,7	11,3	11,6	11,3	11,9	13,3	13,5
Швеция	13,1	13,4	13,4	13,3	13,7	13,5	13,5	13,3	13,9	13,9	14,2
Швейцария	10,3	10,4	10,6	10,7	11,1	11,5	11,8	12,1	12,6	12,8	13,5
Англия и Уэльс	11,2	11,4	11,8	11,5	12,3	12,1	12,5	12,6	13,0	13,6	13,5
Шотландия	11,2	11,6	11,6	11,4	11,9	11,8	12,1	12,0	12,5	12,9	12,7
Северная Ирландия	11,2	11,4	11,5	11,3	11,8	12,0	12,0	12,0	12,4	13,1	13,2
<i>Среднее значение (станд. отклонение)</i>	11,6(1,0)	11,8(1,0)	12,0(1,0)	11,8(1,0)	12,3(0,9)	12,5(1,0)	12,8(0,9)	12,7(0,8)	12,9(1,0)	13,6(0,8)	13,8(0,9)
<i>Коэффициент вариации</i>	0,09	0,09	0,08	0,09	0,08	0,08	0,07	0,07	0,08	0,06	0,06
США	11,9	11,9	11,6	11,9	12,5	12,6	12,7	12,7	13,1	13,7	14,2
	1955-1959	1960-1964	1965-1969	1970-1974	1975-1979	1980-1984	1985-1989	1990-1994	1995-1999	2000-2004	2005-2009
Австралия	13,9	14,2	14,1	14,5	15,6	16,4	16,8	17,6	18,5	19,6	20,4
Бельгия	13,7	13,8	13,8	14,0	14,6	15,3	16,0	16,9	17,6	18,2	19,0
Канада	14,7	15,0	15,3	15,7	16,4	17,0	17,4	18,0	18,3	19,2	19,9
Дания	14,5	14,5	14,7	15,3	15,7	15,9	16,1	16,2	16,4	17,2	18,0
Финляндия	12,7	12,8	12,9	13,6	14,7	15,5	15,9	16,4	17,3	18,2	19,2
Франция	14,1	14,5	14,8	15,3	15,9	16,6	17,5	18,5	18,9	19,7	20,6
Исландия	15,8	15,9	15,9	16,2	17,6	17,2	17,5	18,0	18,1	19,2	19,6
Италия	14,0	14,3	14,4	14,9	15,2	15,8	16,7	17,5	18,3	19,2	20,0
Нидерланды	14,8	15,1	15,1	15,3	15,8	16,4	16,7	17,0	17,3	17,8	18,9
Норвегия	15,5	15,1	15,3	15,5	15,9	16,4	16,6	17,1	17,7	18,4	19,3
Испания	13,8	14,4	14,7	15,0	15,7	16,8	17,3	17,9	18,5	19,1	19,6
Швеция	14,6	14,8	15,1	15,7	16,0	16,6	17,1	17,6	18,3	18,8	19,4
Швейцария	13,9	14,3	14,6	15,3	16,1	16,8	17,5	18,1	18,8	19,6	20,4
Англия и Уэльс	13,8	14,0	14,3	14,6	14,9	15,5	15,9	16,6	17,1	18,1	19,2
Шотландия	12,9	13,1	13,5	13,8	14,2	14,6	15,0	15,5	16,1	16,9	17,8
Северная Ирландия	13,4	13,6	13,9	13,9	14,3	14,8	15,3	16,1	16,7	17,7	18,5
<i>Среднее значение (станд. отклонение)</i>	14,1(0,8)	14,3(0,8)	14,5(0,8)	14,9(0,8)	15,5(0,9)	16,1(0,8)	16,6(0,8)	17,2(0,8)	17,7(0,8)	18,6(0,9)	19,4(0,8)
<i>Коэффициент вариации</i>	0,06	0,05	0,05	0,05	0,06	0,05	0,05	0,05	0,05	0,05	0,04
США	14,4	14,6	14,9	15,3	16,3	16,7	17,0	17,5	17,8	18,2	18,9

Источник: база данных Human Mortality Database и статистика естественного движения населения США (до 1933 года).

Приложение 3. Таблица 3А. Доля доживших до 65 лет, с 1900 года рождения, США и 16 других стран с высоким уровнем дохода, женщины

	1900-1904	1905-1909	1910-1914	1915-1919	1920-1924	1925-1929	1930-1934	1935-1939	1940-1944	1945-1949	1950-1954
Австралия	52,8%	55,3%	57,9%	54,6%	64,2%	65,7%	69,1%	69,9%	71,6%	75,0%	77,3%
Бельгия	46,1%	48,2%	50,1%	47,2%	55,5%	57,1%	60,1%	62,5%	61,8%	68,3%	75,7%
Канада	46,1%	48,9%	51,9%	49,0%	57,0%	58,7%	62,1%	64,7%	68,3%	72,3%	76,4%
Дания	53,0%	55,6%	58,5%	56,1%	60,7%	62,7%	64,5%	67,1%	71,1%	73,9%	78,9%
Финляндия	41,4%	44,0%	46,3%	41,8%	49,6%	51,6%	55,1%	57,8%	59,3%	66,6%	74,3%
Франция	43,2%	44,9%	48,2%	44,4%	52,4%	54,0%	58,1%	60,9%	56,3%	68,3%	74,7%
Исландия	46,8%	49,2%	55,3%	54,8%	57,5%	58,8%	62,2%	67,7%	69,6%	74,8%	80,5%
Италия	38,3%	40,1%	44,8%	35,7%	47,6%	51,2%	56,4%	58,2%	58,3%	65,7%	74,0%
Нидерланды	48,2%	51,8%	55,8%	52,1%	60,7%	64,3%	67,8%	70,7%	69,1%	73,7%	80,7%
Норвегия	53,2%	54,6%	57,0%	53,8%	61,0%	64,0%	67,6%	70,8%	72,3%	77,8%	82,2%
Испания	27,8%	34,9%	37,3%	32,8%	39,7%	46,0%	50,1%	50,7%	54,1%	63,6%	70,5%
Швеция	52,7%	55,6%	57,9%	54,2%	62,1%	63,5%	65,9%	68,6%	73,2%	76,3%	80,3%
Швейцария	43,4%	46,0%	50,4%	49,7%	56,4%	60,2%	63,6%	66,6%	70,2%	72,8%	77,8%
Англия и Уэльс	43,7%	47,7%	51,2%	50,8%	58,8%	60,8%	63,3%	66,5%	68,6%	74,3%	78,1%
Шотландия	40,1%	42,7%	46,7%	46,6%	53,0%	55,6%	58,2%	61,0%	63,1%	68,5%	73,3%
Северная Ирландия	35,7%	39,0%	42,5%	40,1%	47,3%	49,5%	54,3%	55,7%	59,7%	67,6%	73,5%
<i>Среднее значение (станд. отклонение)</i>	44,5(7,0)%	47,4(6,3)%	50,7(6,2)%	47,7(7,1)%	55,2(6,6)%	57,7(5,9)%	61,1(5,4)%	63,7(5,9)%	65,4(6,3)%	71,2(4,2)%	76,8(3,3)%
<i>Коэффициент вариации</i>	0,16	0,13	0,12	0,15	0,12	0,10	0,09	0,09	0,10	0,06	0,04
США	43,25%	46,4%	46,44%	46,5%	54,30%	56,3%	59,9%	62,0%	67,1%	71,6%	75,4%
	1955-1959	1960-1964	1965-1969	1970-1974	1975-1979	1980-1984	1985-1989	1990-1994	1995-1999	2000-2004	2005-2009
Австралия	79,9%	80,7%	80,7%	81,8%	84,2%	86,5%	87,6%	89,2%	90,4%	91,5%	92,3%
Бельгия	79,0%	80,8%	81,5%	82,5%	84,0%	85,5%	87,2%	88,3%	89,1%	89,7%	90,3%
Канада	79,2%	81,1%	82,2%	83,4%	84,9%	86,6%	87,7%	88,7%	89,4%	90,2%	90,8%
Дания	81,2%	82,4%	82,9%	83,4%	84,1%	83,8%	83,7%	84,4%	85,6%	87,6%	88,8%
Финляндия	77,9%	80,0%	81,6%	83,8%	86,0%	87,9%	88,3%	89,2%	90,3%	90,7%	91,0%
Франция	78,7%	81,2%	82,4%	84,0%	85,7%	87,2%	88,5%	89,5%	90,3%	90,9%	91,5%
Исландия	82,7%	84,4%	84,2%	84,5%	86,8%	88,6%	88,6%	89,2%	90,2%	91,1%	92,3%
Италия	77,6%	79,8%	81,7%	83,6%	85,7%	87,3%	88,8%	89,9%	91,0%	92,1%	92,9%
Нидерланды	83,3%	84,8%	85,2%	85,9%	87,1%	88,1%	88,5%	88,8%	89,1%	89,5%	90,5%
Норвегия	84,4%	85,3%	86,0%	87,2%	87,8%	88,5%	88,1%	89,0%	90,0%	90,5%	91,4%
Испания	76,0%	79,4%	81,9%	84,0%	86,3%	88,6%	89,7%	90,5%	91,6%	92,5%	93,0%
Швеция	82,9%	84,4%	85,6%	86,5%	87,3%	88,3%	89,1%	89,7%	90,7%	91,2%	91,9%
Швейцария	80,7%	82,7%	84,2%	85,8%	87,6%	88,5%	89,6%	90,1%	91,0%	91,8%	92,4%
Англия и Уэльс	80,5%	81,4%	82,1%	82,6%	83,4%	84,7%	85,8%	87,4%	88,5%	89,5%	90,4%
Шотландия	76,4%	77,7%	78,9%	79,2%	79,8%	81,4%	82,9%	84,4%	85,8%	86,9%	87,9%
Северная Ирландия	77,5%	79,2%	80,2%	80,3%	80,9%	82,7%	84,6%	86,2%	87,9%	89,2%	89,7%
<i>Среднее значение (станд. отклонение)</i>	79,9(2,5) %	81,6(2,2)%	82,6(2,0)%	83,6(2,1)%	85,1(2,3)%	86,5(2,3)%	87,4(2,1)%	88,4(1,9)%	89,4(1,7)%	90,3(1,5)%	91,1(1,4)%
<i>Коэффициент вариации</i>	0,03	0,03	0,02	0,03	0,03	0,03	0,02	0,02	0,02	0,02	0,02
США	77,8%	78,6%	79,2%	80,4%	82,7%	83,9%	84,6%	85,4%	86,1%	86,7%	87,3%

Источник: база данных Human Mortality Database и статистика естественного движения населения США (до 1933 года). См. Таблицу в приложении 1.

Приложение 3. Таблица 3В. Доля доживших до 65 лет, с 1900 года рождения, США и 16 других стран с высоким уровнем дохода, мужчины

	1900-1904	1905-1909	1910-1914	1915-1919	1920-1924	1925-1929	1930-1934	1935-1939	1940-1944	1945-1949	1950-1954
Австралия	45,3%	47,5%	49,3%	42,7%	56,0%	57,6%	61,4%	61,0%	62,6%	65,2%	65,5%
Бельгия	39,0%	41,3%	42,6%	41,2%	49,3%	50,4%	52,5%	53,9%	48,3%	56,3%	63,8%
Канада	44,5%	46,7%	48,5%	42,0%	54,7%	55,6%	58,8%	60,1%	61,9%	64,5%	66,3%
Дания	46,4%	49,2%	52,4%	52,0%	58,7%	60,8%	62,1%	63,8%	67,7%	69,8%	73,3%
Финляндия	35,8%	36,6%	38,1%	24,8%	38,1%	39,1%	41,8%	42,5%	26,3%	46,3%	56,8%
Франция	36,1%	36,5%	32,1%	16,0%	43,5%	43,9%	46,5%	47,2%	34,9%	55,9%	61,6%
Исландия	38,2%	37,9%	43,8%	43,8%	42,5%	54,7%	56,0%	58,2%	60,7%	69,0%	73,0%
Италия	36,7%	38,0%	42,7%	20,8%	44,5%	47,1%	51,4%	52,3%	42,0%	56,8%	65,2%
Нидерланды	43,5%	47,8%	52,2%	48,8%	58,9%	62,8%	66,4%	68,7%	62,4%	64,8%	75,3%
Норвегия	48,1%	50,3%	51,5%	48,3%	56,7%	59,1%	62,7%	65,0%	61,8%	71,2%	75,4%
Испания	23,6%	31,1%	32,9%	28,5%	33,8%	38,5%	42,0%	34,1%	38,8%	51,6%	60,5%
Швеция	47,9%	51,0%	52,7%	49,5%	58,1%	59,8%	62,3%	63,8%	67,8%	71,3%	74,5%
Швейцария	36,9%	38,6%	42,1%	41,7%	48,8%	51,9%	54,0%	57,1%	60,3%	63,6%	67,7%
Англия и Уэльс	36,4%	40,3%	42,5%	27,4%	51,0%	52,7%	55,2%	57,3%	52,9%	60,9%	66,4%
Шотландия	34,2%	37,6%	41,0%	40,1%	47,1%	49,2%	51,7%	53,3%	49,2%	57,9%	61,6%
Северная Ирландия	37,9%	40,4%	42,5%	36,1%	47,5%	49,4%	52,5%	53,4%	55,0%	62,0%	65,3%
<i>Среднее значение (станд. отклонение)</i>	39,4(6,3)%	41,9(6,0)%	44,2(6,5)%	37,7(11,0)%	49,3(7,6)%	52,0(7,4)%	54,8(7,3)%	55,7(8,9)%	53,3(12,4)%	61,7(7,2)%	67,0(5,7)%
<i>Коэффициент вариации</i>	0,16	0,14	0,15	0,29	0,15	0,14	0,13	0,16	0,23	0,12	0,09
США	38,7%	40,8%	40,3%	36,2%	50,66%	0,50075	52,0%	53,0%	56,3%	59,5%	62,2%
	1955-1959	1960-1964	1965-1969	1970-1974	1975-1979	1980-1984	1985-1989	1990-1994	1995-1999	2000-2004	2005-2009
Австралия	67,2%	67,3%	67,0%	68,4%	71,7%	75,3%	77,9%	80,9%	83,4%	85,8%	87,1%
Бельгия	66,4%	66,6%	67,2%	68,7%	70,9%	73,2%	75,9%	78,3%	79,8%	81,2%	82,8%
Канада	67,8%	68,7%	69,4%	70,4%	72,2%	75,7%	78,2%	80,3%	82,5%	84,4%	85,4%
Дания	74,2%	73,8%	73,6%	73,7%	74,2%	73,9%	74,6%	76,4%	78,5%	80,9%	82,5%
Финляндия	60,1%	60,9%	61,0%	62,6%	65,8%	70,1%	71,7%	74,6%	77,7%	79,9%	80,5%
Франция	64,1%	65,9%	66,6%	68,5%	69,9%	71,7%	73,8%	75,8%	78,3%	80,4%	81,9%
Исландия	74,7%	74,0%	74,1%	73,5%	76,6%	78,6%	81,5%	83,6%	84,8%	87,2%	88,4%
Италия	66,8%	67,6%	69,2%	71,2%	72,5%	74,6%	77,3%	79,4%	82,2%	84,9%	86,8%
Нидерланды	75,6%	74,8%	74,0%	74,2%	75,9%	77,7%	79,2%	80,9%	82,6%	84,4%	86,6%
Норвегия	75,7%	75,0%	74,8%	75,0%	76,1%	77,0%	77,0%	80,1%	82,8%	84,7%	86,6%
Испания	66,1%	69,3%	71,2%	72,9%	74,8%	77,3%	77,9%	78,4%	80,2%	82,3%	83,6%
Швеция	75,9%	76,4%	76,7%	76,9%	77,0%	78,6%	80,4%	82,4%	84,8%	86,4%	87,5%
Швейцария	69,5%	70,2%	72,3%	74,1%	76,1%	77,4%	79,4%	80,8%	83,3%	85,5%	87,0%
Англия и Уэльс	68,1%	68,6%	69,7%	70,8%	72,4%	74,8%	77,1%	79,7%	81,8%	83,7%	85,2%
Шотландия	63,3%	63,4%	65,2%	66,1%	67,4%	69,7%	72,0%	75,0%	76,5%	78,1%	80,4%
Северная Ирландия	67,8%	67,5%	68,5%	66,5%	67,5%	70,6%	73,9%	77,5%	80,4%	82,6%	83,1%
<i>Среднее значение (станд. отклонение)</i>	69,0(4,9)%	69,4(4,4)%	70,0(4,2)%	70,8(3,8)%	72,6(3,5)%	74,8(3,0)%	76,7(2,9)%	79,0(2,6)%	81,2(2,5)%	83,3(2,6)%	84,7(2,6)%
<i>Коэффициент вариации</i>	0,07	0,06	0,06	0,05	0,05	0,04	0,04	0,03	0,03	0,03	0,03
США	63,8%	64,0%	63,7%	65,3%	69,1%	71,8%	73,1%	74,6%	77,0%	78,7%	79,4%

Источник: база данных Human Mortality Database и статистика естественного движения населения США (до 1933 года). См. Таблицу в приложении 1.

Приложение 3. Таблица 3С. Доля доживших до 65 лет в когорте, с 1900 года рождения, США и 16 других стран с высоким уровнем дохода, оба пола

	1900-1904	1905-1909	1910-1914	1915-1919	1920-1924	1925-1929	1930-1934	1935-1939	1940-1944	1945-1949	1950-1954
Австралия	48,9%	51,2%	53,4%	48,0%	59,9%	61,4%	65,0%	65,2%	67,0%	70,0%	71,4%
Бельгия	42,5%	44,7%	46,3%	44,2%	52,4%	53,8%	56,3%	58,2%	54,8%	62,1%	69,7%
Канада	45,3%	47,8%	50,2%	45,0%	55,9%	57,2%	60,4%	62,4%	65,0%	68,3%	71,2%
Дания	49,8%	52,5%	55,6%	54,1%	59,8%	61,9%	63,4%	65,5%	69,4%	71,8%	76,1%
Финляндия	38,6%	40,3%	42,3%	32,6%	43,9%	45,4%	48,4%	50,0%	40,4%	56,6%	65,9%
Франция	39,6%	40,6%	39,5%	27,2%	48,1%	49,0%	52,3%	54,0%	44,8%	62,3%	68,4%
Исландия	42,7%	43,7%	49,6%	49,4%	50,1%	56,8%	59,1%	63,0%	65,1%	71,8%	76,6%
Италия	37,6%	39,1%	43,8%	27,1%	46,1%	49,2%	54,0%	55,3%	49,5%	61,2%	69,6%
Нидерланды	45,8%	49,9%	54,0%	50,5%	59,8%	63,6%	67,1%	69,7%	65,7%	69,1%	78,0%
Норвегия	50,7%	52,5%	54,4%	51,1%	58,9%	61,6%	65,2%	67,9%	66,9%	74,5%	78,8%
Испания	25,7%	33,0%	35,1%	30,7%	36,8%	42,3%	46,1%	41,6%	46,1%	57,7%	65,8%
Швеция	50,4%	53,3%	55,4%	51,9%	60,1%	61,7%	64,2%	66,2%	70,5%	73,8%	77,4%
Швейцария	40,2%	42,3%	46,3%	45,7%	52,7%	56,2%	58,9%	62,0%	65,4%	68,3%	72,9%
Англия и Уэльс	40,1%	44,0%	46,9%	37,6%	55,0%	56,9%	59,4%	62,1%	60,8%	67,5%	72,4%
Шотландия	37,2%	40,2%	44,0%	43,5%	50,2%	52,6%	55,1%	57,3%	56,5%	63,4%	67,7%
Северная Ирландия	37,0%	39,9%	42,6%	37,8%	47,4%	49,5%	53,5%	54,6%	57,4%	64,9%	69,5%
<i>Среднее значение (станд. отклонение)</i>	42,0(6,5)%	44,7(5,9)%	47,4(6,1)%	42,3(9,0)%	52,3(6,8)%	54,9(6,4)%	58,0(6,2)%	59,7(7,4)%	59,1(9,5)%	66,5(5,5)%	72,0(4,3)%
<i>Коэффициент вариации</i>	0,16	0,13	0,13	0,21	0,13	0,12	0,11	0,12	0,16	0,08	0,06
США	40,9%	43,4%	43,2%	40,7%	52,5%	53,2%	55,7%	57,2%	61,4%	65,3%	68,7%
	1955-1959	1960-1964	1965-1969	1970-1974	1975-1979	1980-1984	1985-1989	1990-1994	1995-1999	2000-2004	2005-2009
Австралия	73,5%	74,0%	73,8%	75,0%	77,9%	80,8%	82,9%	85,2%	86,8%	88,5%	89,6%
Бельгия	72,5%	73,6%	74,3%	75,6%	77,5%	79,4%	81,6%	83,3%	84,4%	85,4%	86,5%
Канада	73,3%	74,8%	75,7%	76,9%	78,5%	81,4%	83,1%	84,4%	85,9%	87,3%	88,0%
Дания	77,7%	78,1%	78,3%	78,5%	79,2%	78,9%	79,2%	80,3%	82,0%	84,2%	85,6%
Финляндия	69,3%	70,7%	71,5%	73,5%	76,0%	79,1%	80,0%	81,9%	83,9%	85,3%	85,9%
Франция	71,8%	73,8%	74,5%	76,2%	77,9%	79,7%	81,3%	82,7%	84,7%	85,7%	86,5%
Исландия	78,6%	79,0%	79,0%	78,8%	81,5%	83,4%	84,9%	86,3%	87,5%	89,1%	90,3%
Италия	72,2%	73,8%	75,5%	77,5%	79,2%	81,1%	83,3%	84,8%	86,7%	88,6%	89,8%
Нидерланды	79,4%	79,7%	79,5%	80,0%	81,5%	83,0%	83,9%	84,9%	85,9%	87,0%	88,6%
Норвегия	80,1%	80,1%	80,4%	81,0%	82,0%	82,8%	82,6%	84,5%	86,4%	87,6%	88,9%
Испания	71,3%	74,7%	77,0%	79,0%	81,2%	83,3%	83,9%	84,5%	85,9%	87,5%	88,4%
Швеция	79,3%	80,4%	81,1%	81,6%	82,1%	83,3%	84,6%	86,0%	87,6%	88,8%	89,6%
Швейцария	75,3%	76,7%	78,5%	80,1%	82,0%	83,0%	84,6%	85,5%	87,2%	88,6%	89,7%
Англия и Уэльс	74,5%	75,1%	76,3%	76,8%	78,0%	79,8%	81,6%	83,6%	85,1%	86,5%	87,7%
Шотландия	70,0%	70,8%	72,3%	72,9%	73,8%	75,7%	77,5%	79,8%	81,2%	82,5%	84,1%
Северная Ирландия	72,7%	73,5%	74,6%	73,4%	74,3%	76,8%	79,4%	81,9%	84,1%	85,8%	86,1%
<i>Среднее значение (станд. отклонение)</i>	74,5(3,5)%	75,6(3,1)%	76,4(2,9)%	77,3(2,7)%	78,9(2,7)%	80,7(2,4)%	82,2(2,2)%	83,7(1,9)%	85,3(1,9)%	86,8(1,9)%	87,8(1,8)%
<i>Коэффициент вариации</i>	0,05	0,04	0,04	0,04	0,03	0,03	0,03	0,02	0,02	0,02	0,02
США	70,9%	71,5%	72,1%	73,4%	76,4%	78,7%	79,3%	80,6%	81,9%	83,0%	83,3%

Источник: база данных Human Mortality Database и статистика естественного движения населения США (до 1933 года). См. Таблицу в приложении 1.

Приложение 4. Таблица 4А. Изменение ожидаемой продолжительности жизни при рождении, США и 16 других стран с высоким уровнем дохода, женщины

	1907-1927	1917-1937	1927-1947	1937-1957	1947-1967	1957-1977	1967-1987	1977-1997	1987-2007
Австралия	11,2	13,3	5,8	5,8	3,5	3,5	4,9	4,6	4,5
Бельгия	6,7	10,7	7,1	9,9	8,2	3,8	4,6	4,7	3,7
Канада	6,5	10,6	9,3	9,1	6,6	4,8	4,5	3,3	2,8
Дания	5,3	7,0	7,0	8,4	5,7	3,5	2,4	1,2	3,0
Финляндия	6,8	12,0	9,2	11,7	8,9	5,6	5,4	3,7	4,0
Франция	6,3	11,8	8,5	10,5	9,7	5,2	5,0	4,6	4,0
Исландия	8,1	8,0	10,1	9,6	5,2	3,9	3,7	1,8	2,9
Италия	8,1	15,8	9,7	12,8	11,1	6,1	5,8	5,1	4,4
Нидерланды	9,3	12,7	5,2	6,7	7,4	3,7	3,6	2,2	2,1
Норвегия	6,6	10,5	7,6	7,5	4,8	2,9	2,7	2,6	3,3
Испания	7,7	12,7	12,2	16,5	11,8	7,3	6,1	5,0	3,7
Швеция	5,6	9,2	7,6	8,1	5,4	3,8	3,6	3,3	2,9
Швейцария	9,3	9,8	6,7	8,0	6,8	5,2	5,1	3,7	3,4
Англия и Уэльс	8,0	10,1	8,5	8,4	5,1	2,6	3,1	3,6	3,9
Шотландия	7,4	9,3	8,0	9,5	6,7	3,2	3,2	3,5	3,6
Северная Ирландия	7,0	9,7	10,0	12,4	7,4	2,8	3,6	4,6	4,1
<i>Среднее значение</i>	7,5	10,8	8,3	9,7	7,1	4,2	4,2	3,6	3,5
<i>Стандартное отклонение</i>	1,5	2,2	1,8	2,7	2,3	1,3	1,1	1,2	0,7
<i>Коэффициент вариации</i>	0,20	0,20	0,21	0,28	0,32	0,31	0,27	0,32	0,19
США	7,8	9,3	11,0	9,2	4,6	4,1	4,2	2,3	2,2

Источник: база данных Human Mortality Database и статистика естественного движения населения США (до 1933 года). См. Таблицу в приложении 1.

Приложение 4. Таблица 4В. Изменение ожидаемой продолжительности жизни при рождении, США и 16 других стран с высоким уровнем дохода, мужчины

	1907-1927	1917-1937	1927-1947	1937-1957	1947-1967	1957-1977	1967-1987	1977-1997	1987-2007
Австралия	6,6	12,3	5,2	3,9	1,4	2,5	5,2	6,0	6,3
Бельгия	6,3	9,8	5,3	8,9	7,5	2,6	4,1	4,8	4,8
Канада	5,9	12,9	7,9	6,3	3,9	3,0	4,5	5,0	4,7
Дания	6,6	7,3	6,3	7,3	3,3	0,9	1,3	2,2	4,3
Финляндия	4,9	14,2	6,1	11,1	9,4	3,5	4,8	5,2	5,3
Франция	5,7	23,8	7,0	10,0	8,1	3,6	4,3	4,9	5,2
Исландия	11,3	8,2	9,2	10,2	3,5	2,4	4,0	3,4	4,4
Италия	7,0	22,6	7,4	11,0	9,5	4,1	5,0	5,3	5,6
Нидерланды	10,2	13,2	2,1	4,9	6,8	0,7	2,4	3,1	4,4
Норвегия	6,3	10,6	6,8	6,6	2,9	0,7	1,5	3,3	5,4
Испания	6,6	6,4	9,8	19,9	11,9	6,0	4,8	3,8	3,9
Швеция	5,9	9,4	7,3	7,2	3,3	1,2	2,4	4,3	4,6
Швейцария	9,0	9,4	6,0	6,8	5,1	3,8	4,2	4,3	5,2
Англия и Уэльс	7,7	20,5	6,0	7,1	5,4	2,2	3,6	4,7	5,4
Шотландия	6,4	8,8	7,2	8,2	5,1	2,3	3,4	4,2	4,8
Северная Ирландия	6,3	11,5	8,2	9,9	4,7	0,4	2,9	5,9	5,4
<i>Среднее значение</i>	7,0	12,5	6,7	8,7	5,7	2,5	3,7	4,4	5,0
<i>Стандартное отклонение</i>	1,7	5,3	1,8	3,6	2,9	1,5	1,2	1,0	0,6
<i>Коэффициент вариации</i>	0,24	0,42	0,27	0,42	0,50	0,61	0,34	0,24	0,12
США	8,5	8,9	7,8	7,0	2,6	2,8	4,6	4,1	4,1

Источник: база данных Human Mortality Database и статистика естественного движения населения США (до 1933 года). См. Таблицу в приложении 1.

Приложение 4. Таблица 4С. Изменение ожидаемой продолжительности жизни при рождении, США и 16 других стран с высоким уровнем дохода, оба пола

	1907-1927	1917-1937	1927-1947	1937-1957	1947-1967	1957-1977	1967-1987	1977-1997	1987-2007
Австралия	6,9	11,5	5,5	4,8	2,4	3,1	5,2	5,4	5,4
Бельгия	6,5	10,2	6,1	9,4	7,8	3,2	4,5	4,9	4,3
Канада	6,2	12,0	8,5	7,5	5,2	3,9	4,7	4,4	3,9
Дания	5,9	7,1	6,6	7,8	4,5	2,2	1,9	1,8	3,7
Финляндия	5,8	13,3	7,6	11,6	9,2	4,5	5,2	4,6	4,7
Франция	6,1	19,4	7,8	10,3	8,9	4,4	4,8	5,0	4,7
Исландия	9,8	8,1	9,6	9,9	4,2	3,1	3,9	2,7	3,7
Италия	7,5	19,9	8,5	11,9	10,3	5,1	5,5	5,3	5,2
Нидерланды	9,7	12,9	3,6	5,8	7,1	2,2	3,1	2,9	3,4
Норвегия	6,4	10,5	7,2	7,0	3,8	1,7	2,2	3,1	4,5
Испания	7,1	9,2	11,0	18,5	11,9	6,7	5,5	4,3	3,8
Швеция	5,7	9,2	7,5	7,6	4,3	2,5	3,1	4,0	3,8
Швейцария	9,2	9,6	6,4	7,4	6,0	4,5	4,7	4,1	4,4
Англия и Уэльс	7,9	16,2	7,2	7,8	5,4	2,4	3,4	4,2	4,6
Шотландия	6,9	9,1	7,6	8,8	5,8	2,8	3,4	3,9	4,1
Северная Ирландия	6,6	10,9	9,1	11,1	6,0	1,6	3,3	5,4	4,5
<i>Среднее значение</i>	7,1	11,8	7,5	9,2	6,4	3,4	4,0	4,1	4,3
<i>Стандартное отклонение</i>	1,3	3,8	1,7	3,2	2,6	1,4	1,1	1,0	0,6
<i>Коэффициент вариации</i>	0,19	0,32	0,23	0,35	0,40	0,41	0,29	0,25	0,13
США	8,2	9,1	9,3	8,1	3,8	3,6	4,5	3,3	3,1

Источник: база данных Human Mortality Database и статистика естественного движения населения США (до 1933 года). См. Таблицу в приложении 1.

Приложение 5. Таблица 5А. Изменение в ожидаемой продолжительности жизни в возрасте 65 лет, США и 16 других стран с высоким уровнем дохода, женщины

	1907-1927	1917-1937	1927-1947	1937-1957	1947-1967	1957-1977	1967-1987	1977-1997	1987-2007
Австралия	2,0	2,9	1,9	2,3	1,8	2,4	3,5	3,4	3,7
Бельгия	1,4	2,6	2,3	3,4	2,9	2,0	3,3	3,6	2,9
Канада	1,6	2,8	2,8	3,4	3,3	3,0	2,9	2,3	2,3
Дания	0,9	1,5	2,3	3,5	2,8	2,4	1,8	0,6	2,0
Финляндия	1,2	2,4	2,4	3,5	2,6	3,4	4,0	3,0	3,6
Франция	1,5	2,8	3,0	4,0	3,8	3,2	3,6	3,6	3,3
Исландия	2,4	2,7	3,1	3,6	2,2	2,7	2,7	1,1	2,2
Италия	1,8	3,5	2,7	4,0	3,8	2,9	3,6	3,8	3,6
Нидерланды	1,9	3,0	2,0	3,3	3,6	2,7	2,7	1,6	1,7
Норвегия	1,6	2,8	2,9	3,2	2,0	1,8	2,0	2,0	2,6
Испания	1,8	2,7	3,5	5,0	4,0	3,5	3,9	3,8	3,0
Швеция	1,1	1,9	2,1	3,3	3,0	2,8	2,8	2,6	2,3
Швейцария	2,3	2,9	2,6	3,5	3,5	3,6	4,0	3,0	2,8
Англия и Уэльс	2,1	2,7	3,0	3,2	2,3	1,6	2,0	2,5	3,2
Шотландия	1,7	2,1	2,4	2,9	2,5	1,9	1,8	2,4	3,0
Северная Ирландия	1,5	2,2	3,1	4,2	3,0	1,7	2,1	3,1	3,4
<i>Среднее значение</i>	1,7	2,6	2,6	3,5	2,9	2,6	2,9	2,7	2,9
<i>Стандартное отклонение</i>	0,4	0,5	0,5	0,6	0,7	0,7	0,8	1,0	0,6
США	1,6	2,4	3,6	4,0	2,5	2,7	2,7	1,5	1,7

Источник: база данных Human Mortality Database и статистика естественного движения населения США (до 1933 года).

См. Таблицы приложений 2-3.

Приложение 5. Таблица 5В. Изменение в ожидаемой продолжительности жизни в возрасте 65 лет, США и 16 других стран с высоким уровнем дохода, мужчины

	1907-1927	1917-1937	1927-1947	1937-1957	1947-1967	1957-1977	1967-1987	1977-1997	1987-2007
Австралия	1,8	2,9	1,0	0,8	0,1	1,2	3,2	4,1	4,8
Бельгия	1,3	1,8	1,2	2,0	1,3	0,5	2,2	3,2	3,5
Канада	1,3	2,8	1,5	1,3	0,9	1,1	2,3	3,0	3,6
Дания	1,8	1,6	1,8	2,2	0,4	-0,1	0,6	1,2	3,0
Финляндия	0,3	2,2	0,9	2,2	1,8	1,2	2,7	3,4	4,0
Франция	1,0	3,5	2,0	2,8	1,7	1,5	2,6	3,2	3,7
Исландия	3,0	2,3	3,0	3,6	0,7	1,2	1,9	1,6	3,2
Италия	1,3	4,0	1,9	2,6	1,8	0,9	2,3	3,4	4,1
Нидерланды	2,2	3,1	0,7	1,8	1,7	-0,3	1,0	1,9	3,3
Норвегия	1,3	2,5	2,4	2,2	-0,1	-0,4	0,7	2,1	3,9
Испания	0,9	0,7	2,2	4,9	3,2	2,1	2,5	2,6	2,7
Швеция	1,3	2,0	1,8	2,3	1,0	0,3	1,3	2,9	3,5
Швейцария	1,8	2,2	2,0	2,4	1,8	1,8	2,7	3,0	3,9
Англия и Уэльс	1,5	3,7	1,6	1,5	1,0	1,0	2,1	3,2	4,4
Шотландия	1,3	1,7	1,5	1,4	0,7	0,8	1,6	2,7	3,9
Северная Ирландия	1,3	2,2	2,0	2,2	0,8	-0,1	1,3	3,4	4,4
<i>Среднее значение</i>	1,5	2,4	1,7	2,3	1,2	0,8	1,9	2,8	3,7
<i>Стандартное отклонение</i>	0,6	0,9	0,6	1,0	0,8	0,7	0,8	0,8	0,6
США	1,7	1,7	1,4	2,0	0,6	1,3	2,5	2,5	3,0

Источник: база данных Human Mortality Database и статистика естественного движения населения США (до 1933 года).

См. Таблицы приложений 2-3.

Приложение 5. Таблица 5С. Изменение в ожидаемой продолжительности жизни в возрасте 65 лет, США и 16 других стран с высоким уровнем дохода, оба пола

	1907-1927	1917-1937	1927-1947	1937-1957	1947-1967	1957-1977	1967-1987	1977-1997	1987-2007
Австралия	1,9	3,0	1,5	1,5	0,9	1,9	3,5	3,9	4,4
Бельгия	1,4	2,2	1,7	2,7	2,1	1,3	2,9	3,6	3,4
Канада	1,5	2,8	2,1	2,3	2,0	2,1	2,8	2,9	3,1
Дания	1,3	1,5	2,1	2,9	1,5	1,2	1,2	1,1	2,6
Финляндия	0,7	2,4	1,6	2,9	2,2	2,3	3,5	3,3	3,8
Франция	1,3	3,6	2,5	3,5	2,8	2,3	3,2	3,6	3,6
Исландия	2,7	2,5	3,0	3,6	1,4	1,9	2,4	1,5	2,8
Италия	1,5	3,9	2,3	3,3	2,8	1,9	3,0	3,8	4,0
Нидерланды	2,1	3,1	1,3	2,6	2,6	1,2	2,0	2,0	2,7
Норвегия	1,5	2,7	2,6	2,7	0,9	0,7	1,4	2,2	3,4
Испания	1,4	1,6	2,9	5,2	3,7	2,9	3,2	3,1	2,9
Швеция	1,2	1,9	1,9	2,8	2,0	1,5	2,2	2,9	3,0
Швейцария	2,1	2,6	2,3	3,0	2,6	2,7	3,4	3,2	3,4
Англия и Уэльс	1,9	3,5	2,3	2,4	1,7	1,4	2,1	2,9	3,8
Шотландия	1,5	1,9	2,0	2,2	1,6	1,4	1,8	2,6	3,4
Северная Ирландия	1,4	2,3	2,6	3,2	1,9	0,8	1,8	3,5	3,8
<i>Среднее значение</i>	1,6	2,6	2,2	2,9	2,1	1,7	2,5	2,9	3,4
<i>Стандартное отклонение</i>	0,5	0,7	0,5	0,8	0,7	0,7	0,7	0,8	0,5
США	1,7	2,1	2,4	3,0	1,7	2,2	2,7	2,1	2,3

Источник: база данных Human Mortality Database и статистика естественного движения населения США (до 1933 года).

См. Таблицы приложений 2-3.

Приложение 6. Таблица 6А. Вклад возрастов старше 65 лет в увеличение ожидаемой продолжительности жизни при рождении, США и 16 других стран с высоким уровнем дохода, %, женщины

	1907-1927	1917-1937	1927-1947	1937-1957	1947-1967	1957-1977	1967-1987	1977-1997	1987-2007
Австралия	17,7%	21,4%	31,9%	40,4%	50,5%	67,2%	71,0%	75,4%	83,0%
Бельгия	21,5%	24,5%	31,9%	34,8%	35,5%	54,4%	70,4%	76,7%	80,2%
Канада	24,7%	26,1%	30,1%	37,9%	49,5%	63,3%	65,7%	68,1%	82,0%
Дания	17,3%	21,1%	33,3%	41,6%	48,5%	68,7%	73,6%	82,5%	69,0%
Финляндия	17,6%	20,1%	25,7%	29,5%	29,4%	60,9%	75,2%	81,3%	88,3%
Франция	24,2%	23,6%	35,3%	38,6%	39,5%	60,6%	71,7%	78,6%	82,1%
Исландия	29,3%	34,1%	31,2%	37,9%	41,8%	70,5%	72,3%	60,8%	76,1%
Италия	21,8%	21,9%	28,2%	31,6%	34,5%	48,5%	61,5%	75,8%	81,5%
Нидерланды	20,5%	23,7%	38,6%	49,2%	49,0%	72,2%	76,4%	73,8%	78,1%
Норвегия	23,7%	26,9%	37,6%	42,2%	40,7%	63,1%	76,8%	78,2%	79,3%
Испания	23,6%	21,4%	28,8%	30,3%	33,8%	48,2%	63,2%	76,7%	80,7%
Швеция	20,1%	21,1%	27,6%	40,5%	55,6%	73,5%	78,2%	77,3%	78,9%
Швейцария	24,5%	29,8%	39,0%	44,4%	51,5%	69,4%	78,1%	81,2%	82,0%
Англия и Уэльс	26,1%	26,8%	35,5%	38,4%	44,1%	63,2%	64,6%	71,2%	83,2%
Шотландия	23,6%	22,5%	30,6%	31,0%	36,7%	59,3%	56,8%	66,4%	82,9%
Северная Ирландия	21,8%	23,0%	31,0%	34,0%	40,8%	61,2%	59,4%	67,2%	84,2%
<i>Среднее значение</i>	22,4%	24,2%	32,3%	37,6%	42,6%	62,8%	69,7%	72,6%	80,7%
<i>Стандартное отклонение</i>	3,3%	3,7%	4,0%	5,5%	7,5%	7,6%	6,9%	7,8%	4,2%
США	20,9%	26,2%	33,0%	43,4%	54,7%	67,6%	64,9%	62,5%	77,8%

Источник: база данных Human Mortality Database и статистика естественного движения населения США (до 1933 года).

См. Таблицы приложений 1-3.

Приложение 6. Таблица 6В. Вклад возрастов старше 65 лет в увеличение ожидаемой продолжительности жизни при рождении, США и 16 других стран с высоким уровнем дохода, %, мужчины

	1907-1927	1917-1937	1927-1947	1937-1957	1947-1967	1957-1977	1967-1987	1977-1997	1987-2007
Австралия	27,7%	23,2%	20,0%	19,4%	4,4%	49,4%	62,1%	68,8%	77,0%
Бельгия	20,1%	18,8%	23,3%	23,0%	17,1%	21,0%	53,9%	66,7%	74,0%
Канада	22,9%	21,4%	19,2%	20,4%	23,2%	37,7%	51,0%	60,5%	76,9%
Дания	26,9%	21,2%	29,1%	31,0%	12,4%	-6,9%	44,6%	56,0%	69,6%
Финляндия	5,6%	15,4%	14,6%	19,9%	18,8%	35,8%	56,3%	65,6%	75,6%
Франция	17,0%	14,9%	28,6%	27,8%	21,4%	41,2%	59,9%	66,4%	70,5%
Исландия	26,2%	27,8%	32,4%	35,2%	21,4%	49,9%	48,6%	48,4%	72,8%
Италия	18,5%	17,6%	25,4%	23,3%	18,5%	22,3%	44,9%	64,7%	73,6%
Нидерланды	21,8%	23,8%	35,4%	37,6%	24,6%	-39,5%	43,2%	62,1%	76,2%
Норвегия	21,2%	24,0%	35,6%	33,1%	-4,3%	-56,8%	44,2%	63,1%	72,4%
Испания	13,7%	11,1%	22,0%	24,5%	27,1%	35,3%	51,8%	66,8%	67,9%
Швеция	22,4%	21,2%	24,6%	31,2%	30,4%	25,6%	56,6%	66,4%	74,7%
Швейцария	19,8%	23,7%	33,7%	35,7%	34,1%	48,5%	63,8%	70,2%	73,8%
Англия и Уэльс	20,0%	18,0%	26,1%	21,8%	18,5%	45,1%	57,0%	69,1%	81,6%
Шотландия	19,9%	18,9%	21,6%	17,2%	13,4%	33,7%	47,5%	64,2%	81,4%
Северная Ирландия	20,2%	19,2%	24,0%	22,0%	16,0%	-16,7%	43,9%	58,2%	81,0%
<i>Среднее значение</i>	20,3%	20,0%	26,0%	26,4%	18,6%	20,3%	51,8%	63,6%	74,9%
<i>Стандартное отклонение</i>	5,3%	4,2%	6,1%	6,6%	9,4%	32,9%	6,9%	5,6%	4,1%
США	20,5%	19,5%	17,7%	27,9%	24,9%	47,5%	55,4%	62,7%	73,6%

Источник: база данных Human Mortality Database и статистика естественного движения населения США (до 1933 года).

См. Таблицы приложений 1-3.

Приложение 6. Таблица 6С. Вклад возрастов старше 65 лет в увеличение ожидаемой продолжительности жизни при рождении, США и 16 других стран с высоким уровнем дохода, %, оба пола

	1907-1927	1917-1937	1927-1947	1937-1957	1947-1967	1957-1977	1967-1987	1977-1997	1987-2007
Австралия	27,7%	25,8%	26,4%	31,4%	38,4%	61,1%	67,1%	72,8%	80,2%
Бельгия	21,1%	21,8%	28,1%	29,3%	26,8%	41,2%	63,4%	73,0%	77,8%
Канада	24,0%	23,5%	24,8%	30,3%	38,9%	53,7%	59,8%	65,6%	79,9%
Дания	22,5%	21,2%	31,6%	36,6%	34,7%	52,5%	65,4%	58,6%	70,0%
Финляндия	12,4%	17,9%	21,2%	25,4%	24,4%	51,9%	67,7%	72,9%	80,5%
Франция	21,1%	18,4%	32,7%	33,9%	31,4%	52,8%	66,7%	72,6%	76,7%
Исландия	28,0%	31,0%	31,4%	36,5%	32,6%	61,7%	60,2%	53,8%	74,4%
Италия	20,3%	19,5%	27,1%	27,9%	27,2%	38,2%	54,7%	70,9%	78,1%
Нидерланды	21,3%	23,8%	37,6%	44,3%	37,1%	54,1%	63,9%	69,6%	78,5%
Норвегия	22,6%	25,6%	36,6%	37,8%	22,9%	38,9%	65,9%	71,6%	75,8%
Испания	19,3%	17,0%	26,1%	27,8%	30,9%	42,9%	58,0%	72,7%	74,2%
Швеция	21,2%	21,0%	26,0%	36,1%	46,0%	62,2%	70,5%	72,4%	77,1%
Швейцария	22,4%	27,0%	36,7%	40,5%	44,2%	61,2%	72,9%	76,3%	77,3%
Англия и Уэльс	23,4%	21,7%	31,8%	31,3%	32,1%	56,9%	61,6%	70,5%	82,4%
Шотландия	22,1%	21,0%	26,6%	25,0%	27,0%	50,3%	54,1%	66,2%	82,0%
Северная Ирландия	21,0%	21,0%	28,0%	28,9%	31,2%	53,0%	54,5%	63,9%	82,9%
<i>Среднее значение</i>	21,9%	22,3%	29,5%	32,7%	32,9%	52,0%	62,9%	69,0%	78,0%
<i>Стандартное отклонение</i>	3,5%	3,7%	4,7%	5,5%	6,7%	8,0%	5,7%	6,0%	3,4%
США	20,7%	22,7%	26,0%	36,8%	45,8%	60,5%	61,3%	64,3%	76,0%

Источник: база данных Human Mortality Database и статистика естественного движения населения США (до 1933 года).

См. Таблицы приложений 1-3.

Приложение 7. Декомпозиция изменений ожидаемой продолжительности трудовой деятельности (XLFP), США, с 1900 по 2007 гг.

Год	Декомпозиция 1А: Занятость 1900 года			Декомпозиция 1Б: Занятость 2007 года		
	XLFP 1А, женщины	XLFP 1А, мужчины	XLFP 1А, оба пола	XLFP 1Б, женщины	XLFP 1Б, мужчины	XLFP 1Б, оба пола
1900	6,43	29,96	18,53	22,66	25,71	24,23
1910	6,80	31,54	19,59	24,09	27,10	25,64
1920	7,40	35,62	21,77	26,25	30,41	28,37
1933	7,93	37,79	23,26	28,25	32,31	30,34
1942	8,41	39,92	24,69	30,08	34,09	32,16
1950	8,74	41,71	25,79	31,33	35,60	33,56
1960	8,92	42,53	26,34	31,98	35,60	34,22
1970	8,98	42,66	26,48	32,19	36,35	34,38
1980	9,15	44,15	27,22	32,83	37,44	35,23
1990	9,23	44,85	27,56	33,11	37,92	35,60
2000	9,28	45,88	27,58	33,30	38,68	35,99
2007	9,33	46,23	27,78	33,51	39,00	36,25
Изменение, в годах	2,91	16,27	9,26	10,84	13,29	12,02
В % от реального изменения	10,73%	179,99%	52,21%	40,05%	146,96%	67,83%

Год	Декомпозиция 2А: Дожитие 1900 года			Декомпозиция 2Б: Дожитие 2007 года		
	XLFP 2А, женщины	XLFP 2А, мужчины	XLFP 2А, оба пола	XLFP 2Б, женщины	XLFP 2Б, мужчины	XLFP 2Б, оба пола
1900	6,43	29,96	18,53	9,34	46,33	28,15
1910	7,00	29,72	18,68	10,16	45,92	28,35
1920	7,58	29,48	18,84	10,97	45,52	28,54
1933	8,14	29,09	18,91	11,81	44,98	28,69
1942	10,94	29,72	20,59	15,89	45,67	31,03
1950	12,30	29,57	20,88	18,01	45,40	31,49
1960	13,94	28,82	21,20	20,70	44,07	31,97
1970	16,24	28,00	21,95	23,96	42,67	32,94
1980	19,64	27,20	23,33	28,55	41,04	34,55
1990	21,97	26,53	24,20	32,03	39,95	35,85
2000	23,61	27,03	25,32	34,43	40,57	37,50
2007	22,66	25,69	24,17	33,50	38,99	36,24
Изменение, в годах	16,23	-4,27	5,65	24,16	-7,34	8,09
В % от реального изменения	59,93%	-47,26%	31,85%	89,22%	-81,18%	45,64%

Источник: Авторские расчеты, основанные на данных о дожитии из базы данных Human Mortality Database (+статистика естественного движения населения США до 1933 года) и на данных о занятости из переписей населения и из данных текущего обследования населения. В таблице приведены результаты декомпозиции изменений в XLFP в США на два разных эффекта: (1) эффект увеличения дожития при фиксированных показателях занятости на уровне 1900 или 2007 г. (декомпозиция 1А и 1Б соответственно); и (2) эффект изменения занятости при фиксированных показателях дожития на уровне 1900 или 2007 гг. (декомпозиция 2А и 2Б соответственно). Каждая декомпозиция рассчитывается отдельно для мужчин и женщин, а затем для всего населения.

Приложение 8. Таблица 8А. Ожидаемая продолжительность трудовой деятельности в процентах от ожидаемой продолжительности жизни при рождении, США и 14 странах с высоким доходом, 1980–2007 гг., женщины

	1980	1990	2000	2007
Австралия	30,81%	35,92%	37,91%	40,69%
Бельгия	26,27%	27,37%	32,44%	35,22%
Канада	33,93%	39,96%	40,83%	43,82%
Дания	44,33%	47,50%	45,60%	46,48%
Финляндия	43,03%	44,15%	43,43%	43,72%
Франция	33,71%	34,05%	34,86%	37,58%
Исландия	51,43%	53,62%	53,24%	51,93%
Италия	24,40%	26,16%	26,55%	28,47%
Нидерланды	27,33%	30,43%	38,46%	43,18%
Норвегия	39,68%	43,51%	45,59%	45,97%
Испания	19,90%	24,33%	29,44%	34,49%
Швеция	46,22%	49,00%	44,40%	46,24%
Швейцария	40,39%	41,60%	42,24%	43,98%
Великобритания	35,69%	40,57%	40,59%	41,33%
<i>Среднее значение</i>	35,51%	38,44%	39,68%	41,65%
<i>Стандартное отклонение</i>	9,16%	9,04%	7,11%	6,01%
США	36,06%	40,24%	43,12%	41,61%

Приложение 8. Таблица 8В. Ожидаемая продолжительность трудовой деятельности в процентах от ожидаемой продолжительности жизни при рождении, США и 14 странах с высоким доходом, 1980-2007 гг., мужчины

	1980	1990	2000	2007
Австралия	57,28%	54,21%	51,05%	51,64%
Бельгия	50,48%	45,42%	44,94%	45,36%
Канада	56,95%	54,00%	50,82%	51,54%
Дания	57,30%	57,21%	53,25%	53,58%
Финляндия	54,32%	51,98%	49,55%	48,87%
Франция	54,32%	48,13%	45,27%	46,07%
Исландия	64,27%	61,39%	62,20%	59,64%
Италия	53,58%	50,10%	45,05%	44,45%
Нидерланды	51,84%	50,67%	52,00%	53,31%
Норвегия	58,40%	55,51%	53,50%	52,14%
Испания	56,65%	50,64%	48,61%	49,19%
Швеция	57,29%	55,51%	49,57%	51,76%
Швейцария	61,25%	59,68%	55,91%	54,78%
Великобритания	59,85%	56,86%	52,33%	51,71%
<i>Среднее значение</i>	56,70%	53,67%	51,00%	51,00%
<i>Стандартное отклонение</i>	3,67%	4,46%	4,63%	4,03%
США	56,04%	54,18%	54,34%	51,76%

Приложение 8. Таблица 8С. Ожидаемая продолжительность трудовой деятельности в процентах от ожидаемой продолжительности жизни при рождении, США и 14 странах с высоким доходом, 1980 – 2007, оба пола

	1980	1990	2000	2007
Австралия	43,06%	44,78%	44,10%	45,91%
Бельгия	37,93%	36,06%	38,42%	40,05%
Канада	45,03%	46,66%	45,54%	47,43%
Дания	50,54%	52,09%	49,27%	49,85%
Финляндия	48,23%	47,71%	46,24%	46,06%
Франция	43,55%	40,68%	39,76%	41,49%
Исландия	57,22%	57,62%	57,39%	55,81%
Италия	38,15%	37,54%	35,35%	36,08%
Нидерланды	39,60%	40,22%	45,00%	47,97%
Норвегия	48,70%	49,44%	49,33%	48,83%
Испания	37,42%	36,94%	38,64%	41,57%
Швеция	51,73%	52,29%	46,77%	48,79%
Швейцария	50,24%	50,14%	48,65%	49,01%
Великобритания	47,19%	48,25%	46,12%	46,26%
<i>Среднее значение</i>	45,61%	45,74%	45,04%	46,08%
<i>Стандартное отклонение</i>	5,98%	6,59%	5,65%	4,93%
США	45,31%	46,65%	48,32%	46,49%

Источник: расчеты автора на основе данных о дожитии из Human Mortality Database и данных о занятости из Международной Организации труда (кроме США; см. Примечание к приложению к таблице 7).

Приложение 9. Ожидаемая продолжительность трудовой деятельности в процентах от ожидаемой продолжительности жизни при рождении в Азии и в некоторых развивающихся странах, 2007, мужчины

Страна	XLFP/LE ₀
Япония	54,1%
Южная Корея	52,0%
Китай	57,6%
Филиппины	59,6%
Индонезия	64,5%
Бразилия	59,1%
Вьетнам	54,6%
Индия	60,0%
Бангладеш	60,9%

Примечание. Оценки ожидаемой продолжительности трудовой деятельности (XLFP) следует рассматривать только как ориентировочные и интерпретировать с осторожностью, учитывая проблемы с сопоставимостью данных о занятости. Представленные оценки - авторские расчеты, полученные по данным Международной организации труда о возрастно-половых коэффициентах занятости в каждой стране. Данные по дожитию взяты из таблиц смерти для каждой страны, подготовленных Центром международных программ Бюро переписи США.

Рисунок 1. Снижение возрастных коэффициентов смертности в Швеции, 1900-04 к 2000-04

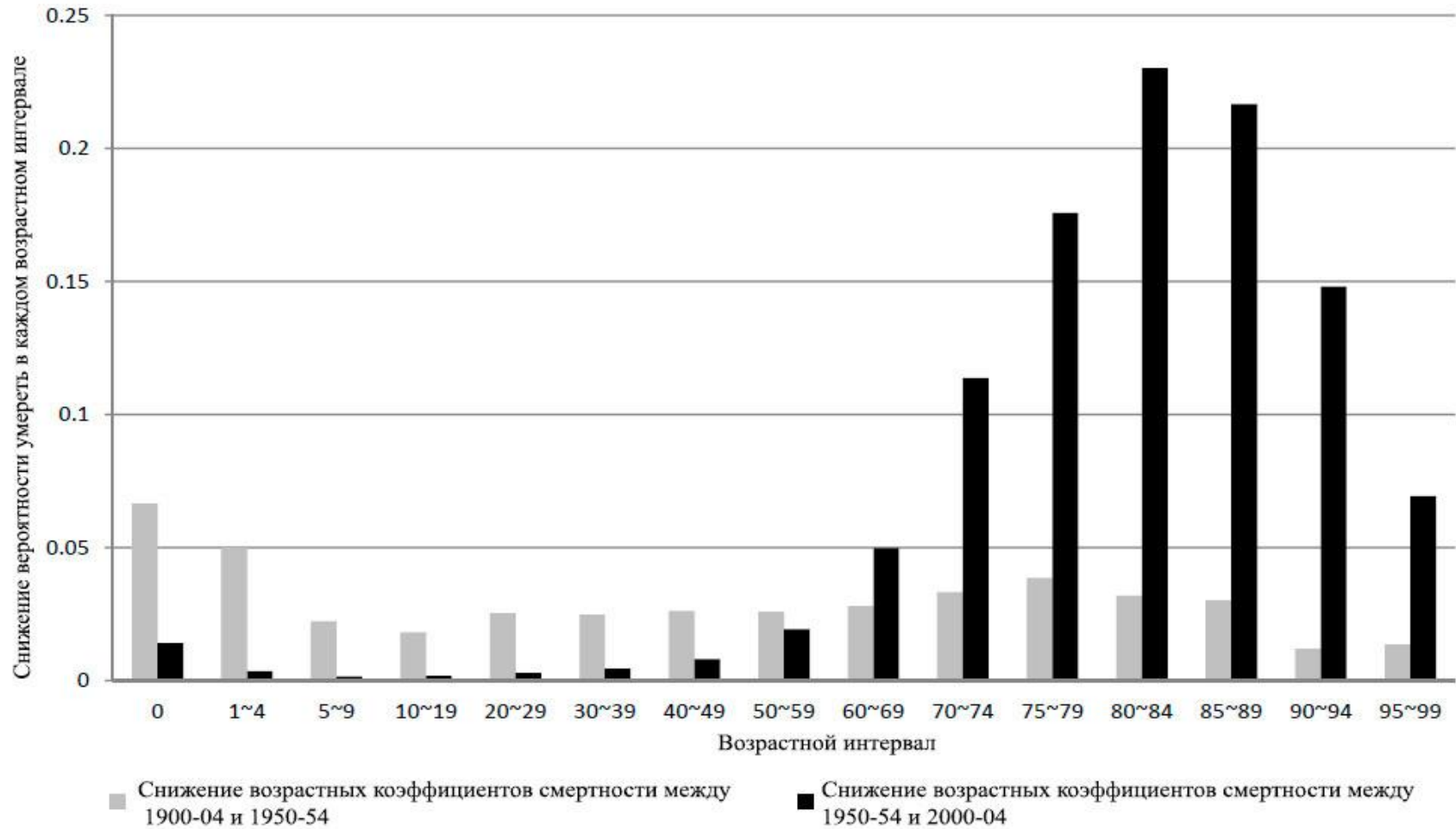

Рисунок 2А. Декомпозиция изменений ожидаемой продолжительности трудовой деятельности мужчин в США, с 1900 г.

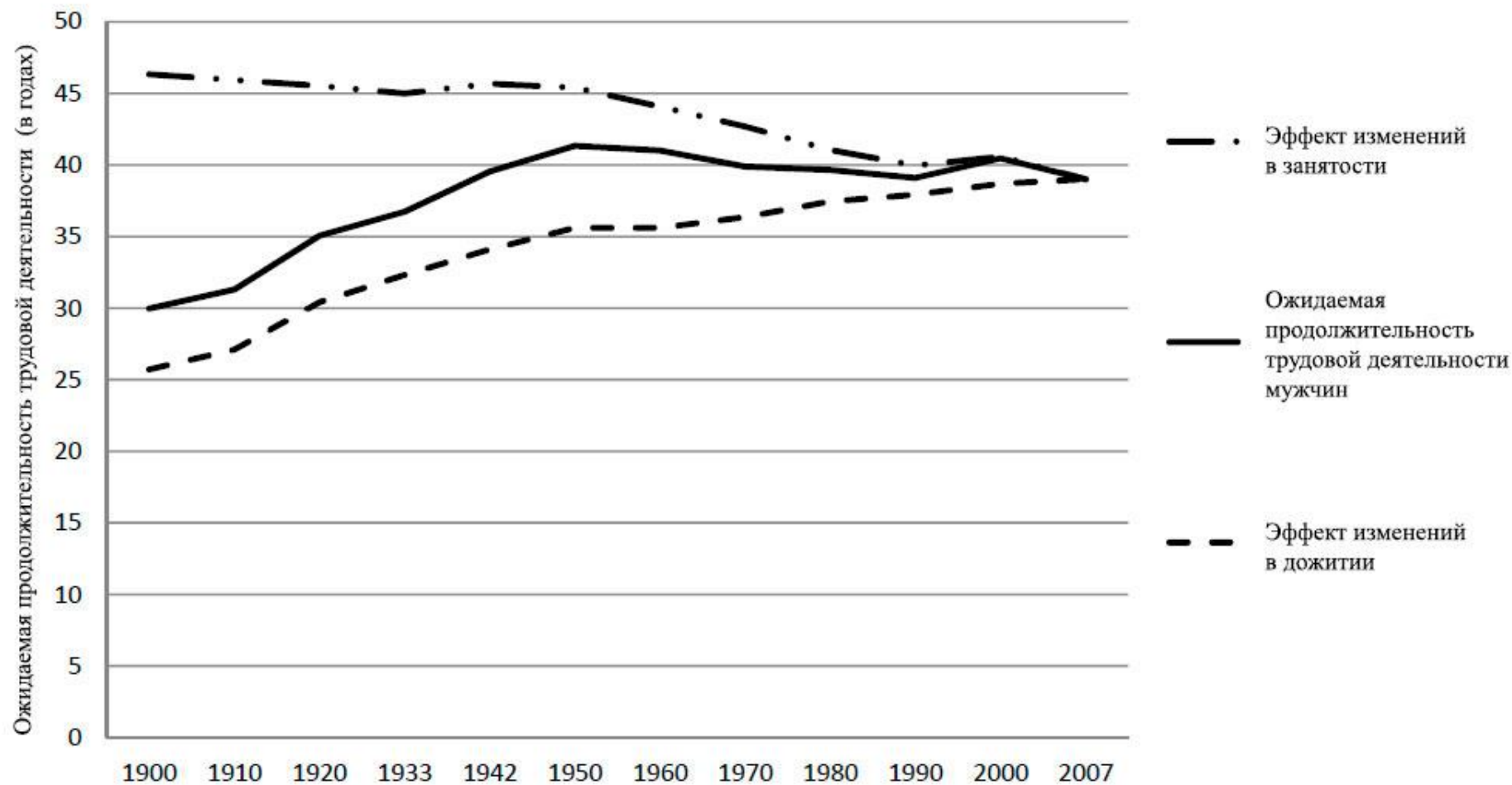

Рисунок 2Б. Декомпозиция изменений ожидаемой продолжительности трудовой деятельности женщин в США, с 1900 г.

МЕТАМОРФОЗЫ ИДЕНТИЧНОСТИ:

ТРУДНОСТИ ПЕРЕВОДА

Рецензия на книгу «Свои и чужие. Метаморфозы идентичности на востоке и западе Европы»¹

ГЛЕБ СМИДОВИЧ

Коллективная монография учёных России и Франции, Белоруссии и Австрии посвящена кризису идентичности. Ключевыми проблемами видятся повсеместное замещение гражданского содержания национальной идентичности ее культурным компонентом, различный подход к исследованиям идентичности на западе и на востоке Европы, динамичные и зачастую непрогнозируемые взаимоотношения между различными видами идентичности. Исследования показывают, что сегодня конструирование национальной, региональной, этнической идентичности всеми акторами (политиками, журналистами, учёными, обществом) служит основным источником кризиса идентичностей. Причина различного видения проблем трансформации идентичности – когнитивный диссонанс, когда одни и те же слова имеют разные смыслы на западе и востоке Европы, что во многом обусловлено историческим бэкграундом, при этом противоречия носят внешний характер, а конфликты порождаются «трудностями перевода». Задача научного сообщества – преодоление стереотипов, установление диалога с целью поиска новых инструментов анализа и выработки новых эпистемологий, а цель книги – сделать шаг на пути преодоления подобных непониманий.

Ключевые слова: идентичность, идентификация, государства-нации, нациестроительство, национальность, гражданство, конструирование идентичностей, дискурс.

Во введении редакторы (Е. Филиппова и К. Ле Торривеллек) артикулируют концептуальные рамки изучения проблем национальной идентичности, являющихся стержневой составляющей книги. Во-первых, по их мнению, имеет место повсеместное ослабление гражданского содержания понятия национальной принадлежности, компенсированное повышенным вниманием к ее культурной составляющей, к общему прошлому. Во-вторых, традиционное расхождение в отношении к культурным различиям на западе Европы и на ее востоке, где, как мягко сказано, «этничность сохранила значимость вопреки попыткам построения национальных государств по образу и подобию Западной Европы». В-третьих, абсолютизация несходства в понимании коллективных идентичностей мешает заметить двусторонний процесс конвергенции между «гражданскими» и «культурными» нациями²(3). При этом, в-четвертых, «дискурсы национальной идентичности, производимые политиками, журналистами, экспертным сообществом и отражаемые общественным мнением (и почти в той же мере порождаемые им) как на Востоке, так и на Западе, сближаются до неразличимости» (8).

ГЛЕБ СЕРГЕЕВИЧ СМИДОВИЧ (gleb.smidovich@gmail.com), ФЕДЕРАЛЬНЫЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ЦЕНТР РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК, РОССИЯ.

РЕЦЕНЗИЯ ПОСТУПИЛА В РЕДАКЦИЮ В НОЯБРЕ 2019 Г.

¹ (Филиппова, Ле Торривеллек 2018).

² При цитировании или ссылке к рецензируемой книге будет даваться только номер страницы.

Отмечая попытки написания альтернативных версий истории при явно недостаточном внимании к необходимости национального примирения, выработки общего проекта, авторы подчеркивают, что оборотной стороной дискурсивного конструирования нации, акцентирующего представление об ее уникальности и однородности, с одной стороны, и огромной разнице с прочими нациями — с другой, является реификация национальной идентичности (7).

Задача научного сообщества, по мнению редакторов, – в преодолении стереотипов, установлении диалога с целью поиска новых инструментов анализа и выработки новых эпистемологий, а цель книги – сделать шаг на пути преодоления подобных непониманий (3-4). Причем, судя по контексту, противопоставление «свой/чужой» авторы относят в первую очередь к представителям научного сообщества. Корень проблемы видится им в когнитивном диссонансе, в том, что одни и те же слова имеют разные смыслы на западе и востоке Европы, в том, что противоречия носят внешний характер, а конфликты порождаются «трудностями перевода». Что наталкивает читателя на старую непреложную истину: «О терминах не спорят, о них договариваются».

Не слишком усидчивый и желающий сэкономить свое время читатель может и ограничиться Введением, которое, вероятно, написано по законам жанра – постфактум. Насыщение можно гарантировать, однако для гурманов все-таки главное – вкус...

Представленные в книге тексты логично распадаются на несколько сетов: первый посвящен компаративным исследованиям – будь то анализ концептов гражданства и национальности на востоке и на западе Европы (И. Плассро, Франция) или российского и французского дискурсов о национальной идентичности (Е. Филиппова, Россия). Вторая группа статей посвящена осмыслению нации, идентичности, формирования политик конструирования наций и моделям национальной идентичности на страновом уровне (Ю. Чернявская и В. Шадурский, Белоруссия; А. Плеханов, Россия; Е. Веттер и Р. Де Силья, Австрия). Третий сет – особенностям формирования идентичности на региональном и локальном уровнях (В. Амелин и И. Габдрафиков, Россия; Р. Ле Коадик, Франция; П. Терешкович, Белоруссия; К. Гаврилова, Россия). Четвертый пласт статей, как и водится в коллективных монографиях, представляет сборную солянку исследования смежных проблем – различных аспектов формирования, трансформации и осмысления идентичности: роли территории (Я. Беван, Франция), анализа разграничения идентичности и идентификации (С. Соколовский, Россия), влияния кризиса 2008 г. на трансформацию идентичности исландцев (И. Кучерова, Россия). Но это логика рецензента, а не редакторов: статьи из разных сетов перемешаны, их последовательность обусловлена иными, не всегда понятными мотивами.

Тон дискуссии должна была задать статья И. Плассро «Гражданство/национальность на востоке и западе Европы: культурные заимствования или концептуальный тупик?», в которой исследуется эволюция концепции гражданства и национальности на востоке и западе Европы. Исторические штудии автора, касающиеся Восточной Европы и, особенно, постсоветского пространства, вряд ли задержат внимание читателя. Большой интерес представляют размышления автора о европейском гражданстве, эволюции традиционных взглядов на гражданство и национальность во Франции. Автор солидаризируется с точкой

зрения Ф. Констана, что мир зажат в тиски и разрывается на части из-за недостаточного развития гражданского общества, с одной стороны, и разрушительного, с точки зрения самоидентификации, действия глобализации – с другой. Что страны универсалистской традиции (то бишь запада) постепенно усваивают дифференциалистскую логику, тогда как страны, традиционно придерживавшиеся дифференциалистского подхода (востока), осваивают логику универсалистскую [26]. При сем автор далек от оптимизма: «Несмотря на некоторое концептуальное сближение, пропасть, разделяющая две части континента, снова углубляется» [27].

Статья Е. Филипповой «Сначала было слово». Дискурс национальной идентичности в России и во Франции» лишена трюизмов статьи И. Плассро. Автор поставил перед собой непростую задачу: выявить сходства и различия в дискурсах национальной идентичности в России и во Франции – странах, чье понимание нации часто представляется диаметрально противоположным. В дискурсе обеих стран звучит немало общих тем: это идея величия, суверенитета, культурного богатства, славного прошлого, особой роли языка – и утверждение необходимости защищать все это перед лицом глобализации, американского политического и культурного доминирования, низкопробных образцов массовой культуры, а также угроз международного терроризма.

Обе страны переживают сегодня консервативный поворот, вызванный снижением чувства защищенности. Во имя личной безопасности их граждане готовы смириться с ограничением некоторых личных свобод, что вполне ожидаемо для России, имеющей репутацию патерналистского общества, но куда менее – для Франции, чей имидж ассоциируется с бунтом и непокорностью.

Прочтение текста (когда речь идет о французских реалиях) вызывает ассоциации с реалиями российскими. Ссылка на французского социолога А. Шураки, подчеркивающего «страхи, фрустрацию, гнев, ксенофобия, расизм», напряженность в обществе на фоне «утраты ориентиров», коими служили «семья, работа и национальная общность» (104) вызывает в памяти тексты Л. Гудкова, ставящего аналогичный диагноз российскому обществу. Ссылка на Э. Макрона, относящегося к теме идентичности с большой осторожностью, поскольку она в последние годы монополизирована правым и ультраправым дискурсом, и который предпочитает говорить о «принадлежности к нации» и о «национальном нарративе» или «национальном романе» – ассоциацию с российскими дискуссиями о «цивилизационном коде».

Специальное внимание Е. Филиппова уделяет теме миграции и роли религии в формировании национальной идентичности. В дискурсе обеих стран присутствует тема миграционной угрозы национальной идентичности, обосновываемая культурной несовместимостью «местного» и «пришлого» населения. В России, да и во Франции, налицо «этнизация феномена миграции», в результате чего «конфликты, возникающие на почве конкуренции за доступ к власти и ресурсам, понимаются как проявление взаимной несовместимости» (96). При всей похожести дискурса, во Франции, в отличие от России, гораздо громче звучат голоса противников антимиграционизма, причем не только в среде интеллектуалов или активистов гуманитарных и правозащитных организаций, но и политиков леволиберального толка (98). Кроме того – и это особенно важно –

представление о Франции как о родине концепции прав человека и стране убежища остается важнейшей составляющей ее национальной идентичности для значительной части населения, которое регулярно мобилизуется на защиту мигрантов.

Связь религии с национальной идентичностью в России и Франции выглядит, по мнению автора, «наиболее контрастной». Применительно к национальной идентичности и религии сознание россиян по-прежнему остается секулярным, тогда как в церкви они видят, скорее, еще один институт власти, а религия рассматривается как атрибут коллективного членства (102).

Как для Франции, так и для России характерны мучительные и безуспешные поиски нового общенационального проекта. Отталкиваясь от размышлений П. Нора о том, что во Франции ни один идеологический проект за последние полвека не смог воодушевить нацию, автор констатирует: «Из двух составляющих ренановской формулы: нация как наследие («культ предков») и нация как проект («ежедневный плебисцит») осталась лишь первая». Пессимистично? – Как посмотреть, на фоне российских реалий. Полагая, что, чтобы россияне стали ощущать себя единой нацией, необходимо, чтобы у этой нации было, в соответствии с классическим ренановским принципом, желание жить вместе, а не выживать в одиночку, автор резюмирует: «В российском дискурсе национальная идентичность предстает как идеал, к которому нужно стремиться, во Франции – как достижение, которое нужно сохранить» (103).

Статьи Ю. Чернявской («Модификации белорусской идентичности: медийность и повседневность»), В. Шадурского («Основные модели национальной идентичности в современной Беларуси»), А. Плеханова («Украинская национальная идентичность в контексте формирования национального пантеона героев»), Е. Веттера и Р. Де Силья («Как стать австрийцем? Что значит быть им? Размышления о конструировании австрийской национальной идентичности — история и современность») акцентируют внимание на процессах нациестроительства, формирования национальной идентичности в Белоруссии, на Украине и в Австрии.

Ю. Чернявская констатирует, что в самосознании значительной части белорусского общества («евробелорусов») Россия принадлежит востоку, тогда как Белоруссия – запад, хотя еще не сбросивший оковы востока. Образ России как востока (империи восточного образца, деспотии и др.) достаточно стабилен. Другая, большая часть общества занята элементарным выживанием. Именно они («белороссы») принимают риторику «трех братских народов»: эта ценность входит в их идентичность так же, как и ценность стабильности (127).

В ситуации экономической безнадежности, когда «холодильник побеждает телевизор», все более обостряется конфликт идентичностей, причем далеко не только двух названных выше – «евробелорусской» и «белоросской». «Это всего лишь темы, внутри которых существуют вариации» (128).

В статье подробно рассмотрены различные варианты идентичности, для российского читателя особый интерес представит анализ неведомой в России игровой версии этничности, из медийной сферы перекочевавшей в повседневность.

Автор считает, что вырабатывается новая гибридная идентичность, что в следующее десятилетие налет гламура, консьюмеризма, игры, рекламы будет все более поглощать все ныне существующие виды белорусской идентичности, превращая ее в разноплановую, нечувствительную к противоречиям поп-идентичность. Однако этот *status quo* возможен лишь в более или менее стабильной ситуации. Этничность и тем более национально-гражданская идентичность имеет пульсирующий характер, и прогнозировать ее поведение в случае украинского сценария на сегодня представляется нереалистичным (140).

В. Шадурский акцентирует внимание читателя на том, что белорусское общество сегодня разделено на четыре больших группы с различным пониманием национальной идентичности и различными стратегиями национально-государственного строительства. Их отличают подходы к оценке основных событий белорусской истории, выбору государственного языка, определению интерационных перспектив и др. Наряду с упоминавшимися Ю. Чернявской «евробелорусской» и «белорусской» моделями, в статье рассматриваются также модели «Беларусы» (партия власти) и «Беларусы» (платформа национального согласия/компромисса). Автор отмечает слабое выражение коллективной воли белорусской нации, ее медленную мобилизацию. В белорусском обществе по-прежнему доминирует индивидуально-семейная (адаптационная) стратегия преодоления кризисных явлений. Решение собственных проблем, проблем своей семьи является первичным по сравнению с общенациональными задачами (151).

Статья А. Плеханова представляет добротный анализ научной литературы и результатов социологических обследований, проведенных ведущими украинскими социологическими центрами, отдельных нормативных правовых актов, а также результаты качественных исследований, проведенных автором на Украине.

Автор полагает, что насущная потребность проецирования на участников АТО успешного исторического опыта вооруженной борьбы потребовала активного привлечения героев националистического нарратива. В государственном дискурсе и СМИ происходит демонизация и дегуманизация образа России и личностей, представляющих общее прошлое России и Украины, а также вытеснение при помощи законодательства альтернативных националистическому исторических повествований. Каждая историческая фигура уже распределена между политическими лагерями, и собственный выбор той или иной исторической личности – это не некое личное отношение, а акт политической самоидентификации. И как резюме: «В настоящее время существуют две ключевые разнонаправленные тенденции: усиление обращения государства и его культурных индустрий к националистическому пантеону героев и общественный запрос на нейтральных героев, связанных с культурой, наукой, образованием, примиряющих, а не раскалывающих общество» (172).

Е. Веттер и Р. де Силья предредают своим размышления о конструировании австрийской национальной идентичности словами: «Отправными точками этих размышлений послужат три сюжета: история проблемы идентичности, ее современное состояние и радикализация дискурса об идентичности» (177).

Характерной особенностью Австрии авторы видят то, что дискуссии об идентичности ведутся тут с давних пор в отличие, например, от Франции. Поэтому

изучение конструирования здесь многоязычных и многокультурных идентичностей может представлять особый интерес для Европы, определяющей характеристикой которой является многообразие.

Плюралистская логика дуалистической монархии XIX века стала давать сбои в веке XX, поскольку, с одной стороны, государство утратило способность структурировать мультиэтническое общество, а с другой – народы, соблазненные национализмом, все менее и менее были готовы договариваться о новом гегемоническом равновесии (183).

Авторы исходят из того, что национальные идентичности изменчивы, подвижны, непрочны и амбивалентны. Кроме того, контуры идентичности, предлагаемые политической элитой и СМИ, с одной стороны, и ежедневно производимые в обыденном языке – с другой, влияют друг на друга (185).

Источником проблемы, которая грозит обостриться в будущем, является деление меньшинств на автохтонные, признанные Конституцией, и пришлые меньшинства, не пользующиеся особыми правами. Тогда как первые, исходя из примордиалистских концепций, являются частью австрийской нации, вторые из нее исключаются. Это тем более проблематично, что с некоторых пор пришлые меньшинства превосходят автохтонов по численности, и эта разница постоянно растет. Национальную идентичность становится все труднее понимать и принимать в примордиалистском ключе; дифференциация на местные, пришлые меньшинства и этническое большинство в будущем может стать одной из серьезных проблем Австрии (194).

Вопросам формирования идентичности на региональном и локальном уровне посвящены статьи В. Амелина и И. Габдрафикова, Р. Ле Коадика, П. Терешковича, К. Гавриловой.

В. Амелин, И. Габдрафиков изучают формирование российской идентичности в полиэтничной среде Урало-Поволжья. Социологические замеры показывают, что у жителей Оренбурга и Уфы сформировался высокий уровень гражданской идентичности, которая для людей более значима, чем этническая и конфессиональная. Говоря о «региональной идентичности» и «региональном самосознании», авторы вольно или невольно ставят знак равенства между гражданской идентичностью и «общефедеральной лояльностью» (115).

Р. Ле Коадик анализирует дискурс региональной идентичности в Бретани и четко формулирует результаты своего исследования:

1. Коллективная идентичность бретонцев не основывается ни на едином языке, ни на преувеличенном внимании к каким-либо этническим различиям, направленном в конечном итоге на исключение Другого, но на их повседневной культуре поведения и желании жить вместе, разделяя общую судьбу.
2. Отторжение Другого – будь то иностранец или мусульманин – гораздо меньше распространено в Бретани, чем среди всего населения Франции. Бретонцем, как показывает автор, можно стать вне зависимости от наличия миграционного прошлого, гражданства, этнической принадлежности или религии.

3. Представления бретонцев об условиях интеграции в местное сообщество являются одновременно инклюзивными и аффективными, основанными на идее разделяемого чувства.

Автор предполагает, что все эти факты являются следствием жизненного опыта населения Бретани и различных влияний, которым оно подверглось. Прежде всего а-этническая концепция бретонской идентичности не противоречит французской теории нации. Открытость по отношению к Другому согласуется и с ценностями католической культуры (в ее евангелическом, а не институциональном измерении). Можно предположить, что существование, осознанное или нет, в статусе меньшинства, поскольку чаще всего оно связано с той или иной формой непризнания данной группы в рамках государства, порождает у членов этой группы особую чувствительность к инаковости (243).

П. Терешкович изучает практику конструирования идентичностей населения западной части Белорусского Полесья. Цель, которую он ставит перед собой, – продемонстрировать, каким образом различные практики классификации населения (статистические, административные, этнографические и лингвистические) работают в условиях культурного пограничья.

На настоящий момент, по его мнению, выделяются по меньшей мере четыре варианта идентичностей Белорусского Полесья, причем как научный лингвоэтнографический дискурс, так и статистические материалы предлагают достаточно широкий набор аргументов в пользу каждой из них. В украинском проекте все коренное население западного белорусского Полесья априорно рассматривается как украинское. В идеологии ятвяжского проекта центральное место занимает миф происхождения полешуков от раннесредневекового балтского племени ятвягов, независимого ятвяжского государства. Берестянский проект предлагает вариант региональной идентичности, при котором в категорию «берестяне» включены все группы местного населения, включая ятвягов, бужан, украинцев, белорусов, «тутейших». Вариант белорусской идентичности выступает прежде всего в форме идентичности гражданской, но не исключаяющей этнокультурного компонента. И несмотря на негативный шлейф brutality поголовного директивного превращения полешуков в белорусов, белорусская идентичность в регионе, появившаяся задолго до 1939 г., не является искусственной.

Одновременное соотнесение с Белоруссией и с локальными и/или украинскими этнокультурными особенностями во многом и сегодня характерно для массовой идентичности населения западной части белорусского Полесья. При этом кажущаяся на первый взгляд абсурдной практика пограничья, превращающая смену идентичности в обыденность, позволяет не только выбирать между ними, но и абсолютно непротиворечиво сочетать их: можно быть одновременно или попеременно и украинцем, и белорусом, полешуком-украинцем или полешуком-белорусом, ятвягом, берестянином и т.д. (265).

Статья К. Гавриловой, туманно-чудно и необъяснимо озаглавленная «5+ жизней одной спорной категории: Чуди на Пинеге и в окрестностях» посвящена истинному чудотворству – конструированию этничности из ничего. Автор пишет, что «изначально

задуманная статья о курьеже постсоветской этнической практики трансформировалась в исследование о том, как несколько «жизней» спорной категории делают перекодировку фольклорного персонажа в этнического агента возможной и даже логичной». В статье показано, как формировался образ живой этнической группы (о которой на Пинеге никто не имел представления) при помощи узнаваемого набора показателей этничности: исторического нарратива, географии расселения, языка, уникальной религии и специфических культурных практик (306).

В рассматриваемом случае знание очередным О. Бендером схем концептуализации и манифестации этнической группы, ставших практически универсальными благодаря советской национальной политике, позволило сформировать убедительный образ автономной этнической группы, обладающей историей, территорией, специфической материальной культурой, языком и даже религией (327).

Казалось бы, ну казус, ну оригинальный, фантастический кейс, очень забавное и интересное описание, но чем вызвана необходимость публикации текста такого объема, с которым редкому читателю совладать (67 страниц)? На кого текст рассчитан? Но это вопрос к редакторам, а не автору.

В статье «Идентичность и идентификация: к расширению программы антропологических исследований» С. Соколовский ставит задачей расширение стандартного круга вопросов, используемого в исследованиях идентичности антропологами и их коллегами из смежных социальных наук: социологии, психологии и философии. Автор отделяет метафизическое, рефлексивное определение идентичности от материальной тождественности, пытаясь заполнить лакуны в полевых этнографических исследованиях (29), связанные с разницей в подходах к их определению в разных науках. Рассматриваются различные регистры идентичности, разность языкового употребления и применения этого термина в различных сферах, в том числе экономике и цифровой идентичности, отделяя её от ментальной, т.е. самоидентификации. Эта категория предстаёт как фиксированной, имманентной, так и текучей, изменчивой, что задаёт горизонт для дальнейших антропологических исследований (40). Также демонстрируется использование акторно-сетевой методологии (АНТ-подход) в антропологии идентичности. Интересная, вызывающая вопросы статья (насколько правомерно, например, отнесение к социальным идентичностям таких понятий, как честность, порядочность, правдивость или справедливость?), все-таки видится выпадающей из общего корпуса книги. Боюсь, что эта глубокая и артистически оформленная статья окажется не по зубам многим читателям – уж больно она специальна и, скорее, оказалась бы более уместна в научном журнале.

Я. Беван, автор статьи «Идентичность и территория: к вопросу об их идеологическом использовании», приходит к выводу, что главную проблему современного мира составляет не столько столкновение культур, сколько территориализация идентичностей, порождающая соперничество и противостояние. Отмечена парадоксальность понятия «идентичность», выведенная философом Ф. Декомбом: на западе она считается индивидуальной характеристикой, хотя и выражается в чувстве принадлежности индивида к коллективу. Однако рассмотрение ее как коллективного чувства означало бы отрицание

свободной воли индивида. И в том, и в другом случае территориализация остается фактором, который нельзя обойти стороной (63).

Автор констатирует, что главную проблему современного мира составляет не столько столкновение культур, сколько территориализация идентичностей, реальных или воображаемых, и именно эта территориализация порождает соперничества и противостояния (58). Я. Беван солидаризируется с другим автором книги: «процесс детерриториализации идентичности – то, что Р. Ле Коадик называет «нацией в сердце» – возможен лишь при условии, что эта идентичность достаточно уверена в себе, умиротворена, признана, а на ее «идеальную территорию» никто не покушается (65).

И. Кучерова изучает изменение идентичности исландцев под влиянием кризиса 2008 г. сквозь призму концепта удаленности, выступающего не только и не столько географической, сколько социальной характеристикой, отличительной чертой которой является противопоставление центру (удаленность всегда относительна) и парадоксальная замкнутость «изнутри», сочетающаяся с открытостью внешнему миру.

Автор полагает, что кризис 2008-2011 гг. вновь передвинул Исландию по шкале «нормальная европейская/скандинавская страна – дикая, экзотическая страна» в сторону последней. Исландия, имеющая долгую историю восприятия ее другими как удаленной колонии, столь же долго старалась «приблизиться» к центру, заняв достойное место среди европейских стран, значительную часть времени находясь на границе между дикостью и цивилизацией, историей и современностью, категоризируясь в зависимости от ситуации, интересов и политических целей (220).

Потоки туристов, с одной стороны, «приближают» ее, принося с собой стандартные туристические практики, с другой – (так как иностранцев привлекает именно удаленность) они соответствующим образом формируют восприятие Исландии (в том числе и самими исландцами) как «экзотической» страны, следуя привычным стратегиям колониального дискурса. Пока прибытие туристов усиливает «пограничность» Исландии: между Европой и США, между природой и культурой, локальностью и глобальностью; а что будет дальше, вероятно, зависит от того, как сами исландцы готовы воспринимать свою страну (222).

Было бы странно отсутствие недочетов в столь фундаментальной и интересной работе. Смущает, что процессы нациестроительства на Украине и трансформации идентичности в Исландии исследуют российские авторы: это может быть очень глубоко и содержательно, но все-таки – взгляд со стороны. Не менее смущает чудовищно большой текст, посвященный не столь уж значимой проблеме формирования идеологемы о чудской идентичности. Жалко, что этим текстом редакторы завершают книгу, – напрашивается заключение, подытоживающее результаты проекта.

Но все это ничто, перед тем, что объединяет авторов и их взгляды. Уже приходилось упоминать об ассоциациях с российской действительностью по прочтению статей французских авторов. Но есть и сквозные, опорные образы, поднимаемые самыми разными авторами: это и неоднократно упоминаемый тезис Ренана о плебисците, это и его же утверждение о необходимости «забвения» любой другой идентичности, которая может помешать идеологической интеграции, а может быть, и искажения исторической правды,

если таковое потребуется для укрепления идеологического фундамента нации и придания ей темпоральной легитимности, и тезис, что определенный дискурс, обращение к тем или иным историческим фигурам уже само по себе является одним из маркеров идентичности.

Единственным вопросом, не вызывающим разночтений у авторов из разных стран, является язык, который является оселком идентичности и который по преданию стал инструментом разобщения в Вавилоне.

Ассоциация с Вавилонской башней – не только констатация проблем общественных дискуссий об идентичности в каждой стране, рассматриваемой авторами книги, но и проблем взаимопонимания между специалистами Западной и Восточной Европы. Трансформация идентичности во всех ее проявлениях, равно как и дискурсы об идентичности – продукт меняющихся социально-экономических, политических и культурных сред. Тогда как дихотомия свои/чужие во многом зависит от исследователей. Эти категории, конструируемые наблюдателем, подобно коту Шредингера одновременно существуют и как бы их нет – это в первую очередь зависит от набора критериев их выделения. Устранение недопониманий, трудностей перевода должно повернуть вспять процесс саморазрушения, направить нациестроительство, укрепление национального самосознания и национально-гражданской идентичности в конструктивное, созидательное русло.

ЛИТЕРАТУРА

Филиппова Е.И., Ле Торривеллек К. (Ред.) (2018). Свои и чужие. Метаморфозы идентичности на востоке и западе Европы. М.: Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, Горячая линия — Телеком. ISBN 978-5-9912-0783-6.

IDENTITY METAMORPHOSIS:

LOST IN TRANSLATION

Review of the book «Us and them. Identity metamorphosis in Eastern and Western Europe»

GLEB SMIDOVICH

The book, a collective monograph by researchers from Russia and France, Belarus and Austria, is devoted to the identity crisis. The key problems are considered to be the widespread substitution of the civil content of national identity with its cultural component, the different approach to identity research in Western and Eastern Europe, and the dynamic and unpredictable relationships among different kinds of identity. Research shows that today the main cause of the identity crisis is the construction of national, regional, and ethnic identities by all actors (politicians, journalists, researchers, society). The origin of the problem is in the cognitive dissonance resulting from the different meanings of the same words used to describe identity transformation in Western and Eastern Europe. Such difficulties are mostly external by nature and are based on the historical background and “lost in translation” conflicts. The task of the scientific community is to overcome stereotypes and to establish a dialogue with a view to finding new tools to analyze and develop new epistemologies, while that of the book’s contributors is to take a step towards overcoming such misunderstandings.

Key words: identity, identification, nation state, construction of a nation, nationality, citizenship, construction of identities, discourse.

GLEB SMIDOVICH (gleb.smidovich@gmail.com), FEDERAL CENTER OF THEORETICAL AND APPLIED SOCIOLOGY OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES, RUSSIA.

DATE RECEIVED : NOVEMBER 2019.

REFERENCES

Philippova E.I., Le Torrivellec X. (Eds.) (2018). *Us and them. Identity metamorphosis in Eastern and Western Europe*. Moscow: Institut etnologii i antropologii im. N. N. Miklukho-Maklaya RAN, Goryachaya liniya – Telekom. (In Russ.). ISBN 978-5-9912-0783-6.